

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLO TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

787

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Труды по философии
XXXIII

TARTU 1987

Per A-1169

-787

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 787 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

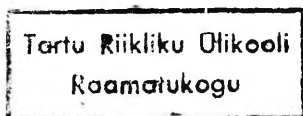
Труды по философии

XXXIII

ТАРТУ 1987

Редакционная коллегия:

Я.К. Ребане, Л.Н. Столович, Р.Н. Блюм, Э.Н. Лооне,
Р.А. Вихалемм, В.В. Зибен, Ю.Й. Матъус (отв. ред.),
Ю.В. Таммару (секретарь).

Tiki

И.И. ЯГОДИНСКИЙ О ФИЛОСОФИИ МОЛОДОГО ЛЕЙБНИЦА.
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ;
ПСИХОЛОГИЯ — ЛОГИКА — ГНОСЕОЛОГИЯ

М. Кыйв

Математический оптимизм XIX века приходит к концу столетия в состояние кризиса, возникающие трудности и противоречия требуют пересмотра основ самой математики со схоластической точностью и строгостью. В этой измененной философско-научной ситуации неожиданно приобретают особую и новую значимость философия и логика (теперь с оттенком философии логики) Г.В. Лейбница. Это редкий случай органического встраивания в новую эпоху философии такой временной дальности. Происходит пересмотр и смещение оценок и взглядов на труд Лейбница, особое значение приобретают до сих пор не опубликованные работы — письма и фрагменты философа, главным образом по вопросам логики. Ключ к пониманию смещается (по меньшей мере частично и временно) от "Монадологии" к "Discours de Métaphysique" и "Generales Inquisitiones" с 1686 года (в печатном виде впервые соответственно 1846 и 1903).

Символом и главной вехой этого процесса пересмотра несомненно можно считать две книги Л.Кутюра¹, содержащие анализ и текст названного "Generales Inquisitiones"² (далее — GI).

С книгами Л.Кутюра рождается подход к философии Лейбница с логической доминантностью. По Л.Кутюра метафизика Лейбница основывается только на принципах логики и выводима полностью из них³, он характеризует философию Лейбница словом "panlogisme"⁴. Этот панлогистический подход укрепляется и углубляется еще более работой Б.Расселя "Critical Exposition of the philosophy of Leibniz"⁵ (которая, хотя и вышла раньше названных книг Л.Кутюра, видимо во многом основывается на архивном материале, собранном последним)⁶ и доводится до крайности. Последующие "логицисты" Г.Х.Р. Паркинсон⁷ и Н.Решер вынуждены были смягчить эту позицию Б.Расселя, а также исправить явные ошибки интерпретации.

Панлогизм вызывает сразу сильную реакцию, главным обра-

зом со стороны неокантианов из немецкого языкового пространства⁸, которое ведет к известной контрверзе Кассирер — Рассель — Кутюра⁹.

Споры и оживление вокруг наследия Лейбница не остаются без откликов в русской философской мысли — общие предпосылки этих откликов хорошо характеризуют слова Л.Каринского: "В последнее время наблюдается большое оживление в историко-философской литературе в области изучения философской системы Лейбница. Появилось несколько больших работ по Лейбнице-вой философии, которые основаны на обильном, частью даже на вновь изданном или не привлекавшемся ранее для этой цели материале и в которых результаты оказываются нередко в принципиальных пунктах резко расходящимися со взглядами серьезнейших представителей истории философии прежнего времени. Однако взгляды ученых нового времени не стоят в согласии и между собою, и также не только во второстепенных вопросах, но и в основных"¹⁰. Из этого, заключает автор, вытекает необходимость разъяснения истинных взглядов Лейбница.

Одним из самых значительных представителей этого русского потока исследователей философии Лейбница начала века является профессор Казанского университета И.И. Я г о д и н с к и й. Нельзя сказать, чтобы интерес к философии Лейбница в России возник только в связи с названной "логической революцией". Корни традиции лейбницефилии лежат глубже. Целая школа русских персоналистов через Гербарта, Лотце и, наконец, через панпсихологизм Г.Тейхмюллера духовно связана с подходом к философии Лейбница с точки зрения монадологии (Козлов, Бердяев, Лосский и др.).

Но внимание критиков направлено прямо к непосредственному тексту философии. Смещение от психологизма к логицизму несомненно (хотя приверженцев жесткого панлогизма Кутюра-Расселя наверно нет). Международная известность И.И. Ягодинского связана главным образом с его публикациями архивных материалов Лейбница по метафизическим и логическим темам из парижского периода. Отметим здесь только широко известные публикации "Элементы сокровенной философии" (Казань, 1913) и "Исповедь философа" (1915)¹¹. Меньший отклик получило его же исследование по философии Лейбница допарижского периода "Философия Лейбница. Процесс образования системы" (Казань 1914) (в дальнейшем ЯФ) на русском языке, изобилующее источничковым материалом, собранным из разных разбросанных публикаций. Но именно это произведение, на наш взгляд, заслужи-

вает особого внимания¹².

Более детальное рассмотрение этого исследования Ягодинского и будет темой последующих строк нашей публикации. Задача, которую поставил себе Ягодинский (кроме собрания и ознакомления разных труднодоступных источников), весьма нестандартна и оригинальна. По сравнению, например, с А.Ганнекиным и В.Кабитцем, которые в своих трактовках о раннем периоде философии Лейбница¹³ видели в нем "как в семени, будущую его доктрина"¹⁴ - "Это в нем как бы набросано и начато"¹⁵, Ягодинский рассматривает философию предпарижского периода Лейбница как уже установившуюся и самостоятельную целостность. "Ганнекин и Кабитц видят в первоначальных концепциях главным образом то, что из них можно получить, и совершенно забывают о том, что они такое есть"¹⁶.

Но синтезировать целостную смысловую совокупность работ одного только периода жизни мыслителя - и еще такого, с кем по охвату глубины взгляда вряд ли кого из современников можно сравнить, дело рискованное. Ягодинский понимает это, но считает такую попытку все-таки необходимой. "Само собой разумеется, что некоторый скептицизм по отношению к исторической достоверности воссоздания системы Лейбница в данных пределах времени несколько не влияет на ценность получающейся картины в смысле ее абсолютно философского значения"¹⁷.

Попытка эта может рассчитывать на (хотя и сравнительный) успех только при выполнении по крайней мере двух условий:

1) рассматриваемый материал данного периода достаточно полон, т.е. ничего существенного из этого периода не упущено;

2) рассматриваемый период сам, представленный в полноте своего материала, имеет тенденцию замыкания в себе. Первое условие (минимальное), видимо, выполнено. Судя по последовавшим за появлением книги Ягодинского публикациям в сериях Прусской АН (G.W. Leibniz. Sämtliche Schriften und Briefe), ничего существенного из периода до 1672 г. не упущено.

Вопрос о выполнении второго условия сложнее и в утверждении этого нельзя быть слишком уверенным. Все же предпарижский период Лейбница, несомненно, особый, и это положение общепризнано еще до Ягодинского. А.Ганнекин в своей книге констатирует: "Мне эта доктрина (об уме (*de mente*) и движении в первом периоде) кажется замкнутой, части ее между собой согласуются ... и таким образом заслуживают самостоятельного рассмотрения"¹⁸. Этот вывод, сделанный на основе

относительно неполного материала, утверждается на более внушительной источниковой базе. Но главное — то принципиальное обстоятельство, что философия Лейбница Лейпциг-Франкфурт-Майнского периода — это философия преддифференциального исчисления. Открытие последнего разделяет философию Лейбница самым естественным образом на две — многое из первой уже невозможно во второй, многое во второй неугадаемо в первой. С открытием дифференциального исчисления и установлением нового видения (так называемой "классической механики") о континууме, о пространстве и времени, о непрерывности открываются новые смысловые возможности. Но и закрываются некоторые, на более чем два столетия. И хотя разделяющее значение дифференциального исчисления универсально, все же Лейбниц сам, более чем кто-либо другой, живет на этом разделении, существует, говоря словами Ягодинского, в "психической протяженности" становления и в уже установившемся, именно в его мыслях граница эта и смысл ее более ярко должны быть ощутимы.

Сравнение двух "половин" корпуса Лейбницевого опуса дает уникальную возможность для оценки значения этого всеобщего поворота во взглядах на "лабиринт континуума". Именно поэтому и даже независимо от степени успеха интересна попытка синтеза Ягодинского философии раннего периода Лейбница. Методологическая стратегия для его осуществления содержится в словах: "Остается одно: исключив противоречивые и изменчивые факты, дать для системы Лейбница гипотетическую картину. На первое место при этом выдвинется постулат, утверждающий, что однажды возникшая в сознании Лейбница идея, для которой затем не последовало опровержения, неизменно сохранилась в душе философа... На основании такого постулата будет дано мирозерцание тем более близкое к исторической достоверности, чем больше вошло в него идей, постоянно повторяющихся в пределах данной психической протяженности, а также идей, зависящих от первых, похожих на них или сродных с ними. Ввиду того, что система Лейбница, как сказано, никогда не была выражена вполне, такого рода метод ее воссоздания нужно считать единственно возможным"¹⁹. Воссозданная система распадается на схему: психология → логика → гносеология → метафизика → физика → этика. Схема эта, не только структурная, но отражающая также и хронологическое развитие, свидетельствует все же о промежуточной позиции Ягодинского между "психологизмом" и "логицизмом". С другой

стороны, в корпусе трудов предпарижского периода нет ничего вынуждающего к более жесткому логицизму. Вообще логика - самое слабое место в построении Ягодинского. Она более всего как бы требует иной точки зрения, исходящей из "*Characteristica universalis*" и "*Generales Inquisitiones de Analysi Notionum et Veritatum*". Ягодинский воссоздает ее как связующее звено в цепи психология — логика — гносеология, и многое остается нераскрытым.

Самое раннее твердо установившееся понятие по Ягодинскому - это душа (*mens, animus*): "Душа - это нечто свободное, нечто такое, в чем лежит принцип действия... Ее основа есть мышление, то есть особого рода действие в себе, которое можно понимать как усилие"²⁰ (*conatus* - понятие не ранее 1670 года). "Мышление все определяет в душе, а поэтому желать - значит мыслить. То же самое по отношению к чувствам"²¹. В "*Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae*" (в дальнейшем - NMD) с 1667 года: "Всякое действие души - это мышление, и желать значит мыслить о благе желаемого"²². Переход к логике дается с утверждением о вербальной природе мышления²³. "Психология как бы подготовительно выясняет интеллектуальный элемент нашей души, который находит свою подробную разработку в логике"²⁴.

Логика - наука об интеллекте и предмет ее - слова и мышление. В предисловии к "*Marii Nizolii de Veris Principiis*" (в дальнейшем MN) с 1670 г. логика делится на словесную и реальную, первое - для правильного использования слов, другое - для управления мышлением²⁵. *Logica verbalis* конструктивна и связана с *Arte combinatoria*²⁶ первого варианта *Characteristicae universalis*. Р.Кауппи характеризует связь логики с универсальной характеристикой: "Логика Лейбница с универсальной характеристикой тесно связана по истории развития его мысли. По содержанию надо их различать. Логику как и математику можно представить также *sine calculo et figuris*"²⁷.

De regendis cogitationibus Ягодинский: управление мышлением основывается "... на законах тождества и исключенного третьего, а также на принципе, что ничего не бывает без основания. Последний принцип приобретает иногда характер закона причинности"²⁸. Эти законы встречаются разбросанно в разных местах и контекстах этого периода (например, *principium rationis* впервые применяется к проблемам физики в "*Teo-*

ria Motus Abstracti" с 1670 года²⁹), но все вместе – как основные недоказываемые принципы логики в работе "De Principiis"³⁰ как principium contradictionis и "principium (reddendae) rationis"³¹. Р.Кауппи отмечает: "Второй из этих принципов, который в этом довольно раннем фрагменте (Ягодинский этого фрагмента не рассматривает) поставлен рядом с принципом противоречия, все же не принцип основания в поздней форме, а principium experimentiae: quod varia à me percipiuntur..."³². В 1670 г. в королляриях к АС Лейбниц приводит такие два первых высказывания (propositiones primae) логики: принцип всех теорем³³ (необходимых предложений – *propositio-nium necessarium*) и принцип всех наблюдений (контингентных предложений – *Aliquid existit*).

Принципа достаточного основания в строгом смысле (*predicatum inest subjecto*) философия молодого Лейбница определенно не знает.

Процесс познания подчиняется двум методам: разделительному и демонстративному: "Основа одного – деление понятий, основа другого – их определение". Эти методы появляются уже в 1667 г. в NMD, где первый называется *topica* (*ars inventiva*) и основывается на комбинаторике (метод синтеза), а второй – *analytica* (*ars judicandi*) и основывается на двух правилах: (1) Ни одно слово (*vox*) не допускается без объяснения (*nisi explicata*); (2) ни одно высказывание (*propositio*) – без доказательства (*nisi probata*)³⁴. *Probatio*, доказательство основывается на определении (*definitio*). Ягодинский: "... нерв (демонстративного метода), определение, имеет прежде всего ту относительную черту, что оно не бывает ложно"³⁵, потому что: "Определение это точное объяснение слов"³⁶ "... и поэтому всегда обратимо, т.е, подчинено закону тождества. Ряд определений, включенных друг в друга, составляет доказательство. Отсюда в момент применения демонстративного метода материал мышления представляет ничто иное, как нанизанный на нитку закона тождества ряд причудливо переплетенных друг с другом словесных или других знаков, соответствующих простым терминам"³⁷.

К этим двум методам Ягодинский прибавляет диалектику (в смысле системы исключающих вопросов) и вероятностный метод, который трактуется по "Specimen certitudinis" с 1669 года, где теорема 67 гласит: "Условное право получает значимость из обусловленного, вероятности существования условия и, наконец, из самого себя"³⁸.

Мы привели здесь эту теорему, так как перевод Ягодинского³⁹ ошибочен. Общее положение и правило применения вероятностного метода в логике определяются словами: "... что все зависит от доктрины логики о степенях вероятности ... Пусть будет общее правило: насколько больше вероятность существования условий, настолько больше условное право"⁴⁰.

Так, в системе Ягодинского логика получает свой предмет, интеллект от психологии, развивает его до управления мышлением и переходит таким образом, естественно, к гносеологии. "Логика говорит о форме познавательной деятельности"⁴¹.

Основами "познавательной деятельности" являются в воссоздании Ягодинского два принципа: "Противоположное необходимому невозможно" и "каковым что воспринимается, таково оно есть"⁴². Эти принципы не доказуемы, они нечто первичное и стоят вне процесса знания. Ягодинский разъясняет: "Они сходны законам логики, если эти законы взять со стороны их внутреннего значения для познания"⁴³. Оба все же требуют объяснения. Первое предложение, с точки зрения логики, принадлежит модальной логике, которая Ягодинским (по вполне понятным причинам) вообще как таковая не трактуется. Лейбниц изучает модальные категории в том же "*Specimen Certitudinis*", определяя модализаторы как необходимое, невозможное, контингентное и возможное (высказывание). Например: "определенное верное высказывание - необходимое"⁴⁴. Определяя в дальнейшем противоположное предложению предложение как высказывание, которое совместное с противоположным не может быть ни верным, ни неверным,⁴⁵ он получает теорему о высказывании о высказываниях: "*Necessarii contrarium est impossibile*"⁴⁶ (Противоположное необходимому невозможно). Здесь возможна путаница, так как Лейбниц использует слово *contrarium* не в смысле, данном ему уже в "модальном квадрате" схоластиков, а в смысле *contradictio* (*contradictio* к А, это $\neg A$), которое он в дальнейшем заменяет словом *oppositum*: "Необходимое то, отрицание чего невозможно"⁴⁷. (Ошибается поэтому Х. Позер, когда утверждает: "Только "*Necessarii contrarium est impossibile*" сохраняется; в крайнем случае схоластическое наследство показывает себя в *contrarium*, которое выражает не отрицание (*oppositum*), а контрарное противоположное")⁴⁸.

В другом месте Лейбниц наделяет "необходимое" и "невозможное" и также онтологическим содержанием, полагая: "Необходимое то, что не может не случиться или что верно в каждом

... случае"⁴⁹, где *potest fieri* resp. *non potest fieri* и т.д. понимается как онтологическое определение, и "*verum est quodam casu*" и т.д., как логическое определение соответствующих модализаторов. К этим двум он прибавляет в дальнейшем еще таблицу с выражением "(не) понимается ясно и определенно"⁵⁰, о которой отмечает – эпистемический. Но так как *intelligitur clare, distinteque* понимается у Лейбница без противоречия (*sine contradictionibus*), эта формулировка должна совпадать с той, которую выбрал Ягодинский для одной из аксиом гносеологии.

Вторая аксиома, "каковым что воспринимается, таково оно и есть", видимо, задумана как аксиома достоверности (*certitudinis*) познания. В материалах молодого Лейбница имеется два типа, в утвердительной и отрицательной форме высказываний, сходных с этим. Пример одного встречается уже в "*Confessio Naturae contra Atheistas*" с 1668 года, контексте доказательства бессмертия души⁵¹: "Ведь каковым что непосредственно чувствуется, таково оно есть". Ягодинский переводит в этом контексте "*immediate sentitur*" – "непосредственно чувствуется"⁵². В аксиоме за "непосредственно чувствуется" (*immediate sentitur*) подставлено "воспринимается".

Лейбниц продолжает в цитированном месте: Причина заблуждения – среда (*medium*), а не то, что воспринимается, и не то, кто воспринимает (иначе всегда заблудились бы)⁵³ – восприятие, как таковое (*modo sentione immediate*) достоверно.

Пример другого можно найти в "*Materia prima ...*" с 1671 года в контексте доказательства невозможности спокойствия первичной материи: "... ибо что не ощущается, то ничто"⁵⁴. На этом, как на недоказанной аксиоме основывается доказательство. В предисловии к трактату М.Низолии фигурирует паффаза этого же предложения как часть условий возможности моральной достоверности (достоверности факта)⁵⁵.

Это высказывание с оттенком номиналистского наследия, часто встречающееся в лейбницевских рассуждениях всех периодов и очень популярное в разных современных кванто-механических и – полевых обсуждениях, требует особого рассмотрения, выходящего за рамки данной публикации. Отметим только, что эти два рассматриваемые предложения не идентичны между собой по содержанию и не равны по объему. Каким образом они содержатся во второй аксиоме (достоверности восприятия) в форме Ягодинского, не легко увидеть. Сам он характеризует

значение обеих аксиом словами: "В названных принципах, к которым относятся также простые термины, обнаруживается как бы сама истина"⁵⁶. Вопрос построенной гносеологии – это вопрос о возможности истины. "Прежде всего истина возможна для абстрактных предложений ... Абстрактное предложение видит истину в возможности"⁵⁷, так как зависит "... от разума, тогда как частные предложения порождаются чувством"⁵⁸. С другой стороны, говорит Ягодинский, "... для того чтобы истина могла быть констатирована, необходимо условие конгруэнтности восприятия и идеи как по отношению к реальностям, так и по отношению к абстракциям"⁵⁹. Конгруэнтность может не состояться вследствие влияния среды, т.е. восприятие может не быть *sentio immediata*. Но когда возможно *sentio immediata*, т.е. когда не влияет среда и что есть собственно среда, остается неясным. По Ягодинскому (и по Лейбницу) от среды происходят ошибки (*erroris causa est medium*), но Ягодинский прибавляет, "которых (ошибок – М.К.) в противном случае не могло бы существовать, так как наши восприятия и окружающие нас объекты – истины сами по себе"⁵⁹. Лейбниц утверждает только, что *objectum sensus* не может быть *causa erroris*. Дальше высказывается, что "когда истина ясна, она называется достоверностью", и "мерой ясности является интеллект", поэтому "истины, собственно говоря, только внутренние восприятия, которые не объяснимы через посредство тела, ... чувственному опыту нельзя верить"⁶⁰. Является ли *sentio immediata* "внутренним восприятием"? Если так, что же тогда "о окружающие нас объекты", которые, видимо, являются объектами *sentionis immediatae* и о достоверности чего говорит вторая аксиома гносеологии?

Ягодинский продолжает: "/Разум/ есть то, чему по природе свойственны вечные истины, т.е. например, такие идеи-определения, как независящие от опыта определения полезного, справедливого, числа и т.п. Эти истины безусловны ... число можно назвать чувственным качеством ума"⁶¹. В "Nova Methodus" (NM), где Лейбниц определяет понятие чувственные качества – *qualitates sensibiles* (QS), он причисляет число к чувственным качествам органов тела. Вообще QS именно те объекты *sentionum immediatarum*, о которых говорится в "Confessio Naturae". Они сопоставляются с простыми терминами, которые охватываются именно "непосредственным чувством"⁶². Эти QS далее разделяются на QS-ума и QS-фантазии⁶³. QS-ума являются мышление (*cogitatio*) и каузальность (*cau-*

salitas). QS- органов тела, число (numerus), протяжение (extensio), дальше следуют: тело, пустота, движение, а также специальные качества осязания как твердость, текучесть и т.д.⁶⁴. Все эти качества являются объектами *sentionibus immediatis* и о них говорит вторая аксиома, выдвинутая Ягодинским.

Текст трактата (NM) в дальнейшем подвергался со стороны автора основательному пересмотру. Имеется три ревизии текста до конца столетия. Из сделанных замечаний можно судить, что Лейбниц в данных вопросах и в этом перисде в основном придерживается своих прежних взглядов⁶⁵. Из замечаний здесь стоит отметить, что *Qualitates sensibiles* заменяются на *Qualitates perceptibiles*, что к протяжению прибавляется сопротивление, а число более сдвинуто к метафизике⁶⁶.

Разговор о гносеологии кончается у Ягодинского сравнением дедуктивного и индуктивного методов: "Если разум стоит во главе познания, то в оценке значения дедуктивного и индуктивного процессов мышления на стороне первого должно быть преимущество. По своей достоверности индукция ничтожна. Без помощи как-либо предварительно принятых положений она ничего не может доказать"⁶⁷. Но индукция необходима. Для высказывания факта метафизическая достоверность невозможна (невозможна редукция к идентичным высказываниям), но возможна практическая или моральная достоверность. В MN Лейбниц действительно говорит о несостоятельности индукции⁶⁸, но это полемизируя с пониманием Низолии об универсалии как совокупности частных (*collectio singularium*). Универсалия не *collectiones singularium*, она имеет дистрибутивное значение (и логика Лейбница всегда была в основном интенциональна, а не экстенциональна), и поэтому "наивная" индукция не дает моральной достоверности, но дает индукция, пополненная универсальными высказываниями в виде приведенных нами на стр. 10 (к этим прибавляется как первое условие, условие непрерывности причины и следствия⁶⁹). Важна не состоятельность чистой индукции, а возможность практической достоверности при помощи нее. Этим завершается часть воссозданной Ягодинским системы Лейбница психология - логика - гносеология.

Но видно, что такая "линеаризированная" система не может даже для философии молодого Лейбница (не говоря о зрелом) дать замкнутую цельность - все основывается на метафизике (или на логике, если согласиться, что метафизика Лейбница сама выводится из принципов его же логики), гносеология ос-

тается "открытой", пока не будет замкнута метафизикой.

Литература и примечания

1. Couturat L. La logique de Leibniz. - Paris, 1901 (новоиздание: Hildesheim, 1966), далее - CL; Couturat L. Opuscules et fragments inédits de Leibniz. - Paris, 1903 (новоиздание: Hildesheim, 1961), далее - CO.
2. Точнее: *Generales Inquisitiones de Analyysi Notionum et Veritatum*, далее цитируется по изданию под ред. Schupp F. - Hamburg, 1982.
3. CL. - P. X
4. CL. - P. XI
5. London 1900 (новоиздания: London 1937, 1958).
6. *Studia Leibnitiana*. - 1979. - Bd. XI. N 2. - S. 159; O'Briant W.H. Russell on Leibniz.
7. См. напр. Parkinson G.H.R. Logic and Reality in Leibniz's Metaphysics. - Oxford, 1965; Rescher N. Leibniz: An Introduction to his Philosophy. - Oxford, 1979.
8. Напр. Cassirer E. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen. - Marburg, 1902 (новоиздание: Darmstadt, 1962).
9. Op. cit. *Kritisches Nachtrag*. - S. 532-548, Russell B. Recent Work on the Philosophy of Leibniz // *Mind*. - 1903. - Vol. XII. - P. 197.
10. Каринский В.Л. Умозрительное знание в философской системе Лейбница. - С.-Петербург, 1912. - С. VII.
11. Критические новые издания этих текстов в издании: Leibniz G.W. *Sämtliche Schriften und Briefe* / Hrsg. von der Preussischen Akademie der Wissenschaften. - Reihe VI, Bd. III. - S. 472 ff. und S. 115 ff. (далее, напр. A VI, III. - S. 115).
12. В книге Г.Г. Майорова "Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница" (М. 1973) должным образом оценен труд И.И. Ягодинского, как ценный источник философии молодого Лейбница.
13. Hannequin A. *Quae fuerit prior Leibnitii philosophia*. - Paris, 1845; Kabitz W. *Die Philosophie des jungen Leibniz*. - Heidelberg, 1909 (новоиздание: Hildesheim, 1974).
14. ЯФ. - С. 355.
15. Hannequin A. Op. cit. - P. 162.

16. ЯФ. - С. 361.
17. ЯФ. - С. 363.
18. Hannequin A. Op. cit. - P. 1.
19. ЯФ. - С. 363.
20. ЯФ. - С. 367
21. ЯФ. - С. 368
22. A VI, I. - S. 284: "Omnis autem actio animi est cogitatio, nam et velle nihil aliud est quam cogitare rei bonitatem."
23. Там же. - "Omnis porro cogitatio est alicujus Propositionis."
24. ЯФ. - С. 368.
25. A VI, II. - S. 418.
26. См.: *Dissertatio de Arte Combinatoria* (далее - AC). A VI, I. - S. 163.
27. Kauppi R. Über die Leibnizsche Logik// Acta Philos. Fenn. - 1960. - Fasc. XII. - S. 64.
28. ЯФ. - С. 369.
29. A VI, II. - S. 258.
30. CO. - P. 183.
31. Там же: "... si haec duo principia non sunt vera, nullam omnino veritatem et cognitionem locum habere."
32. Kauppi R. Op. cit. - S. 80.
33. A VI, I. - S. 228: "Quod est (tale) id est seu non est (tale) vel contra ..."
34. A VI, I. - S. 279.
35. ЯФ. - С. 370.
36. A VI, II. - S. 452: "... definitio nihil aliud, quam accurata nominis explicatio est".
37. ЯФ. - С. 370. Сравни с этим, напр.: A II, I. - S. 200, Reihe 20 ff.
38. A VI, I. - S. 425: "Jus conditionale aestimationem recipit ex conditionato, probabilitate existentiae conditionis, et denique ex se ipso."
39. ЯФ. - С. 418.
40. VI, I. - S. 426: "Quae tota pendet a doctrina Logica de gradibus probabilitatis ... Esto igitur regula generalis: Quanto major probabilitas existentiae Conditionis, tanto majoris jus Conditionale."
41. ЯФ. - С. 370.

42. Там же.
43. Там же.
44. A VI, I. - S. 398: "...propositio ... vera determinata dicitur necessaria, falsa determinata impossibilis ... vera indeterminata contingens, falsa indeterminata possibilis ..."
45. A VI, I. - S. 399: "C o n t r a r i a est propositio propositioni, quae simul cum ea neque vera neque falsa esse potest ...".
46. См., напр., GL. - P. 445.
47. Confessio Philosophi, цит. по: Poser H. Zur Theorie der Modalbegriffe bei G.W. Leibniz. - Wiesbaden, 1969. - S. 25: "Necessarium cuius oppositum impossibile est."
48. Poser H. Op. cit. - S. 16.
49. A VI, I. - S. 466:

"Possibile impossibile necessarium contingens	} est quicquid	{ potest non potest non potest non potest non	fieri seu quod verum est
quodam nullo, seu non quodam omni, seu non quodam non quodam non			casu."

50. A VI, II. - S. 528.

"... {
 quod intelligitur
 quod non intelligitur
 cuius non intelligitur oppositum
 cuius intelligitur oppositum
 } clare, distincteque."

51. A VI, I. - S. 492-493: "Mens humana est Ens cujus aliqua actio est cogitatio. Ens cuius aliqua actio est cogitatio, ejus aliqua actio est res immediate sensibilis sine imaginatione partium ... Nam quale quid immediate sentitur, tale est."
52. ЯФ. - С. 87.
53. Видимо, в этой формулировке уже содержится идея cognitionis adequatae, intuitivaeque, трактованная в 1686 г. в Meditationes de Cogitatione // Die philosophischen Schriften von Gottfried Wilhelm Leibniz / Herausgegeben von. C.J. Gerhardt (далее GP). - Berlin, 1880. - Bd. IV. - S. 422.

54. A VI, II. - S. 280: "M a t e r i a m p r i m a m s i
q u i e s c a t e s s e n i h i l ... Hujus rei
demonstratio est. Quia quidquid non sentitur, ni-
hil est."
55. A VI, II. - S. 431: "Existentia rei, quae non sentitur,
non praesumitur; ... Quicquid non praesumitur, in
praxi habendum est pro nullo, antequam probatur."
56. ЯФ. - С. 370-371.
57. ЯФ. - С. 371 (разрядка наша - М.К.).
58. Там же.
59. Там же (разрядка наша - М.К.).
60. ЯФ. - С. 371-372.
61. Там же.
62. A VI, I. - S. 285: "T e r m i n i porro aut sunt simp-
lices aut composti. S i m p l i c e s sunt qui
sunt indeclarabiles per terminos notiores, quia
i m m e d i a t e s e n s u i (разрядка наша - М.К.)
objiciuntur, ipsae nempe Qualitates sensibiles.
Quicquid autem habet Qualitates sensibiles seu quic-
quid est sensibile, illud dicitur Ens ... Et Quali-
tates simul sumtae (seu imaginabilitas) constituunt
E s s e n t i a m, sensibilitas E x i s t e n t -
i a m ..."
63. A VI, I. - S. 286: "Qualitates porro s e n s i b i l e s
in specie aliae mente tantum percipiuntur; aliae et
phantasia, seu mediantibus o r g a n i s c o r -
p o r e i s (разрядка наша - М.К.)."
64. A VI, I. - S. 287.
65. В издании Дутенса IV pars III, которое использует Яго-
динский, поздние прибавки отсутствуют.
66. A VI, I. - S. 287: "Nam N u m e r u s omnibus qvidem
sensibus externis percipitur, sed quia percipitur et
interno et hoc magis: ideo Arithmetica rectius Me-
taphysicae subnectitur."
67. ЯФ. - С. 373.
68. A VI, II. - S. 431: " Sed haec moralis certitudo non
fundata est in sola inductione, ex ea enim nullis
eam fidiculis collegeris ... "
69. Там же: "Si eadem vel per omnia similis est causa, idem
vel per omnia similis est effectus."

И.И. ЯГОДИНСКИЙ О ФИЛОСОФИИ МОЛОДОГО ЛЕЙБНИЦА.
МЕТАФИЗИКА - ФИЗИКА - ЭТИКА, СУММИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП.

М. Кыйв

В предыдущей статье¹ мы обратили внимание на своеобразную попытку И.И. Ягодинского синтезировать философские высказывания Лейбница из предпарижского периода в целостную самостоятельную систему².

Воссозданная Ягодинским система философии молодого Лейбница построена по схеме: психология - логика - гносеология - метафизика - физика - этика. По редакционным соображениям мы разделили эту схему на две подсхемы: психология - логика - гносеология³ и метафизика - физика - этика. Хотя сам подход Ягодинского такое разделение в какой-то мере оправдывает (психология, логика и гносеология основываются на общем фундаменте - разуме), однако, всякое разделение (а также "линеаризованная" схема вообще) философии Лейбница любых периодов произвольно. Философия Лейбница концентрируется в метафизике (даже если мы согласимся с панлогистическими интерпретациями о логической доминантности последней⁴), которая не часть ее, а суть. Основа первой подсхемы, разум (*mens*), сама требует обоснования. И разум, которому "по природе свойственны вечные истины" *non sine ratione*. И разум *bene fundata*. Ягодинский: "Отсюда делается необходимой наука о существах и состояниях. Это - метафизика"⁵. Здесь уместно спросить, что такое существо (*Ens*)?

Последние исследования (Р.Кауппи,⁷ Х.Позер,⁸ Ф.Шупп⁹) показали, что ранние (Л.Кутюра и др.) интерпретации понятий *Ens* как *existens* в общем неправильны. Так, Ф.Шупп: "Вещь (*res*) = существующее (*ens*) означает возможное, т.е. непротиворечащее понятие (сравни § 37 GI). Существующий, относясь в основном к возможному, не исключает все же обозначения экзистирующего"¹⁰.

Ягодинский эту проблему не обсуждает, а по тогдашним обычаям, видимо, автоматически читает *Ens* это *ens creatum*, т.е. то, что существует. В данном контексте это, вероятнее всего, верно. В короллориях к тому же "*De Arte Combinato*-

ria", Лейбниц в разделе "Metaphysica" пишет о метафизике, как о дисциплине "о Созданном вообще"¹¹. В предпарижский период, кажется, слово *Ens* так и понимается (см. "Nova Methodus"¹² и предисловие к трактату М.Низоли¹³). В предисловии к трактату М.Низоли различается также *Res* и *Ens*, которые в ранних (и поздних) работах полагаются равными. Хотя окончательно о всех значениях слова *Ens* в этом периоде утверждать здесь не можем, все же кажется чтение *Ens=ens* — экзистующее в предпарижском периоде, самым естественным, между прочим еще и потому, что отсутствует четко образованное понятие о возможных мирах, которое сделало бы другое понимание слова *Ens*, т.е. *ens* как возможное, психологически более вероятным.

Наука о существах и состояниях — метафизика — спрашивает об *ultima ratione*. *Ultima ratio*, существование которой вне сомнения (хотя требует доказательства¹⁴), это Бог (*Deus*) — совершенная субстанция. *Deus = ultima ratio* в трех отношениях: (1) бестелесная причина движения, (2) причина, почему вещи лучше существуют, чем не существуют¹⁵, (3) моральная основа мира. "Воля и разум Бога есть Его главные свойства, и разум преобладает над волей. ... /Разум Бога/ гармония по своей природе ..."^{16,17,18}. Гармония определяется как разнобразие, уравновешенное тождеством. Или гармонично то, что однообразно разнобразно¹⁹.

Существующий мир — продукт творческого акта: "В совокупности с чувственным качеством причинности Божие могущество является последней причиной мира, которая реализуется в творческом акте", в котором "свойственно ... *visio beatifica*, т.е. особого рода интеллектуальная радость ... все Божии действия протекают в порядке, так что для каждой души определено специальное Божие действие"²⁰ по разумному основанию²¹. ... По отношению к миру Бог является ... геометризующим субъектом, первым умом," события в мире "составляют цепь следствий, возникших по разумному основанию Божества"²².

О творческом акте сказано еще: "Вне разумной основы творческого акта нет ничего, потому что из идеи и возможностей Бог создает существование только тогда, когда эти идеи и возможности лучше всего совпадают с Богом, т.е. гармонией вещей"²³.

Здесь выражена важная философская идея Лейбница всех периодов: *actum creationis*, акт создания, это — *actum seligen-*

di, акт выбора. Мир в своей основе конструктивен. В письме к Веддеркопфу 1671 года он пишет, что Бог как бы выбирает из бесконечного множества всех возможных²⁴.

Насколько это рассуждение близко или далеко от зрелой идеи о "конструкции" реального мира из всех возможных серий, можно судить, сравнивая письмо Лейбница к Веддеркопфу от 1671 года с известным "*Ratio est in Natura*" конца века: "Итак, можно сказать, что все возможное стремится к существованию, поскольку оно имеет основание в необходимом Существо, действительно существующем, без которого нет пути к тому, чтобы возможное достигло осуществления ... Отсюда, однако, не следует, что все возможное существует; это было бы так, если бы все возможные вещи были совозможными ... При этом из столкновения всех возможностей, требующих существования, проистекает то, что осуществляется тот ряд вещей, который содержит более широкое осуществление, т.е. наибольший ряд возможностей ... Итак, существует наибольшее совершенство, так как это не что иное, как наибольшее количество реальности"²⁵.

Из великих принципов и идей Лейбница воссозданная метафизика предпарижского периода держится на законе противоречия и тождества, *Harmonia Universalis*, предварительных вариантах принципа достаточного основания и предугадания идеи возможных миров. Отсутствуют полностью принцип престабилизированной гармонии и Тождество неразличимых²⁶, но основная идея конструкции ясна. Ничего не существует просто, бытие обосновано, т.е. что существует, существует потому, что должно скорее существовать, чем не существовать, и так, а не иначе. Мир выбран таким, как он есть, по единственному принципу, который делает выбор вообще возможным, по всеобщей гармонии²⁷.

Выбор "подготовлен", выбирается из возможных, т.е. из тех, которые подчиняются на один принцип меньшему числу принципов.

В выбранном, т.е. существующем мире "царствует гармония среди субстанций". Ягодинский: "Интеллектуалистический элемент гармонии проявляется в бытии. Поэтому, как сказано, бытие есть нечто разумное и существовать, значит быть необходимым"²⁸. Но необходимое здесь не может иметь значения, данного атому термину в "первом принципе логики" по Ягодинскому - "противоположное необходимому - невозможное", что-то существует не потому, что не существовать - значит быть про-

тиворечивым. Все возможное несуществующее (в выбранном мире) непротиворечаще, существование зависит от *arbitrio Dei*, которое обосновано; только независимые от воли создателя вечные истины необходимы в метафизическом значении этого слова²⁹.

Имеется, правда, одно место в работах молодого Лейбница, где существование связывается с метафизической необходимостью, но контекст имеет здесь особенный смысл. В том же "*Specimen certitudinis*", где дается теорема "*Necessarii contrarium est impossibile*" высказывается: "Диспозиция случайных предложений, заключающих эти различия прошлого, настоящего и будущего, по отношению к определенной истине или лжи называется случаем. В силу разумного основания случая (у Лейбница просто "*cujus ratione*") диспозиция или бывает (*fit*) истинной и, следовательно, необходимой, так как сделанное не может быть не сделанным (*infectum fieri*), и это называется "существовать", или бывает невозможным, и это называется "отпадать"^{30,31}. Аргумент необходимости выражается здесь часто использованным Лейбницем высказыванием: "*factum infectum fieri non potest*", которое встречается уже с схоластики, и которое, видимо, постановляет — *infectum* противоречит *facti* — и предугадывает будущее *predicatum in subjecto* логики.

Субстанция созданного (реального) мира — *Substantia (mens) creata*, хотя имеет принцип действия в себе, все же зависима в двух отношениях. Она зависима от Бога, а также от корпуса (тела), от осязаемого протяженного пространственного объекта, с которым связано.³² Корпус само собой не имеет активного принципа.³³

Так как отсутствует престабилизированная гармония, общая схема зависимости между *mentem perfectam*, *mentem imperfectam*, и *corpus* не очень ясна. Сказано только: "Ум в теле действует не созидая, а двигая, Бог создает. Наоборот, Бог в телах не действует иначе как созидая ... Инструмент Бога — это ум с Богом соединенный, при помощи которого действует на тела иначе как созидая"³⁴.

Взгляды Лейбница этого периода на движение и континуум были близки к окказионализму, который он в дальнейшем категорически отверг, так что в проблеме соотношений Бог — ум — корпус много изменяется. Переход от Бога (через души или умы) к осязаемым телам все же имеет степень непрерывности. *Deus* — это *mens perfecta*, *mens*, связанное с корпусом *mens im-*

perfecta, корпус можно рассматривать как моментальный, лишенный воспоминаний ум³⁵.

Игодинский: "Существует материя сама по себе, т.е. первая материя. Это есть масса без движения и фигуры, хотя все-таки нечто такое, чему свойственны антитипия и/или непроницаемость"³⁶.

Трудно все же вложить точный смысл в существование таким образом определенной первичной материи. Лейбниц вводит, исходя из Аристотеля, это понятие в письме к Я.Томашю с 20/30 апреля 1669 г.³⁷ Осенью 1670 г. в письме к Г. Ольденбургу Лейбниц говорит только о так называемом состоянии первичной материи и утверждает: "Покоящееся тело никакого сопротивления и реакции иметь не может, так и никакой массы"³⁸. В фрагменте 1671 года "*Materia prima ...*", где сравнивается это понятие Аристотеля с субтильной материей Декарта, доказывається высказывание: "Первичная материя, если покоится — суть ничто"³⁹ и в одном письме к Вольдеру из Берлинского периода в 1703 году Лейбниц характеризует первичную материю: "Различая таким образом ... (2) Первичной материи или пассивной потенции первичной"⁴⁰. Видимо, примерно такой взгляд на это понятие установился у него уже в конце предпарижского периода.

Реально существующая ощущаемая вещь, это корпус с началом движения. Игодинский: "Движение есть сущность тела"⁴¹. Лейбниц: "Что мы называем покоящимся телом, это в действительности пустое пространство"⁴². (Что касается последней, то на протяжении всего периода он признает вакуум, и только в письме к О. фон Герике от 17 августа 1671 г. оставляет вопрос нерешенным⁴³).

Корпус — основа феноменального, ощущаемого мира: "Невозможно понимать в теле что-то, что не было бы величиной, фигурой и местным движением"⁴⁴. Эти внешние признаки обосновываются внутренним, субстанциальным и бестелесным принципом. Игодинский: "Понятие тела и его признаков — протяжения и движения — были бы не полны без понятия усилия"⁴⁵. С этим мы дошли до самой самобытной части предпарижской философии Лейбница: субстанциальный принцип корпуса связан с понятием усилия (*conatus*) и точки (*punctum*). При помощи последних молодой Лейбниц пытается выйти из "Лабиринта континуума" путем, вряд-ли мыслимым в послепарижском периоде, т.е. после образования "идеологии", внушенной только что изобретенным дифференциальным исчислением.

В пространственном отношении, так как **mens** в теле и так как она бестелесна, она — **punctum**. Это в философии Лейбница неизбежно, и так оно и останется: "... что необходимо имеются простые субстанции и без протяжения"⁴⁶. Но в предпарижской философии ум-точка и связанное с ней усилие⁴⁷ образуют своеобразную дуальную пару, сопряженную с дуальной парой пространство-движение⁴⁸.

В обоих данных высказываниях содержится и механическое определение термина усилия, — "движение минимальное", "начало и конец движения", но определения эти не точно совпадают, в добавок к ним прибавляются новые из других мест (напр. "усилие — это движение в мгновении через точки"⁴⁹), так что строгого определения с точки зрения классической механики мы не получаем, но в состоянии механики того времени это естественно. Важно другое: постановляется соответствие дуальных пар **Corpus (spatium, motus)** → **Mens (punctum, conatus)**, которое должно дать ответ по крайней мере на три тогдашние интригирующие проблемы: (1) Выход из "Лабиринта континуума", т.е. проблема непрерывности движения. (2) Соединение и сдерживание физических дел (*cohaerentia corporum*) (3) Бессмертие души и транссубстанцииации. Что касается двух первых, то идея решения проблем невероятно "вне контекста века", по смыслу она принадлежит к двадцатому.

Что касается третьей, то и ее нельзя отделить от общей ткани рассуждения, и вообще чисто теологические обсуждения Лейбница по структуре своей содержат важные логические и кибернетические идеи.

Проблема непрерывности интенсивно рассматривается начиная с 1669 года в разных работах и письмах Лейбница. Так, в письме от 29 июня 1671 Лейбниц пишет: "... всякое тело, это ум-мгновенный, ум сохраняет усилие в течение движения, тело не сохраняет; а ум не может не действовать, ум себя распространяет без нового созидания"⁵⁰, и в письме к Я.Томасию 20/30 апреля 1669 г.: "Поэтому в прямом смысле нет движения в телах ... то, что движется, непрерывно создается, в какое угодно мгновение в движении можно указать на нечто, как на тело, ни в какое время между мгновениями в движении ни на что указать нельзя"⁵¹.

То, что запрещает движение тела, это старый элейский запрет, который через Аристотеля и схоластиков все же действителен: "Движущаяся стрела не движется", в перефразированном виде: "здесь" и "не здесь" одновременно противоречивые

высказывания, или в модернизированной форме: "координата и импульс между собой не коммутируют". Т.н. окказионалистическое решение проблемы (к которой Лейбниц, видимо, в 1669 г. еще примыкает), выводит из "Лабиринта континуума" при помощи непрерывной аннигиляции и креации движущегося тела. Тогда все же должно сохраняться что-то, что движение непрерывно держит, это субстанция — *mens* как *punctum*. Точка-ум, так как не часть, а граница тела, не уничтожается⁵².

Из природы самой точки следует удивительное: точка находится в каждое мгновение в определенной точке пространства, а то, что в теле кроме точки, никогда ни в каком месте не находится⁵³. В "Теории абстрактного движения" окказионализм уже преодолен, в решении чувствуется будущее дифференциальное исчисление: "Но и вообще то, что движется, не в мгновении же, или в минимальном (промежутке) времени"⁵⁴ (соответственно аристотелевскому решению апории Зенона). Тело не находится в состоянии с данным положением, а в состоянии с данным усилием, т.е. пространственное положение вне обсуждения и аннигиляция и рекреация уже излишни. Все же сама суть рецепта предпарижского периода для выхода из "Лабиринта континуума" в "разделении точки".

Спрашивается, как вообще возможно соединение и сдерживание тел?⁵⁵ Ответ: проблема "частей в целом" (*partium in toto*) решается вместе с дуальной проблемой "реальное множественно-присутствие" (*multipraesentia realis*). В письме к А. Арно (A. Arnould) от ноября 1671 г., где Лейбниц предлагает решение проблемы транссубстанции, он пишет: "... Транс-субстанциация и реальное множественно-присутствие с точки зрения высшего Анализа не различаются, иначе тело во многих разных местах находиться не может, а только так, что субстанция того же самого тела находится в различных местах. Чистая субстанция не подчиняется протяженности тела, а тем самым ... условиям места"⁵⁶. И это не вследствие странных свойств самой субстанции как интеллекта (*mens*), а вследствие естественных свойств самой точки⁵⁷. "*Partium in toto*" или сдерживание присоединенных тел решает то обстоятельство, что две точки при столкновении вторгаются друг в друга (не части тела, а точки) и таким образом становятся одной точкой⁵⁸. Это возможно только потому, что: "Точка не что-то минимальное и без частей; но она непротяженна и не имеет разделенных частей..."⁵⁹. Обыкновенно в этих рассуждениях видят подготовительные упражнения дифференциального исчисле-

ния. И сам Лейбниц в письме к Фуше (**Foucher**) конца столетия расценивает свои работы юношеских лет именно с этой точки зрения, указывая только на их "незрелость"⁶⁰. И хотя все это верно, все же остается незамеченной одна возможность. Дифференциальное исчисление со своей направленностью на картину пространства и времени по представлениям классической механики затемняет некоторые более экзотические видения, в том числе и некоторые те, которые видит Лейбниц в свои юношеские годы.

Вообще, как мы в другом месте указывали⁶¹, лейбницевское видение о феноменальном мире (о телах, о движении, о пространстве и т.д.) сильно отличается от ньютоновско-классического. Утрируя, можно даже сказать, что видение Лейбница имеет склонность попасть в квантово-механическую пропасть. И чтобы избежать этой катастрофы, требуется сильный запрещающий закон. Именно в качестве этого спасительного закона фигурирует принцип идентичности неразличимых (**Identitas indiscernibilium**), как закон об объектах созданного (т.е. существующего) мира.

Но свойство точки, на котором основываются **multipraesentia realis** и **partium in toto** – решение на лад предприажского периода, ретушируется уже самим духом непосредственного и прямого применения нового исчисления. Видимо, более сильное и обширное суть влияние этого исчисления на интеллектуальную ориентировку взглядов, чем мы склонны думать.

Не имея возможности углубиться в эту проблему, мы ограничимся лишь эссеистскими намеками. Отметим еще, что книга Ягодинского – одна из редких трактовок философии Лейбница, где эти вопросы явно и решительно выдвигаются на передний план.

Свой синтез философии юного Лейбница Ягодинский завершает этикой, которая метафизически обоснована: **Ultima ratio** "... последнее основание естественного права, ибо право есть возможность поступать справедливо"⁶². Справедливость же узнается по вечным истинам, которые не зависят от опыта и вытекают из разумных определений. "Идея справедливости должна осуществляться в поступках. Так как моральное качество справедливости нам прирождено, то на нас лежит некоторая ответственность"⁶³. Из этого возникает проблема божественного предвидения и свободы воли, которые переплетаются со всеми другими логическими и метафизическими (даже физическими) вопросами системы.

Поскольку мы израсходовали объем статьи, данный в наше распоряжение, то эти вопросы должны остаться здесь незатронутыми. Этика юного Лейбница и ее трактовка Ягодинским (который суммирует: "Эстетический характер этики Лейбница в первый период его философской деятельности не подлежит сомнению"⁶⁴) заслуживают особого рассмотрения.

Остается, наконец, вместе с Ягодинским спросить: "В самом деле, дает ли представленная картина систему философии? ... Есть ли между частями системы органическая связь"⁶⁵? Действительно, есть ли? Как уже сказано, из больших принципов типично лейбницевской философии, в первом ее периоде полностью и четко сформулирован только принцип универсальной гармонии, в предварительном виде фигурирует принцип достаточного основания. Нет принципа престабилизированной гармонии, неполна логическая подстройка, которая выработается только после 1685 года (в работах *GI*, *DM* и т.д.). Все же мы должны согласиться с Ягодинским, когда он говорит: "... должно быть нечто, составляющее основную мысль системы, нечто такое, что служит в ней общим звеном и в силу самой центральности своего положения представляет таким образом существеннейший ее отличительный признак"⁶⁶. Он видит в качестве таковой склонность Лейбница к мыслительным конструкциям со связкой *potius*, о которой он говорит как о "понятии *potius*": "Такой отличительный признак имеется, и это есть понятие *potius*"⁶⁷. По Ягодинскому единственно П.Абеляр из всех схоластиков видит акт творения с точки зрения этого понятия, которое делает возможным взгляд "на первичный акт творения, как на происходящий с точки зрения выбора по наилучшему основанию"⁶⁸. Ягодинский прибавляет: "В понятии *potius* заключается как бы методологический оптимизм, который выработался у Лейбница подобно тому, как это было у Абеляра, в связи с идеями достаточного основания и причинности"⁶⁹. Он выделяет шесть мест из корпуса лейбницского труда первого периода, где этот принцип должен явнейшим образом проявиться.

Первое, которое Ягодинский датирует уже 1665 годом, гласит: "Хотя толчок тел сделался общим, нет причины, почему бы тела двигались в одну сторону лучше, чем в другую: ведь ничего нет без причин"⁷⁰. Комментарий Ягодинского: "В этом утверждении понятие *potius* высказано ясно, причем тесно связано с *lex rationis* и применено к физике. Такое применение может навести на мысль о влиянии Архимеда"⁷¹.

Из других указанных мест можно, например, сослаться на "Grundriss eines Bedenkens" от 1671 (?) года и на "Von der Allmacht und Allwissenheit Gottes" 1670–1672 (?) года с типичным для всех периодов ходом мыслей Лейбница: "Без Него прежде всего нельзя найти причину, ..., почему вещи, которые могли бы быть безсвязными и беспорядочными, находятся в такой прекрасной невыразимой гармонии"^{72,73}. "Бог есть последнее начало всех вещей и причина, почему они лучше существуют, чем не существуют, и лучше существуют так, чем иначе"^{74,75}.

Об этих примерах имеем комментарий в виде: "... Лейбниц вскоре обратил /понятие **potius**/ в принцип, то есть стал понимать его иногда как **lex melioris**, пользуясь им при этом чаще всего в соединении с **lex rationis** ... оно охватывает не только метафизику, но и логику с этикой. И это потому, что в понятии **potius** заключается идея оценки, а эта идея, приобретающая то логический, то метафизический, то этический смысл, служит связующим звеном главных частей философии Лейбница"⁷⁶. При этом **lex rationis** используется в логике, **lex melioris** в метафизике, а в этике – **lex libertatis**. В монадологии, утверждает Ягодинский, принцип этот действителен и содержит в себе все эти три значения. И прибавляет: "Отсюда можно сделать вывод, что указанное нами понятие **potius** и заключенная в нем идея оценки представляют главный характеристический признак системы Лейбница вообще"⁷⁷.

Как мы должны отнестись к этому кредо Ягодинского после накопленного за три четверти века опыта изучения философии Лейбница самыми уточненными методами современной логики?

Если рассматривать приведенные здесь примеры в отдельности, то действительно, схему хода мыслей первого можно искать уже в античности. Ведь знаменитую пересказку возможной фразы Анаксимандра Гипполитом⁷⁸: "Земля поднята, держится без всякой мощи, стоит на месте в силу равенства всех расстояний", можно трактовать именно в этом духе, и несомненно, в какое-то время античности (не будем утверждать, что самим Анаксимандром) была трактована.

Второй (здесь явно слово **potius** (e) не присутствует, но "конструкция **potius**" бросается сразу в глаза) и третий примеры – "классические конструкции" Лейбница – свойственны как решительные формулировки самых основных положений философии именно (и только) ему.

Конструкция **potius** действительно, говоря словами Ягодин-

ского, "характеристический признак" стиля мышления Лейбница — его по этому можно узнать.

Но принадлежит ли эта конструкция только стилю философствования или стоит за конструкцией какой-то особый принцип, вопрос спорный. Думается, что не принцип стоит за конструкцией, а наоборот, конструкция, как основной склад мыслей, стоит за всеми принципами, которые в решающих контекстах с этой конструкцией решаются. Последнее обстоятельство важнейшее — а именно то, что в философии Лейбница существует решающее разрешающее. Решающее решает выбор. Это решающий характер лейбницевской философии, скрытый под великими принципами "открытой философии", показывает себя в словесных конструкциях типа "понятия *potius*". В этом и заключается замечательность подхода Ягодинского к философии Лейбница, что он эту особенность почувствовал и указал на нее.

Таким образом, книга Ягодинского не только приводит читателя к материалам первого периода лейбницевского труда, но (спрос на нее продолжал оставаться и после выхода четырехтомника русских переводов главнейших работ Лейбница) она и поучительное размышление об этом.

В 1974 г. вышло повторное издание книги В.Кабитца "*Die Philosophie des jungen Leibniz*". Значит, эта старая книга В.Кабитца была в состоянии заполнить какой-то пробел. Это — в немецком языковом пространстве (где имеется теперь новое обстоятельное исследование философии юного Лейбница: "*Der junge Leibniz*" К.Молла), думается, что то же самое не с меньшим успехом могло бы сделать новое издание книги И.И.Ягодинского в русском.

Автору приятно поблагодарить Я.Унта за консультации по некоторым лингвистическим вопросам.

Литература и примечания

1. Кийв М. И.И. Ягодинский о философии молодого Лейбница. Предпосылки воссоздания системы; психология — логика — гносеология (см. пред. ст. данного сб., далее — I).
2. Ягодинский И.И. Философия Лейбница. Процесс образования системы. — Казань, 1914 (далее — ЯФ; о других сокращениях см. в I).
3. Рассматривалось в I.
4. I — С. 2.
5. ЯФ. — С. 373.

6. De Arte Combinatoria. - A VI, I. - S. 170; "Metaphysica, ..., agit tum de Ente, tum de Entis affectionibus..."
7. Kauppi R. Op. cit. - S. 46, 215-217.
8. Poser H. Op. cit. - S. 44-46.
9. Schupp F. Комментарии к GI, S. 176.
10. Там же. См. также §§ 145, 146, 148 текста.
11. A VI, I. - S. 229: "Necesse est dari disciplinam de Creatura in genere ..."
12. См. ссылка 62 в I.
13. A VI, II. - S. 457: "...nam omnis res est, et omne quod est res et omne quod est, est Ens, et contra omne Ens est, igitur omnis Res est Ens, et omne Ens est Res. Res autem quae non est, idem est quod res ficta, seu quae res dicitur, sed non est res. Praeterea Res ex usu Latinorum Veterum Ente strictior est. Nam Esse et Ens aequae late patet. Sed qualitates non dicimus Res, verum modos rerum. Sic igitur optime: Aliquid est aut Ens aut non Ens. Ens aut Res aut modus."
14. В доказательстве существования Бога в предпарижский период отсутствует вопрос о возможности Entis Perfectissimi, с которым возникает важнейшая для логики возможных миров проблема о *compossibilitate possibilium* (см. "Quod Ens Perfectissimum existit." с 1776 года: GP VII. - S. 260).
15. Von der Allmacht und Allwissenheit Gottes. 1670-1671 (?). A VI, I. - S. 544: "...weil Gott der letzte ursprung aller dinge und eine Ursach ist, warumb sie ehe seyn als nicht seyn und ehe also als anders seyn ..."
16. ЯФ. С. - 373.
17. A VI, II. - S. 153: "...Deus autem est harmonia universalis"
18. A II, I. - S. 162: "...Ratio ultima rerum seu Harmonia Universalis."
19. Elementa Juris Naturalis. 1671 (?). A VI, I. - S. 484: "Harmonia est diversitas identitate compensata. Seu Harmonicum est uniformiter difforme."
20. Душа — *mens*, это субстанция, поэтому "habet principium actionis in se" (A VI, I. - S. 508). Об отношении между *mentium imperfectarum* и *mentis perfecti* подробнее в "De Incarnatione Dei" от 1669-1670 (?) года (A VI, I. - S. 532).
21. О разумном (достаточном) основании в ранний период Лейбница см. обсуждение на с. 8 в I.

22. ЯФ. - С. 374.
23. Там же.
24. A II, I. - S. 117: "Qvae ergo ultima ratio voluntatis divinae? intellectus divinus. Deus enim vult qvae optima harmonicotata intelligit eaqve velut seligit ex numero omnium p o s s i b i l i u m i n f i n i t o ." (наша разрядка - М.К.).
25. GP VII, S. 289-290 / Пер. Я.М.Боровского: Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 Т. - М., 1982. - Т. I: "Itaque dici potest Omne possibile Existitur ire, prout scilicet fundatur in Ente necessario actu existente, sine quo nulla est via qua possibile perveniret ad actum ... Verum hinc non sequitur omnia possibilia existere: sequeretur sane si omnia possibilia essent com- p o s s i b i l i a (разрядка наша - М.К.)... Interim ex conflictu omnium possibilitium existentiam exigentium hoc saltem sequitur, ut Existat ea rerum series, per quam plurimum existit, seu series omnium possibilitium maxima ... Exisit ergo perfectissimum, cum nihil sit quam quantitas realitatis."
26. Identitas indiscernibilium.
27. CM. Schneiders W. *Studia Leibnitiana*. - 1984. - Bd. XVI, H. 1. - S. 27.
28. ЯФ. - С. 375
29. A VI, I. - S. 199.
30. A VI, I. - S. 399: "Propositionum verò contingentium, et has praeteriti praesentis aut futuri differentias recipientium dispositio ad veritatem vel falsitatem determinatum dicitur Eventus, cujus ratione vel fit vera, et per consequens necessaria, quia factum infectum fieri non potest, et sic dicitur E x i s t e r e, vel fit impossibilis, et sic dicitur D e f i c e r e ..."
31. ЯФ. - С. 415.
32. "De Incarnatione Dei", A VI, I. - S. 533: "Porro Mens creata s. imperfecta non unitur omni corpori, sed ei tantum in quo radicata est, et à quo separari non potest."
33. "De Transsubstantione", A VI, I. - S. 508: "Nullum Corpus, praecisa mente concurrente, habet principium motus in se."

34. "De Incarnatione Dei", A VI, I. - S. 534: "Mens in corpus non agit creando, sed movendo, Deus creat. Contra Deus in corpora non agit, nisi creando. Qvi autem creat in rem agit, re non agit, et ita res non est eius instrumentum agendi. Dei verò instrumentum est mens, Deo unita qva Deus agit in corpora aliter qvam creando."
35. Письмо Г.Ольденбургу от II. III 1671 (A II, I. - S. 90): "Interim hñc breviter innui; Omne corpus esse mentem momentaneam, ac proinde sine conscientia, sensu, recordatione."
36. ЯФ. - С. 376.
37. A II, I. - S. 16: Materia prima est ipsa massa, in qua nihil aliud quam extensio et *εὐτετυπία*, seu impenetrabilitas, extensionem a spatio habet, quod replet; natura ipsa materiae in eo consistit, quod crassum quiddam est, et impenetrabile, et per consequens alio occurrente (...) mobile."
38. A II, I, - S. 63: "Corporis verè quiescentis nullam resistantiam ac reactionem esse posse; imò nullam Massam ..."
39. A VI, II. - S. 280: "...Materiam primam si quiescat esse nihil."
40. GP II. - S. 252: "Distinguo ergo ...(2) Materiam nempe primam seu potentiam passivam primitivam ..."
41. ЯФ. - С. 377.
42. Письмо Г.Ольденбургу от 15/25 окт. 1671 . (A II, I. - 167): "... quod a nobis appellatur c o r p u s q u i e s c e n s, id in rei veritate esse s p a t i u m v a c u u m ..."
43. A II, I. - S. 146: "Denn ob eben alles voll ut nullus sit praecise corpore vacuus, will ich noch zur zeit nicht determiniren."
44. Письмо Г.Конрингу в мае 1671 г. (A II, I. - S. 94): "Impossibile est quicquam in corpore intelligi praeter magnitudinem, figuram et motum localem."
45. ЯФ. - С. 377.
46. "Essais de Theodicée" от 1705 г. (GP VI. - S. 56): "Car il fait voir qu'il y a necessairement des substances simples et sans etendue ..."

47. De Usu et Necessitate Demonstrationum Immortalitatis Animae (A II, I. - S. 113): "Demonstrabo enim Mentem in puncto consistere, cogitationem esse conatum seu motum minimum (наша разрядка - M.K.)....".
48. Theoria Motus Abstracti (A VI, II. - S. 255): "Conatus est ad motum, ut punctum ad spatium, seu ut unum ad infinitum, est enim finisque motus."
49. Письмо Г.Ольденбургу от 29 апр. 1671 г. (A II, I. - S. 102): "Conatum autem esse motum per punctum in instanti"
50. A II, I. - S. 102: "... omne corpus esse mentem instantaneam, mentem servare conatum amisso motu, corpus non servare: sed mentem ab agendo desistere non posse, mentem propagare seipsam sine nova creatione"
51. A II, I. - S. 23: "Vnde proprie loquendo non datur motus in corporibus, ... quicquid movetur, continuo creari, et corpora quolibet instanti in motu assignabili esse aliquid, quolibet tempore inter instantia medio in motu assignabili esse nihil."
52. De Incarnatione Dei (A VI, I. - S. 535): "Qvaeritur quomodo Mens quae corporis puncto implantata est eo in motu intereunte non etiam interit. An dicendum est puncta non interire, quia non partes sunt corporum, sed termini, et quia de punctis cessat illa circa corpora demonstratio."
53. Там же: "Punctum enim quolibet instanti est in certo puncto spatii, at id quod in corpore praeter puncta est, aliquando in nullo loco est, eo igitur tempore est nihil. Mirabiliter."
54. A VI, II. - S. 265: "Sed et omnino quicquid movetur, non est unquam in uno loco, dum movetur, ne instanti quidem seu tempore minimo"
55. Письмо Г.Ольденбургу от 28 сент. 1670 г. (A II, I. - 63).
56. A II, I. - S. 175: "Transsubstantionem et multipraesentiam realem in ultima Analysisi non differe; nec corpus aliter in multis locis dissitis esse posse, quam vt [eiusdem corporis substantia sit in multis locis dissitis]. Sola enim substantia eius extensioni ac proinde (...) loci conditionibus subiecta non est"

57. Там же. — S. 173: "...conatum ad motum esse vt punctum ad spatium (дуальные пары); posse in eodem corpore plures simul conatus, sed non motus contrarios esse; vnum corporis moti punctum tempore conatus, sui nonnunquam, quod dari potest, esse in pluribus locis seu punctis spatii, seu parte spatii se maiore; quod mouetur, nunquam in vno loco esse, ne instanti quidem de tempore infinitio; si corpus conetur in corpus, esse ambo in initio penetrationis seu vnionis, seu extrema eorum vnum esse, vt c o n t i n u u m definit Aristoteles οὐ γὰρ ἔσχατα εἶναι."
58. Письмо Г.Ольденбургу от 28 сент.1670 г. (A II, I. — S. 64): "...duo igitur puncta seu extremitates corporis, expellentis et impulsivi, se penetrant (datur enim punctorum, non corporum penetratio) et proinde unum sunt (разрядка наша — М.К.)."
59. Письмо Г.Ольденбургу от II марта 1671 г. (A II, I. — S. 90): "Punctum non esse aliquid minimum, et omnium partium expers; esse tamen inextensum, seu expers partium distantium ..."
60. GP, I. — S. 415.
61. Müürsepp P., Kõiv M. Leibniz "Principium identitatis indiscernibilium" und die Ununterscheidbarkeit der identischen Teilchen // Leibniz: Werk und Wirkung. — Hannover, 1983.
62. ЯФ. — С. 380.
63. Там же.
64. ЯФ. — С. 384.
65. Там же.
66. ЯФ. — С. 384-385.
67. ЯФ. — С. 385.
68. Там же.
69. ЯФ. — С. 386.
70. "Specimen Certitudinis" 1667-1669 (A VI, I. — S. 393): "...quia cum impetus eorum sit uniformis, causa non est, cur in alteram potius quam alteram moveatur, nihil autem fit sine causa."
71. ЯФ. — С. 387.
72. Там же.
73. A VI, I. — S. 532: "...dass zu förderst ohne ihn nicht möglich ist, eine Ursach zu haben (...) warumb die dinge, so doch könnten nicht seyn, etwas seyn; und

denn ferner, warumb die dinge, so doch könnten confus und verworren seyn, in einer so schönen unaussprechlichen harmoni seyn."

74. ЯФ. - C. 387-388.

75. A VI, I. - S. 544: "...weil Gott der letzte ursprung aller dinge und eine Ursach ist, warumb sie ehe /potius/ seyn als nicht seyn und ehe /potius/ also als anders seyn ..."

76. ЯФ. - C. 388.

77. ЯФ. - C. 391.

78. Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. - Hannover, 1974.

К "ВНЕШНЕЙ" ИСТОРИИ ВОЛЬФИАНСТВА В РОССИИ XVIII ВЕКА

В.В. Зибен

Анализ распространенности и восприятия учения Хр. Вольфа в России XVIII века требует последовательной всесторонней оценки социально-политической и философско-научной обстановки в России¹, а также обоснованного социального заказа той эпохи. Последнее дает возможность показать, какие же стороны его многогранной деятельности и учения нашли единомышленников в России и вызвали там наибольший интерес. Ведь его огромнейшая популярность в академических кругах Германии 20-60-х годов никоим образом не гарантировала ему того же самого в России².

Целью данной работы является рассмотрение истории вольфианства, т.е. идей и учения как самого Вольфа, так и его последователей и учеников в России XVIII века. Мы исходим из того, что "в истории духовной культуры взаимное обогащение культур народов - факт несомненный"³. Специальных работ по философской и естественно-научной рецепции⁴ Хр. Вольфа в России нет, но встречается множество отдельных попутных, чаще всего беглых высказываний, характеристик и суждений, причем очень разных и даже диаметрально противоположных. Детальный текстуальный фактологический анализ, тем более в марксистской литературе, нам неизвестен⁵. Перенимать же оценки, даваемые Вольфу буржуазными философами и идеологами, далеко не всегда верно⁶. Все это вынуждает нас на первом этапе исследования сосредоточить внимание на "внешней" истории вольфианства. В истории развития России XVIII век - это время новых начал, эпохальный процесс экономических, общественных и культурных преобразований. А.Морозов показывает, что "петровское государство искало в научной и политической литературе Запада средства укрепления своей идеологии и технико-экономического развития"⁷ и что именно вследствие этого книги Вольфа в России того времени были столь же популярны как книги Гроция и Пуфендорфа. Прежде всего это касается их учения о "естественном праве"⁸. Это относится в

большей мере к первой трети XVIII в., а в дальнейшем, как отмечает Г.В. Плеханов, — передовая общественная мысль России XVIII в. обязана французскому влиянию "гораздо больше, нежели влиянию всей остальной Европы. Впрочем, вся остальная Европа тоже находилась тогда под сильным влиянием Франции"⁹. При этом следует отметить, что в России французская философия XVIII в. чаще всего изучалась по немецким источникам¹⁰. Немецкое Просвещение также было очень сильно подвержено влиянию французского, "хотя и принявшем свои собственные своеобразные формы и выражения"¹¹. Если взять соответствующий период в России (первая треть XVIII в., т.е. деятельность Ф.Прокоповича, А.Кантемира и В.Татищева)¹², то видим, что "птенцы гнезда Петрова смотрели на просвещение главным образом с точки зрения его непосредственной пользы. Они учились у Западной Европы прежде всего с той целью, чтобы увеличить запас всякого рода технических знаний в своей стране"¹³. Последнее в некоторой степени они могли видеть в идеях Ф.Бэкона, Р.Декарта и в особенности Хр. Вольфа — "князя немецкого Просвещения"¹⁴. Отражение социального заказа петровской эпохи прослеживается и в заказах на переводы: изменился состав переводной литературы. Теперь он "решал главным образом утилитарные задачи"¹⁵. В первой трети XVIII в. отражением этой прагматической тенденции стали переводы книг по военному, морскому и горному делу, кораблестроению, фортификации и т.д.¹⁶.

На русский язык в XVIII в. было переведено несколько работ Хр. Вольфа, причем тех работ, которые отвечали в большей мере практическим нуждам России. Начало этому положил ученик Хр. Вольфа М.В. Ломоносов в 1746 г., издав так называемую "Экспериментальную физику", за которой последовали "Теоретическая физика", "Логика", "Фортификация" и "Математика"¹⁷. В плане сравнения на уровне "внешней" истории следует отметить, что ни Декарт, ни Ньютон в XVIII в. в России не издавались. Разумеется, это еще не говорит о том, что идеи последних не получили распространения в России. Анализ частных библиотек указывает на то, что работы этих авторов в России были и их знали. Можно утверждать, что в начале века Декарта знали больше, чем Ньютона, но обоих чаще всего знали в изложениях других авторов.

Самой распространенной философией Запада в России XVIII в. на академическом уровне являлась философия Вольфа, вернее, вольфианство, так как его ученики, по компендиумам которых

она в основном распространялась в России, зачастую отходили от учения своего учителя и особенно в области философии. Вольф имел фундаментальное свойство гения — он учил в своем времени. Видимо, именно поэтому, и это следует особо подчеркнуть, "ставшее традиционным вольфианство вовсе не заграждало пути для изучения иных философских течений" ¹⁸, так как эти проблемы интересовали в большей мере лишь академические круги. Это следует серьезно учитывать при анализе причин "живучести" вольфианства. Другим аналогичным фактором можно считать то, что краеугольным камнем вольфианской философии являлось постоянное "подчеркивание практической пользы всех теоретических познаний для совершенствования людей, их счастья и совместной жизни индивидов в роду..." ¹⁹. В то время это служило "краеугольным камнем" не только вольфианской философии, но и наилучшим образом отвечало запросам "ученой дружины" Петра I. Например, В.Татищев также требовал разделения философии и богословия, а благополучие людей ставил в зависимость от развития науки и познания. Ф.Прокопович высоко ценил Вольфа, а из его работ в особенности "экспериментальную физику". В теоретических предпосылках философских воззрений Вольфа и Прокоповича много общего, не (взаимо) влияния, а именно общего: оба они во многом опирались на испанского иезуита, теолога и философа Франциска Суареса (1548–1617). В России же до второй половины XVIII в. господствовал идеализм, который выступал главным образом "в православно-религиозном облачении. Его представители — С.Яворский, Ф. Лопатинский и др. отвергали философскую схоластику, боролись с материалистическими и рационалистическими идеями зарождавшейся светской философии" ²⁰.

Ф.Лопатинский — противник петровских преобразований, читая философию в Славяно-Греко-Латинской академии, выступал против учения Декарта. В рамках анализа русско-французских связей В.А. Малинин описывает философско-богословский диспут 1701–1702 гг. в Петербурге, который впервые в России затронул философию Декарта. Этот диспут показал, как в России пробуждается интерес к философии вообще и к Декарту в частности. В.А. Малинин выдвигает предположение, что именно "эти диспуты повлияли на решение не вводить преподавание светской философии в высших учебных заведениях" ²¹, но идеи Декарта оказали влияние на русских мыслителей XVIII в., в особенности на ученую дружину Петра I.

Далеко не одинаково воспринимались философские и естест-

венно-научные идеи Вольфа²². Большой запрос был на работы физико-математического характера, хотя в духовных семинариях его философия преподавалась до конца XIX в. В.Е. Евграфов и В.Ф. Пустарнаков писали: "схоластическая философия в средневековой версии преподавалась в России в течение нескольких десятилетий, до появления вольфианской философии. В силу того, что в философии Хр. Вольфа так называемая естественная теология тесно переплеталась с телеологией и к тому же в освещении физических и некоторых других проблем естествознания эклектически сочеталась с рядом принципов механистического материализма, она была более приспособлена в новых исторических условиях для выполнения функций официальной академической и религиозной философии на протяжении почти всего XVIII века"²³. В России вольфианство получило наибольшее распространение именно в академической сфере, в отличие, например, от вольтерианства и идей французского Просвещения вообще. Вольф тоже проповедует свободу и активно борется за нее, но его свобода — это свобода философствования, свобода науки, преподавание на родном языке, т.е. свобода, ограниченная академической и научной деятельностью, стенами университета. И лишь в общем-то, начиная с Лессинга, эта борьба затрагивает широкие слои населения.

Несомненен вклад Вольфа в создание Петербургской академии наук, ее становление, в особенности в первые годы. Его научно-организаторские достижения и деятельность высоко оцениваются как в буржуазной, так и российской²⁴ и марксистской²⁵ историографии. Этот аспект его деятельности наиболее эффективно и быстро способствовал проникновению и даже в значительной степени внедрению его идей в академические круги России. Хр. Вольф "гений своего времени"²⁶, он живет насущными проблемами и тоже прекрасно понимает, что "краеугольным камнем при организации научных академий в XVII-XVIII вв." был вопрос о соотношении теоретических и практических задач²⁷. Он постоянно подчеркивает практическую значимость знаний и своего учения²⁸.

Петр I высоко ценил Вольфа, и как отмечает последний в своей автобиографии, хотел уже в 1715 г.²⁹ иметь его у себя в качестве консультанта по вопросам прежде всего математики и физики. И если судить по письмам самого Вольфа, то вначале он действительно выступал как консультант по вопросу о вечном двигателе, якобы изобретенном Орфиреем. Эта проблема обсуждается с ним по меньшей мере до 1723 г.³⁰ в восьми опублико-

ванных письмах, но уже с 1720 г. его от имени Петра I опять неоднократно и в другой связи приглашают на работу в Россию³¹. Л.Блюментрост, в то время лейб-медик и управляющий императорской библиотекой и кунсткамерой, а затем первый президент Петербургской академии наук, "поехал в 1719 г. в Германию с целью пригласить Вольфа в Россию"³². В это же время Петр I писал Вольфу о "намерении учредить Академию, а при ней университет и гимназию, т.е. склонялся к мысли при- дать академии исследовательские и вместе с тем учебные функ- ции"³³. То же самое отмечает и Д.Х. Копелевич в своем спе- циальном исследовании: уже в конце "1721 - начала 1722 г., когда Шумахер (в то время секретарь Медицинской канцелярии и библиотекарь Петербургской библиотеки - В.З.) находился в Германии, Вольфу предлагалось приехать в Россию для органи- зации будущей Академии, а так как вскоре, вероятно, будет основан университет, он сможет возглавить его"³⁴.

Сам Вольф считал, что для России той эпохи было бы легче и целесообразнее открыть университет, а затем уже и акаде- мию³⁵, но это его предложение не нашло поддержки³⁶. Он отка- зался от руководства университета и от должности вице-пре- зидента Академии³⁷, но несмотря на это, он все же был избран ее первым почетным иностранным членом³⁸, которому выплачи- валось жалование. В целом переговоры с Вольфом затянулись на несколько лет, но он так и не приехал в Россию. Историками отмечено много различных причин, почему он не принял эти должности³⁹. Оценки самые разные и их анализ выходит за рамки нашего исследования. Здесь мы можем лишь отметить, что несмотря на все это, он принял самое активное участие в соз- дании академии.

Екатерина I просила Вольфа оказать помощь в подборе кад- ров для Академии по физико-математическим дисциплинам, а И.-Б. Менке - по гуманитарным⁴⁰. Именно благодаря посредни- ческой деятельности Вольфа, к которой он относился весьма серьезно⁴¹, в Академию были приглашены математики Я.Герман, Д. и Н.Бернулли, физики Г.-В. Вильфингер и Х.Мартини⁴², Хр. Гольбах, а в дальнейшем и многие другие. Именно с этого времени "начался длительный процесс взаимодействия зарождав- шейся русской науки, а вместе с тем и философии, с европей- ской и прежде всего немецкой наукой и философией"⁴³. В.В. Соколов считает, что "проникновение идей новой европейской науки и философии становится все более интенсивным к концу ХVII в., несмотря на господствующую роль в России той эпохи

религии и православной церкви⁴⁴.

Общепризнано, что в плане проникновения идей новой философии и науки в Германии огромную роль сыграл Хр. Вольф, благодаря стараниям которого в немецкие университеты проник научный дух Нового времени и философия больше не являлась пропедевтикой теологии⁴⁵. Он освободил философию от господства схоластики и теологии⁴⁶. А если учесть, что практически главным консультантом по вопросу комплектования зарубежными учеными Петербургской Академии наук, как уже отмечалось выше, был Вольф (Менке в большей мере занимался комплектованием университета при Академии), то дух, царивший в ней в начальные годы, был явно вольфианским. Более того, следствием этой его деятельности явилось то, что Академия ее первого состава была в основном из немцев⁴⁷.

Итак, рассмотрев деятельность Хр. Вольфа в первой трети XVIII в., связанную с Россией, можно утверждать следующее:

1. В Вольфе видели представителя естествознания и математики с европейской известностью (желание Петра I уже с 1715 г. видеть его у себя консультантом по математике и физике). Вольф посвятил свою "физику", написанную в 1723 г., Петру I. Последний ее высоко ценил, а его ближайшие сподвижники считали своим долгом иметь в личных библиотеках работы Вольфа.

2. В Вольфе Петр I видел авторитетного ученого, хорошо знакомого с организационной и научной работой университета и академии (приглашение приехать в Россию и организовать университет, оказать помощь в создании Академии и стать ее вице-президентом и т.д.). Еще в 1727 г. Вольф писал Л. Эйлеру, что Россия — это "рай для ученых"⁴⁸ и как добавляет Э. Винтер, — "страна безграничных возможностей научного исследования"⁴⁹. В целом весьма верно подчеркивается момент сотрудничества: нельзя отрицать немецкого влияния, но нельзя и преувеличивать его⁵⁰. Например, что значит для России пребывание здесь Л. Эйлера, Хр. Гольбаха, А. Шлецера и П. Палласа? И неизбежно возникает другой вопрос: что значило для немецкой науки их пребывание в России?

Непосредственное проникновение и распространение идей и учения Хр. Вольфа в России XVIII в. — это очень сложный и многогранный процесс, в котором можно все же выделить некоторые характерные моменты:

1. Непосредственное влияние через его учеников и последователей, принятых на работу в Академию наук, которые в

своей преподавательской деятельности использовали как работы самого Вольфа и компендиумы его работ, так и идеи, почерпнутые из них (это прежде всего Я.Герман, Хр. Мартини, Ф.Майер, И.Г. Довернуа и в особенности Г.-Б.Бильфингер).

2. Распространение вольфианства посредством издания компендиумов, написанных учениками Вольфа, которые в общем более сжато и доступно излагали учение своего учителя (Л.Ф. Тюммиг, Хр. Баумейстер и др.).

В первой четверти XVIII в. Вольф издал ряд "учебных пособий" своей философско-дидактической системы на немецком языке (он читал лекции в то время на немецком языке). Л.Ф. Тюммиг перевел Вольфа на латинский язык, который он считал более нейтральным, традиционным и привычным учебным языком⁵¹ и придал ему тем самым характер общеевропейского компендиума. Именно поэтому учебник Вольфа и распространился за пределами Германии. Уже в 1726 г. компендиум Тюммига использовался в Петербургской Академии наук как учебник⁵². В России компендиумы по Вольфу стали использовать даже раньше, чем работы самого Вольфа, так как ко времени открытия Академии он в общем-то заканчивал издание своей философской системы на немецком языке, а обучение в Академии шло в это время на латинском.

Л.Ф. Тюммиг издал свой компендиум на латыни в 1725-1726 гг., озаглавив его "Наставления по вольфианской философии, составленные для академического употребления"⁵³. Именно два раздела первого тома этого компендиума были затем переведены на русский язык. Ученик Хр. Вольфа М.В. Ломоносов перевел шестой раздел⁵⁴ в 1746 г., содержащий в кратком виде так называемую "экспериментальную физику" Вольфа⁵⁵. Был переведен и седьмой раздел⁵⁶, содержащий теоретическую физику Вольфа⁵⁷. Кроме того, на русский язык была переведена "Немецкая логика" Вольфа⁵⁸, "Фортификация"⁵⁹ и "Математика"⁶⁰.

И здесь следует особо остановиться на характере взаимоотношений Хр. Вольфа и М.В. Ломоносова, а также переводе последним "экспериментальной физики" своего учителя. Рассматривая освещение истории их взаимоотношений и роли в истории Просвещения, следует признать сложность этого вопроса. Говоря о влиянии Вольфа на Ломоносова, мы считаем, что надо исходить прежде всего не из анализа философского влияния⁶¹, а из сравнительного рассмотрения физических идей и универсальной математики, т.е. тех областей, в которых они оба

"чувствовали" себя лучше и где влияние действительно наблюдалось. Каков же характер этого влияния и что служит основанием утверждения, что Ломоносов не воспринял философских идей своего учителя. Такой вывод следует как из высказываний самого Ломоносова⁶², так и из сравнительного текстуального анализа физических работ учителя и ученика⁶³.

М.В. Ломоносов в течение трех лет учился в Марбурге под руководством Вольфа⁶⁴, где слушал его лекции по теоретической физике, математике, логике, аэрометрии, гидростатике и гидравлике, а также проводил практические занятия. Будучи официальным рецензентом в основном по физико-математическим дисциплинам в журнале "Acta eruditorum", Вольф был в курсе всех новейших достижений в данных областях и именно он обратил внимание Ломоносова на важнейшие физические работы известных ученых и помог ему ознакомиться с ними. Учаась у Вольфа⁶⁵, Ломоносов писал, как это и полагалось в то время, диссертации, которые одновременно служили ему и отчетом перед Петербургской Академией, пославшей его на свои средства учиться. Первые две диссертации явно указывают на то, как он исходит из основополагающих положений учения о природе (физических идей) своего учителя. В первой диссертации "Работы по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предшествующей жидкости" (октябрь 1738 г., на латинском языке) Ломоносов ссылается на многие места в 4-х работах Вольфа, на работы Бехера, Бургава, а во второй диссертации "Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул" (март 1739 г., на латинском языке) он ссылается уже на 7 работ Вольфа, работы Бургава, Бойля и Герике. Обе работы имеют математическую форму изложения, наиболее распространенную у вольфианцев⁶⁶.

Эти диссертации еще не вполне самостоятельные работы (а могло ли быть в тех условиях иначе?), но главный вывод, к которому можно прийти, читая их, следующий: Ломоносов многое перенял от своего учителя (он сам весьма корректно указывает, что и откуда), но не это главное. Главное в том, что он был побужден идеями своего учителя о природе (впрочем, эти идеи тогда витали в "воздухе"), перенял их в определенной мере и развил дальше. Здесь, видимо, следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о философских идеях, которые Ломоносов отклонял, но в отношении Вольфа опять же не очень активно. Он на всю жизнь сохранил глубокое уважение к Вольфу (и это несмотря на свой характер!). За время своего почти

5-летнего пребывания в Германии Ломоносов получил основательную теоретическую и практическую подготовку, пройдя путь от студента до ученого.

Каков же характер фундаментальных идей в области учения о природе у Вольфа? С уверенностью можно сказать, что в этой области Вольф стоит в целом на позициях стихийного материализма. Это следует прежде всего из анализа 4-ой главы его "Метафизики", которая называется "О мире"⁶⁷. Хр. Вольф пишет: "Прежде чем мы сможем понять, что есть собственно душа..., мы должны до того узнать, что есть мир"⁶⁸. И далее: "На земле и на небе есть всевозможные вещи, которые существуют в пространстве, времени, и что каждое имеет свою основу в другом"⁶⁹. При этом Вольф придерживается концепции обращения людей к миру, а "мир" понимается им механистически⁷⁰ (мир есть машина⁷¹), но в то же время в понимании пространства и времени, их взаимосвязи он стремится отойти от жесткого механицизма: в мире все "взаимообосновывается"⁷² и "не ошибаются те, кто всю материю в мире видят в постоянном движении"⁷³. Более того, он считает, что все изменения тел совершаются именно вследствие движения"⁷⁴. Первые работы Ломоносова по физике считают материалистическими⁷⁵. То же самое с полной уверенностью можно сказать и о физических работах его учителя, в особенности, о экспериментальной физике последнего. В своей преподавательской деятельности М.В. Ломоносов, как он и сам неоднократно отмечал, руководствовался сочинениями Вольфа и его последователей, перевел его "экспериментальную физику", а в своем "риторическом учебнике"⁷⁶ заимствовал у него параграфы "о сопряжении простых идей" и "об изобретении доводов"⁷⁷.

Хр. Вольф и М.В. Ломоносов были учеными-энциклопедистами. Ломоносов по праву считается первым, кто "всеми доступными ему средствами начал пропагандировать науку в родной стране, передавать ее широким кругам русского общества"⁷⁸. Именно в этом плане Вольф мог служить ему примером. Когда в 1741 г., после почти пятилетнего пребывания в Германии, М.В. Ломоносов вернулся в Петербургскую Академию, то в России еще не было учебника по экспериментальной физике на русском языке⁷⁹: здесь использовали учебник Л.Ф. Туммига и еще сам Ломоносов в 1744-1745 гг. использовал его в преподавании, а затем все больше пользовался переведенной им в 1746 г. книгой "Вольфианская экспериментальная физика..."⁸⁰. В истории развития "учебной физики в России "Вольфианская экспе-

риментальная физика" в переводе Ломоносова сыграла большую роль. Ломоносовым был, по существу, создан первый учебник по экспериментальной физике на русском языке, по которому в течение нескольких десятилетий учились и студенты, и гимназисты, и учащиеся других учебных заведений России⁸¹.

Своему переводу "Вольфианская экспериментальная физика" на русский язык Ломоносов предпослал весьма лестное предисловие: "В числе первых почитается сия книжица, в которой все опыты, к истолкованию главных натуральных действий нужнейшие кратко описаны. Описатель оных есть господин барон Христиан Вольф"⁸². Как верно замечает В.Зубов, — картина не могла быть совсем полной, так как уже Туммиг взял лишь важнейшие опыты, но "несмотря на это этой книге придавали большое значение, она побуждает у нас интерес, так как она дает выводы о распространении физических знаний в России и Германии и о возникновении научной литературы на национальных языках"⁸³. В целом "Экспериментальная физика" Вольфа, взятая в своей основе, для того времени была "объединением развития экспериментальной науки в Европе с середины 17 в."⁸⁴. И когда Ломоносов стал учиться у Вольфа, то для него переход "от науки Магницкого и Смотрицкого к живым, на глазах выраставшим результатам физики и химии начала XVIII в. был без сомнения головокружительным"⁸⁵. Именно благодаря Вольфу у него возник огромный интерес к физике Р.Декарта, П.Гассенди и Р.Бойля, Хр. Гюйгенса и И.Ньютона, так как именно вольфианская физика пыталась "соединить Ньютона с Лейбницем и Декартом, учение о непрерывном эфире — с идеями об атомах — корпускулах"⁸⁶.

В Петербургской Академии в целом господствовала картезианская атмосфера. Здесь имелись сильные течения материалистической физики. Например, вольфианец Еильфингер был ярким противником Ньютона — он боялся в необъяснимых "силах притяжения" Ньютона вновь найти скрытые качества перипатетиков⁸⁷. Сам Вольф также во многих конкретных вопросах физики был сторонником картезианцев. Более того, он стоял, как было показано выше, на позициях механицизма, так как полагал, что познание истины возможно потому, что "мир есть равным образом машина"⁸⁸.

Не меньшее распространение в России получили работы Вольфа по математике. Самому Вольфу европейскую известность принесли именно математические работы. Свою преподавательскую работу он начал как математик, в Берлинскую Академию он

был избран за свои математические работы и почетным иностранным членом Петербургской Академии он был избран также по математике. Его 4-томный курс "Начальные основания всех математических наук"⁸⁹, вышедший в 1710 г. на немецком языке, был по тем временам солидным университетским курсом "элементарной и высшей математики"⁹⁰. В этом курсе Вольф со свойственной ему энергией выступил на защиту "системы преподавания, на первый план выдвигающий понимание и логическую тренировку ума"⁹¹. Именно этот курс математики в 4-х томах на немецком языке и в 5-ти на латинском (1713-1741 гг.) пользовался наибольшей известностью и оказал "сильное влияние на последующую учебную немецкую и не только немецкую литературу. По нему обучались в 40-е и 50-е годы XVIII в. студенты университета при Петербургской Академии наук"⁹². Как полагает Вилейтнер, именно Вольф своим 5-томным изданием положил начало научно-систематическому изложению, так как он вновь придал "большой вес доказательствам и математическому построению, оказавшись в силу этого на высшей арифметической ступени"⁹³.

На русский язык был переведен пользовавшийся еще большей известностью (издававшийся около 20 раз) сокращенный курс 1713 г. Его перевел и несколько дополнил С.К. Котельников⁹⁴. Возникает вопрос: почему же был осуществлен перевод учебника Вольфа спустя почти 60 лет (в 1770-1771 гг.) и его второе издание еще через 20 лет (1791 г.)? Чем же объясняется спрос на математические работы Вольфа? В России в начале XVIII в. из отечественных учебников была лишь "Арифметика" (1703 г.) Магницкого⁹⁵. Это был элементарный учебник математики, вытесненный учебником Л.Эйлера, написанным на немецком языке (1-я часть в 1738 г. и 2-я в 1740 г.⁹⁶). На русский язык учебник Л.Эйлера перевели В.Адогуров (1-ю часть в 1740 г.) и студент В.Кузнецов (2-ю часть в 1760 г.)⁹⁷.

Следующей попыткой создания отечественного учебника по математике следует считать издание в 1766 г. С.К. Котельниковым своего учебника "Первых оснований математических наук" часть первую, содержащую в себе арифметику⁹⁸. Учебник написан в стиле Вольфа, но был "труден и особого распространения не получил"⁹⁹. Тогда С.К. Котельников решил перевести самого Вольфа¹⁰⁰, что и было осуществлено в 1770-1771 гг.: "Сокращение первых оснований математики" Вольфа со своими дополнениями. Эти дополнения представляли собой сокращения некоторых работ Л.Эйлера. Именно эта книга "была первым руководст-

вом по математическому анализу на русском языке. Она сыграла значительную роль в развитии математического образования в России"¹⁰¹.

Кроме работ самого Вольфа определенное распространение получили и работы "в духе Вольфа", либо компендиумы его работ. Например, "Institutiones mathematicae" последователя Вольфа И.Ф.Вейдлера, издававшегося дважды (1718 и 1725 г.) в Вейтенберге. Эта книга построена в общем по плану книги Хр. Вольфа "Anfangsgründe aller mathematischen Wissenschaften".

Именно работы Вейдлера взял профессор Московского университета Д.С. Аничков в качестве основного руководства. Д.Аничков издал в 1765 г. четыре отдельные книги, переведя отдельные части компендиума Вейдлера: "Аналитика специоза или Алгебра..." (2-е изд. 1795 г.); "Арифметика теоретическая и практическая..." (2-е изд. 1787); "Плоская тригонометрия..."; "Геометрия теоретическая и практическая..." (2-е изд. 1776 г., 3-е изд. 1787 г.). В дальнейшем он перевел и другие части компендиума: "Военная архитектура или фортификация..." (1766 г.), а также "Арифметика..." (1795 г.) и "Геометрия...", переведенная Д.Аничковым, но исправленная и дополненная А.Гарсовым. Все эти учебники "представляют собой сокращения математических руководств Хр. Вольфа"¹⁰².

Еще и в 1784 г. в открытом во Львове университете официально утвержденным учебником были "Начала чистой математики" Хр. Вольфа¹⁰³. Как отмечает Р.Плечкайтис, несмотря на то, что во второй половине XVIII в. в Вильнюсском университете излагались концепции Ф.Локка, Дж. Локка, Г.В. Лейбница и др. выдающихся ученых Нового времени, в нем господствовала философская система Вольфа. Вильнюсский университет в этом отношении не представлял исключения - система Вольфа получила признание во многих европейских университетах из-за своей методичности, системности, уклона к строгим доказательствам"¹⁰⁴. В Петербургской Академии наук при ее открытии Х.Мартин читал логику и метафизику по Тьюммигу, а Ф.М. Майер - начала "всея математики" по Вольфу в "германских его книгах"¹⁰⁵.

Именно благодаря многократно издававшимся работам Вольфа по математике во всеобщее употребление вошли многие его обозначения и понятия: 1) точка как знак умножения¹⁰⁶; 2) двоеточие как знак деления¹⁰⁷; 3) его термины "уменьшаемое" и "вычитаемое"¹⁰⁸; 4) предложенная им современная запись ариф-

метических пропорций¹⁰⁹; 5) высказанное им впервые требование, "что законы арифметических действий, установленные для целых чисел, должны обосновываться вновь для дробей"¹¹⁰; 6) он ввел и многие термины, например, *Dreieck*, *Durchmesser*, *Grundfläche*, *Schwerpunkt* и. а.', а также утвердил имеющиеся, например, *Zusammenhang*, *Wissenschaft*, *Erfahrung*, *Beweggrund*, *Begriff*, *Umfang* usw.

Определенное распространение в России получила и "Логика" Хр. Вольфа. Полное название этой работы "Разумные мысли о способностях человеческого рассудка и его правильном употреблении в познании истины, сообщенные любителям оной..."¹¹¹, изданной в 1712 г. на немецком языке и в 1728 г. в значительно дополненном виде на латинском языке, получило весьма широкое распространение в Европе, включая и Россию. Д. Дидро, разбирая современных ему логиков, особо выделяет Вольфа, "большую латинскую "логику" которого он высоко ценил"¹¹². И. Кант считал, что среди логиков Нового времени "общая логика Вольфа — лучшая из имеющихся"¹¹³. Более того, Кант считал, что именно Лейбниц и Вольф продвинули вперед общую логику. Сам Вольф свидетельствует: "Лейбниц из моих работ видел лишь "Логику" и мне известно, что она ему понравилась"¹¹⁴.

На русский язык "Логика" Вольфа была переведена в 1753 г. и издана в 1765 г. В то же время следует отметить, что наибольшее распространение логических идей Вольфа в России осуществлялось посредством учебников по логике вольфианца Хр. Баумейстера. И это несмотря на то, что перевод и издание "Логики" самого Вольфа осуществлены раньше. Таким образом, "первым русским печатным учебником, послужившим образцом для трудов Я. П. Козельского¹¹⁵ и профессора Московского университета Д. С. Аничкова"¹¹⁶ была "Логика" Баумейстера, издававшаяся 2 раза в XVIII в.¹¹⁷ и три раза в XIX в.¹¹⁸ (на английский язык "логика" Вольфа была переведена еще позже — в 1770 г.¹¹⁹). Большое распространение получила и "Метафизика" Хр. Баумейстера, издававшаяся 2 раза в XVIII в.¹²⁰ и 3 раза в XIX в.¹²¹. Также как и его "Логика", она является компендиумом работ Вольфа. Кроме того, благодаря компендиумам Баумейстера так же и идеи "нравоучительной философии" и "естественного права" Вольфа получили определенное распространение в России¹²².

Хр. Вольф и его учение оказали определенное влияние не только на М. В. Ломоносова, но и на многих представителей

академических кругов России, например, как уже было сказано выше, на Д.С. Аничкова, А.М. Брянцева, Г.Н. Теплова, Л.Багратиони и т.д. Украинский философ Г.С. Сковорода слушал некоторое время "лекций в Галле"¹²³. Д.С. Аничков выступал как последователь Хр. Вольфа, но после своих работ 60-х годов он пытается отойти от вольфианства¹²⁴ в области философских идей, что было свойственно даже и многим вернейшим ученикам Вольфа. Л.Багратиони перевел "Логику", "Метафизику" и "Этику" Хр. Баумейстера и "Физику" Хр. Вольфа¹²⁵. Г.Н.Теплов также находился под определенным влиянием Вольфа. По меньшей мере, как отмечает И.Я. Щипанов, именно под влиянием Вольфа Теплов написал свой трактат "Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут" (1751 г.)¹²⁶.

А.Кантемир также очень хорошо знал учение Вольфа, в особенности его математические и физические работы. Его воспитателем был вольфианец И.Фоккеродт¹²⁷, затем он учился у профессора Х.Ф. Гросса, который преподавал философию, математику и логику по Вольфу. При этом он излагал логику не только по Лейбницу и Вольфу, но и Локку¹²⁸. Сам Х.Гросс был учеником Г.Хр. Бильфингера и последовательным вольфианцем. И, наконец, он слушал лекции по физике вольфианца Бильфингера¹²⁹. На Кантемира существенное влияние оказала и теология Вольфа. Его, несомненно, наряду с Татищевым следует отнести к самым передовым людям своего времени¹³⁰. Ф.Прокопович не только хорошо относился к самому Вольфу, но и поддерживал его. В его огромнейшей по тем временам библиотеке (около 30 тыс. книг) было очень много работ Вольфа, из которых он особо высоко ценил "математику" и "экспериментальную физику". Саму же философскую систему Вольфа он не отвергал¹³¹, но считал ее пригодной для начинающих¹³², и здесь он совершенно прав, если исходить из философии первой половины XVIII в., в особенности университетской философии, так как "несмотря на сухость метод Вольфа имел свои достоинства - он приучал логически мыслить, что по сравнению с рецептурными методами было уже шагом вперед"¹³³. Как отмечает И.А. Табачников, уже в середине XVIII в. "Синод официально отменил чтение курса философии в Киево-Могилянской академии по Аристотелю и предложил вести этот курс по лейбнице-вольфианской системе. Официальным пособием по философии в Киевской Академии стали учебники Баумейстера и частично Винклера"¹³⁴. Я.М. Стратий и др. считают, что "прежде всего вследствие посто-

янного вмешательства синода в учебные процессы академии, курсы риторики, как и философии, теряют свою оригинальность, уменьшается рассмотрение общественно-политических проблем, т.е. они все меньше и меньше могут удовлетворять запросы общественной жизни"¹³⁵.

На смену лейбнице-вольфианской философии в Германии приходит критическая философия И.Канта, но в университетах вольфианская философия господствует значительно дольше – там ее вытеснение идет гораздо медленнее. Вскоре Вольф становится "забытым" философом. В середине XIX в. в Германии заметно некое оживление интереса к нему¹³⁶. Как писал в 1859 г. Ф.Энгельс, ныне снова стал "модным, по преимуществу вольфовски-метафизический метод"¹³⁷. В России некоторый интерес к Вольфу проявляется вновь лишь в 90-х годах XIX в. Например, Н.Грот в 1893 г. писал: "Хр. Вольф не столько оригинальный мыслитель, сколько упорный труженик мысли и талантливый систематизатор, сумевший превратить философию Лейбница в сложную, до мелочей разработанную, систему философских учений, которая была им очищена от некоторых важных, смелых и гениальных, но зато и шатких гипотез Лейбница"¹³⁸. О нем говорят лишь бегло, попутно, когда рассматривают вопросы рационализма, теории познания, психологии и логики. По мнению Г.Челпанова, именно Г.Шпет в 1916 г. дал "новое оригинальное освещение философских взглядов Хр. Вольфа, резко расходясь с общепринятыми"¹³⁹, возбудив тем самым определенный интерес к Вольфу. Но рассмотрение этих вопросов выходит за рамки данного исследования, где мы ограничились лишь "внешней" историей вольфианства. Содержательный анализ его философской и естественно-научной рецепции в России является предметом нашего дальнейшего исследования.

Литература и примечания

¹ А.Введенский писал: "... философия у нас существует не вследствие искусственного насаждения, а вследствие глубокой потребности" (Введенский А. Судьбы философии в России // Вопр. филос. и психол. – 1898. – Кн. 42. – С. 315).

² Как отмечают Г.Е. Павлова и А.С. Федоров, Хр. Вольфа, философские воззрения которого "соответствовали идеологии немецкого бюргерства", в "середине 30-х годов

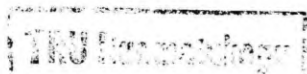
знала вся образованная Европа" (Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. - М.: Наука, 1980. - С. 44).

- ³ Малинин В.А. Первые научные диспуты в России // Природа. - 1976. - № 7. - С. 52.
- ⁴ Как отмечает В.Зеньковский, понятие "влияние" может быть "применимо лишь там, где имеется налицо хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности - без этого невозможно говорить о влиянии: нельзя же влиять на пустое место" (Зеньковский В.В. История русской философии. - М., 1956. - Т. I. - С. 15).
- ⁵ Зибен В.В. О причинах "возрождения" интереса к учению Христиана Вольфа в ФРГ // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1984. - Вып. 693: Социальная детерминация философских концепций. Социальная детерминация познания. - С. 26-36.
- ⁶ Chr. Wolff. 1679-1754: Interpretationen zu seiner Philosophie und Wirkung// Studien zum achtzehnten Jahrhundert. - Hamburg, 1983. - Bd. 4.
- ⁷ Morosow A. Christian Wolffs Leser in Russland in der ersten Hälfte des 18. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. - Berlin. 1963. - Bd. 7. - S. 413.
- ⁸ По инициативе Петра I был осуществлен перевод с латинского книги С.Пуфендорфа Г.Бужинским в 1718 и 1723 г., а затем Б.Волковым в 1767-1777 гг.: "Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств...". Кроме того, в 1726 г. издана в двух книгах работа "О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две...". Переводы Гроция и Вольфа осуществлены значительно позже.
- ⁹ Плеханов Г.В. Сочинения. - М.-Л., 1925. - Т. XII. - С. 5.
- ¹⁰ Там же. - С. 43.
- ¹¹ Шпет Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. - М., 1916. - Ч. I: Материалы. - С. 167.
- ¹² Прокопович, Татищев и Кантемир вслед за Лейбницем видели в "императоре-работнике идеал просвещенного монарха" (Соколов В.В. Лейбниц и русская научно-философская

культура XVIII в // Вестн. Моск. ун-та. Сер. УШ, Фило-
софия. - 1973. - № 5. - С. 80).

- I3 Плеханов Г.В. Указ соч. - С. 26.
- I4 Philosophie / Hrsg. v. A. Diemer und J. Frenzel. - Frank-
furt / M., 1967. - S. 210.
- I5 Дерюгин В.А. В.К. Тредиаковский - переводчик. - Саратов:
СГУ. - 1985. - С. 4.
- I6 См.: Описание изданий гражданской печати. 1708 - январь
1725 г. / Сост. Т.А. Бычкова, М.М. Гуревич. - М.-Л.,
1955.
- I7 Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725/1800. - М.:
Книга, 1962-1967. - Т. I-V.
- I8 Зеньковский В.В. Указ. соч. - С. 275.
- I9 Gerlach H.-H. Christian Wolff als Philosoph der Aufklärung
in der Deutschland: Leistung, Wirkung, Grenzen und
Kritik // Wiss. Beiträge d. Martin-Luther Univ. Halle-
Wittenberg. Reihe T. 1980/32. (T. 37). - Halle, 1980.
- S. 22.
- 20 См.: Философская энциклопедия. - Т. 4. - С. 534.
- 21 См.: История философии в СССР. - М.: Наука, 1968. - Т. I.
- С. 518.
- 22 В.Бауэр считает, что Вольф "мало касается собственных,фи-
лософских проблем или проходит их поверхностно. Удо-
бопонятность его философии, происходящая именно от
этого, и доставляла ей необыкновенный успех в Германии
и немедленное безусловное господство" (Бауэр В. Исто-
рия философии в общепонятном изложении для образован-
ной публики и для учащихся / Пер. с нем. М. Антонови-
ча. - Спб., 1866. - С. 222).
- 23 История философии в СССР: В 5 т. - М.: Наука, 1968. -
Т. I. - С. 40.
- 24 С Вольфом по рекомендации Лейбница советовался Петр I,
"задумав основать в Санктпетербурге академию наук и
при его деятельном содействии составил первый ака-
демический персонал" (См.: Большая энциклопедия / Под
ред. С.Н. Южакова, П.Н. Милокова. - Спб., 1901. -
Т. 5. - С. 464); Пекарский П.П. История имп. Акаде-
мии наук в Петербурге. В 2 т. - Спб., 1970. - Т. I.
- С. LIX-LXI.

- 25 См., напр., История Академии наук СССР: В 3 т. 1724-1803. - М.-Л., 1958. - Т. I. - С. 30-36; Боголюбов А.Н. Математики. Механики: Биографический справочник. - Киев. 1963. - С. 108; Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. - Л.: Наука, 1977. - 211 с.
- 26 Gerlach H.-H. Op. cit. - S. 13.
- 27 См.: Копелевич Ю.Х. В дни основания // Вестн. АН СССР. - 1973. - № 10. - С. 123.
- 28 Как отмечают ученые из ГДР, Вольф вращался в философском плане не только в области чисто рациональной дедукции, но через подчеркивание научного эксперимента и человеческого опыта претендовал на важные для просветительской мысли эмпирико-сенсуалистические ступени познания людей. И это чувствуется во всем его творчестве..." (См.: Christian Wolff als Philosoph der Aufklärung in Deutschland: Hallesches Wolff-Kolloquium 1979 anlässlich der 300. Wiederkehr seines Geburtstages / Hrsg. H.H. Gerlach, G. Schenk und B. Thaler // Wiss. Beiträge d. Martin-Luther Univ. Halle-Wittenberg. Reihe T. 1980/32 (T. 37). - Halle, 1980. - S. 7-8.
- 29 Cf.: Kunik E.M. Einleitung zu: Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719-1753: Ein Beitrag zur Geschichte der Kaiserlichen Akademie zu St. Petersburg. - St. Petersburg, 1860. - S. XII. Об этом же пишет и Ю.Х. Копелевич: "Начиная с 1715 г. Петр сообщал Вольфу, что хотел бы иметь его советчиком по делам, связанным с физикой и математикой" (Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина XVII - середина XVIII вв. Л.: Наука, 1974. - С. 182).
- 30 Briefe von ... Op. cit. Ю.Х. Копелевич отмечает, что до 1721 г., но из писем видно, что до 1723 г. Правда, она отмечает, что "главной темой", так как с 1720 г. уже другая тема выходит вперед (Копелевич Ю.Х. Указ. соч. - С. 66).
- 31 Briefe von ... Op. cit. - S. 163.
- 32 История Академии наук СССР: В 3 т. 1724-1803. - М.-Л.: АН СССР, 1958. - Т. I. - С. 30
- 33 Там же.

- 34 Копелевич Ю.Х. Указ. соч. - 1977. - С. 53; См. также: Briefe von ... Op. cit. т.е. письма Вольфа от 12 апр. 1721 г., 10 июля 1722 г., в мае 1723 г. и т.д.
- 35 Briefe von ... Op. cit. - S. 28, 30 (Brief von 26.06. 1723).
- 36 В данной связи, как верно отмечает Н.И. Кузнецова, ни университет, ни гимназия при Академии наук существенно ощутимой работы не сделали в XVIII в. Кроме того, русских, окончивших университет, были единицы. (Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и становление науки в России // Социальная детерминация познания: Тез. науч. конф. 19-20 сент. 1985 г. - Тарту, 1985. - С. 90-93.
- 37 Wuttke H. Christian Wolffs ...- S. 455. Вольф отказался и от должности президента Берлинской Академии наук (См.: Копелевич Ю.Х. Указ. соч. - 1974. - С. 160).
- 38 Briefe von ... Op. cit., (Brief von 19.03.1723). S. 184-185. См. также: Академия наук СССР. Персональный состав. 1724-1917.- М.: Наука, 1974, - Кн. I. - С. УШ; Сенат издал указ об учреждении Академии 28 января 1724 г., а официальное ее открытие состоялось 27 декабря 1725 г. (Там же. - С. У-VI). Хр. Вольф стал ее первым почетным иностранным членом уже 19 марта 1725 г., т.е. еще до официального открытия Академии. В том же году почетными иностранными членами стали И.Бернулли (Швейцария), П.А. Микелотти и Дж. Полени (Италия). Там же. - С. 242).
- 39 А.Морозов считает, что причиной отказа является то, что Вольф был не согласен с проектом (См.: Morosow A. Op. cit. - S. 411.
- 40 И.-Б.Менке был издателем знаменитых лейпцигских "Acta eruditorum".
- 41 Меншуткин Б.Н. Михайло Васильевич Ломоносов. - Спб., 1911. - С. 15; 2-е изд. - 1936; 3-е изд. - 1947 .
- 42 Miller K. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen in der Mathematik im 18. Jahrhundert // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas.-Berlin, 1963. -Bd. 7. - S. 363.

- 43 Соколов В.В. Указ. соч. - С. 81.
- 44 Там же. - С. 80.
- 45 Вольф пользовался "известностью как новатор в философии. До Вольфа она рассматривалась в университетах только как подготовительная часть богословия..." (Ошкевич А.П., Копелевич Ю.Х. Христиан Гольбах - М.: Наука, 1983. - С. 21).
- 46 Marxistisch-leninistisches Wörterbuch der Philosophie /
Hrsg, G. Klaus und M. Buhr. Hamburg, 1972. - Bd. 3.
- S. 148.
- 47 В первый год работы Академии в нее были приняты 12 профессоров-академиков и 5 адъюнктов. Из них Герман, Мартини, Бильфингер, Николай и Даниил Бернулли, Доввернуа, Майер по рекомендации Вольфа или через него, что следует из его переписки (См. Briefe von ... Op. cit.).
- 48 Эйлер Л. Переписка: Аннотированный указатель. - Л.: Наука, 1967. - С. 16-21.
- 49 Winter E. Über die Bedeutung der Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. - Berlin, 1963. - Bd. 7. - S. 322.
- 50 Grasshoff H. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung: Die Propagierung russischer Literatur im 18. Jahrhundert durch deutsche Schriftsteller und Publizisten. Berlin, 1973. - 476 S.; Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. - Berlin, 1963. - Bd. I. - 187 S.; 1968. - Bd. II. - 492 S.
- 51 Zubov V.P. Lomonosows Übersetzung der Wolffschen Experimentalphysik // Lomonosow. Schlözer. Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert/ Hrsg. v. E. Winter.- Leipzig, 1962. - S. 43.
- 52 Ibidem. (Книга Тюммига использовалась в России и в конце 50-х годов XVIII в.).
- 53 Thümmig L.Ph. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae opera. - Francofurti et Lipsiae. 1725. - Т. 1. - 512 p.; 1726. - Т. 2. - 460 p. (2 Aufl. 1729. - Т. 1, 1736. - Т. 2; 3 Aufl. 1762.).

- 54 *Institutiones Philosophiae experimentalis* // Thümmig. Op. cit. - Т. 1. - Р. 241-378.
- 55 Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на русский язык перевел Михайло Ломоносов. - Спб., 1746; 2-е изд. - 1760. - 183 с.
- 56 *Institutiones Philosophiae naturalis, seu Physicae* // Thümmig. Op. cit. - Т. 1. - Р. 379-512.
- 57 Вольфианская теоретическая физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, переведена на русский язык... Борисом Волковым. - Спб., 1760. - 211 с.
- 58 Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы чрез господина Вольфа... Пер. в 1753 г. Б.М. - Спб., 1765. - 304 с.
- 59 Начальные основания фортификации, сочиненныя... Вольфом, с латинского языка, переведенныя... Яковом Козельским. - Спб., 1765. - 159 с.
- 60 Сокращение первых оснований математики, сочиненное в пользу учащегося юношества Христианом Вольфом ... - Спб., 1770. - Т. 1. - 349 с., 1771. - Т. 2. - 461 с. (2-е изд. Спб., 1791). Книгу перевел учитель Веденский под ред. С.К. Котельникова.
- 61 Как отмечает Б.М. Кедров, Ломоносов "брал все ценное у своих предшественников и учителей и вместе с тем вскрывал недостатки их воззрений: так он критиковал идеализм в работах Лейбница и Вольфа и резко порицал Генкеля за узкий эмпиризм" (История философии в СССР. - С. 319).
- 62 Например, следующий подход Ломоносова явно в духе Вольфа: еще в "Элементах математической химии" (1741 г.) Ломоносов "постулируя, по Вольфу, что "все изменения тел происходят посредством движения, а следовательно, механически," приходит к заключению: "А так как знание механики предполагает знание чистой математики, то стремящийся к ближайшему изучению химии должен быть сведущ и в математике" (См.: История отечественной математики: В 4 т.-Киев, 1966. - Т. I: С древних времен до конца XVIII в. - С. 339).

- 63 Этот вопрос освещен нами более подробно в другой работе: Зибен В.В. Философские предпосылки физики Христиана Вольфа // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1987. - Вып. 786.
- 64 Видимо, наиболее основательно годы учебы Ломоносова у Вольфа описывает академик Б.Н. Меншуткин (см.: Меншуткин... Указ. соч.). Как отмечает Копелевич, "из литературы о годах учения Ломоносова известно, что Вольф потратил немало сил и хлопот, чтобы выполнить это поручение, и своими заботами о Ломоносове оказал большую услугу русской науке" (Копелевич Ю.Х. Становление Петербургской Академии наук. - Л.: Наука, 1977. - С. 186-187).
- 65 П.С. Попов пишет: "За Вольфом следует признать немаловажные заслуги перед русскими" - он является учителем Ломоносова (Попов П.С. История логики нового времени. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. - С. 103).
- 66 Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. - М., Л., 1950. -Т. I. - С. 5-64.
- 67 Этот вопрос освещен нами в другой статье: Зибен В.В. Философские предпосылки физики Христиана Вольфа // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1987. - Вып. 786.
- 68 Wolff Chr. Vernünftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, den Liebhabern der Wahrheit mitgeteilet von ... Metaphysik.-Halle, 1743.-§ 540.
- 69 Ibidem. - § 543.
- 70 Ibidem. § 544.
- 71 Ibidem. - § 557.
- 72 Ibidem. - § 558.
- 73 Ibidem. - § 625.
- 74 Ibidem. - § 686.
- 75 Как отмечает С.И. Вавилов, "принципиальные позиции Ломоносова как в химии, так и в физике могут быть определены как крайний последовательный атомизм и механизм. Для своего времени это, несомненно, было наиболее прогрессивное воззрение" (Вавилов С.И. Михаил Васильевич Ломоносов. - М.: АН СССР, 1961. - С. 24-25).

- 76 Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержатся риторика показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратория и поэзия; сочиненная в пользу любящих словесныя науки трудами Михайла Ломоносова... Спб., 1748. - 315 с. (Имеется 4 издания "Риторики" 1748 г. - См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725-1800. - М., 1964. - Т. II. - С. 168).
- 77 См.: Энциклопедический словарь /Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.-Спб., 1892. - Т. УП. - С. 172-173.
- 78 Вавилов С.И. Указ. соч. - С. 14 (До него в Академии было лишь двое русских - В.Е. Адогуров и Г.Н. Теплов).
- 79 В России первые "рукописные учебники по физике, логике, психологии" создали братья Н. и С.Лихуды (См.: Фило-софская энциклопедия. - Т. 4 - С. 534), но они преподавали на греческом языке в Славяно-Греко-Латин-ской академии, которая при их правлении называлась еще "Эллино-Греческая школа".
- 80 Во второе издание (1760 г.) этой работы Ломоносов, оста-вив текст неизменным, включил шесть "прибавлений", в которых изложил свои теоретические и эксперименталь-ные работы по физике.
- 81 Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. - Т. I. - С. 580. В ли-товском университете основы физики и теоретической механики преподавались по Хр. Вольфу (См.: История отечественной математики. - С. 386).
- 82 Вольфианская экспериментальная физика...-Спб., 1760, а также: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. - Т. I. - С. 424-425
- 83 Zubov V. Op. cit. - S. 43.
- 84 Ibidem. - S. 42.
- 85 Вавилов С.И. Указ. соч. - С. II.
- 86 Там же.
- 87 Morosow A. Op. cit. - S. 420.
- 88 Wolff Chr. Metaphysik. Op. cit. - § 557.
- 89 Wolff Chr. Anfangsgründe aller mathematischen Wissenschaft-

ten, 1710. (11 Aufl. 1800). Многочисленные издания и переводы являются лучшим доказательством полезности и применимости его работ.

- 90 Юшкевич. Указ. соч. - С. 109.
- 91 Вилейтнер Г. История математики от Декарта до середины XIX столетия. - 2-е изд. - М.: Наука, 1966. - С. 29.
- 92 Юшкевич. Указ. соч. - С. 109. И далее: "Это был весьма солидный по тому времени университетский курс элементарной и высшей математики с ее различными приложениями" (Там же).
- 93 Вилейтнер Г. Указ. соч. - С. 20.
- 94 Сокращение первых оснований мафиматики...
- 95 Магницкий Л.Ф. Арифметика сиречь наука численная. 1703 г. Учебник написан в традиционной форме вопросов и ответов, где уже говорилось о десятичных дробях, прогрессиях и об извлечении корня. См.: Антология педагогической мысли России XVIII в. - М.: Педагогика, 1985. - С. 12.
- 96 Euler L. Einleitung zur Rechenkunst zum Gebrauch des Gymnasii bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in Sankt-Pet. -1738-1740. - Thl. 1-2.
- 97 Руководство к арифметике для употребления Гимназии при Имп. Академии наук переведено с немецкаго языка чрез Василия Адодурова. - Спб., 1740. - Ч. I. - 300 с.; 1760. - Ч. 2. - 260 с.
- 98 Первых оснований мафиматических наук часть первая содержащая в себе арифметику в ползу учащегося в Морском шляхетном кадетском корпусе благороднаго юношества сочиненная профессором мафиматики... Семеном Котельниковым. - Спб., 1766. - Ч. I. - 167 с.; 2-е изд., 1784. - 163 с.; 3-е изд., 1789. - 183 с.
- 99 История отечественной математики. - С. 343.
- 100 К настоящему времени сделано уточнение: книгу перевел учитель Веденский, а редактировал ее С.К. Котельников. (См.: Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725-1800. - М., 1964. - Т. II).

- I01 История отечественной математики. - С. 344.
- I02 История отечественной математики. - С. 359. Более того, "все учебники Аничкова (1780 и 1781 гг.) написаны в духе Вольфа" (Там же).
- I03 Там же. - С. 386.
- I04 Плечкайтис Р. Философские науки в Вильнюсском университете // Передовая мысль в истории университетов страны. - Вильнюс, 1983. - С. 223.
- I05 Копелевич Ю.Х. Указ. соч. - 1977. - С. 98. Согласно библиографическому указателю "Математика в изданиях Академии наук 1728-1933" под ред. В.И. Смирновой, здесь была опубликована лишь одна работа самого Вольфа ("Principia dynamica"), которая помещена в I-м томе издания Академии. В то же время здесь очень много работ его учеников и последователей, т.е. явно можно говорить и о некотором вольфианстве.
- I06 Бородин А.И., Бугай А.С. Биографический словарь деятелей в области математики. - Киев, 1979. - С. II8; Боголюбов. Указ. соч. - С. 108 и др. "Знак умножения в виде точки встречается в 1631 г. у Гарриота и в 1693 г. у Лейбница в одном письме к Лопиталю. Однако во всеобщее употребление в качестве знака умножения точка вошла лишь благодаря неоднократно переиздававшимся "Основам всех математических наук" Хр. Вольфа (1710 г.) См.: Вилейтнер. Указ. соч. - С. 14.
- I07 См.: Бородин А.И. и др. Указ. соч. - С. II8; Боголюбов. Указ. соч. - С. 108; Вилейтнер. Указ. соч. - С. 14.
- I08 Бородин А.И. и др. Указ. соч. - С. II8.
- I09 Там же.
- I10 Там же, с. II8: И далее: "В этой работе Вольф выступил в защиту системы преподавания, выдвигающей на первый план понимание и логическую тренировку ума" (Там же).
- I11 Wolff Chr. Vernünftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und Ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit ... 14 Aufl.; Logik. - Halle, 1754.
- I12 Попов П.С. Указ. соч. - С. 123.

- II3 Кант И. Трактаты и письма. - М.: Наука, 1980. - С. 329.
- II4 Wolff Chr. Anm. Met // Op. cit. - 35.
- II5 Здесь следует учесть, что несмотря на то, что Козельский пользовался "вольфианской терминологией и воспроизводил некоторые положения вольфианской логики, в целом он отрицательно относился к религиозно-идеалистическому учению о предустановленной гармонии, о совершенстве мира, о духовных монадах и т.п." (Философская энциклопедия. - М., 1962. - Т. 2. - С. 551).
- II6 Попов. Указ. соч. - С. 102. См. также: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - М.: Наука, 1975. - С. 295, где сказано также, что "Логика" Баумейстера - первый переведенный учебник по логике в России, вышедший в 1760 г. Получается, что "Логика" Вольфа переведена на русский язык раньше, т.е. в 1753 г., но издана позже, т.е. в 1765 г.
- II7 Христиана Баумейстера логика, с латинского на российский язык переведенная... студентом Александром Павловым. (М). 1760. - 238 с.; 2-е изд. 1787. - 240 с. (Перевод исправлен профессором Д.Н. Синьковским).
- II8 Христиана Бавмейстера логика, с латинского вновь переведенная и исправленная Я.Толмачевым. - М., 1807. - 206 с.; 2-е изд. - СПб., 1823. - 149 с.; 3-е изд. - СПб., 1827. - 147 с.
- II9 Encyclopaedia Britannica. - 1963. - Vol. 23. - P. 669.
- II20 Христиана Баумейстера метафизика. (М.). 1764. - 256 с.; Христиана Баумейстера метафизика / Пер с лат. Вновь высмотрен и на многих местах исправлен проф. Дмитрием Синьковским. - 2-е изд. - М., 1789. - 251 с.
- II21 Христиана Бавмейстера метафизика. С лат. вновь переведенная и исправленная Я. Толмачевым. - М., 1808. - 295 с.; 2-е изд.-СПб., 1830. - 232 с.; 3-е изд. в 4-х ч. - СПб., 1850.
- II22 Христиана Бавмейстера нравоучительная философия в пользу благородного юношества /Пер с лат. ... Иваном Исаевым. - СПб., 1783. - 280 с.; Нравоучительная философия

- фия, содержащая естественное право, этику, политику, экономику и другие вещи для знания нужные и полезные / Пер. с лат. проф. Д.Синьковского. - М., 1788. - 324 с. и т.д.
- I23 Попов П.С. Указ. соч. - С. 102.
- I24 Философская энцикл. - М., 1970. - Т. 5. - С. 437.
- I25 История философии в СССР. - Т. I. - С. 471.
- I26 Там же. - Т. 2. - С. 69.
- I27 См.: Бобынэ Г. Философские воззрения Антиоха Кантемира. - Кишинев, 1981. - 136 с.
- I28 Grasshoff H. A.D. Kantemir und Westeuropa // Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik - Berlin, 1966. - S. 38.
- I29 В своей библиотеке он имел "Логику" Вольфа, работы Туммига на латыни и в 1743 г. он приобрел компендиум на французском языке.
- I30 Плеханов В.Г. Указ. соч. - С. 49.
- I31 Как отмечают М.Т. Иовчук и Л.А. Петров, "Прокопович во многом разделял идеи теории "естественного права" западно-европейских буржуазных теоретиков - Гоббса, Гроция, Пуфендорфа и Хр. Вольфа" (См.: История философии в СССР. - С. 285).
- I32 Ничик В.М. Из истории отечественной философии конца ХУП - начала ХУШ в. - Киев, 1978. - 298 с.
- I33 История отечественной математики. - С. 359.
- I34 История философии в СССР. - С. 399. Работы Винклера были в духе Баумейстера и Вольфа: "Физика или Естественная философия, в сокращенной Баумейстеровой философии напечатанная и с латинского на русский язык переведенная... И.Ушаковым. - М., 1785. - 162 с. (пер. с изд. 1735 г.).
- I35 Стратий Я.М. и др. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. - Киев, 1982. - С. 4.
- I36 Появляются даже две книги, специально посвященные Вольфу: Christian Wolffs eiegene Lebenbeschreibung / Hrsg. H. Wuttke. - Leipzig, 1841. Kluge F.W. Christian

Wolff, der Philosoph: Ein biographisches Denkmal. -
Breslau, 1831.

I37 Энгельс Ф. К. Маркс. К критике политической экономии
// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 13. -
С. 495.

I38 Грот Н. Основные моменты в развитии новой философии
Лейбница и его школы // Вопр. филос. и психол. -
1893. - Кн. 17. - С. 1-25.

I39 Челпанов Г. Рец. на кн.: Шпет Г. История как проблема
логики. - М., 1916. - Ч. 1. // Вопр. филос. и психол.
- М., 1916. - Кн. 134. - С. 324.

ВОСПРИЯТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ И ОБРАЗ УЧЕНОГО (РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА НА РУБЕЖЕ ХУШ-ХІХ ВЕКОВ)

И.В. Никифоров

Рубеж ХУШ-ХІХ веков – период радикальных изменений в науке. Изменения происходят в формах и способах организации научных исследований. Появляются и развиваются теории классического естествознания, расширяются лабораторные экспериментальные исследования. В физику бурно проникают математические методы. В это время окончательно формируется современный тип ученого, ориентированного на получение истинного, объективного, рационального, экспериментально доказанного знания. Существенно расширяется социальная база науки. Наконец, научное естествознание получает прописку в университетах и других учебных заведениях, окончательно вытесняя устаревшие схоластические учебные программы и традиции.

Русская наука в этом процессе не была исключением и начиная со второй половины ХІХ века влилась в европейскую научную жизнь как равная среди равных. Однако возникновение в России научных учреждений – явление сравнительно позднее, и длительное время отечественная наука была относительно пассивным реципиентом западно-европейских научных идей и исследовательских программ.

Развитие научного естествознания – процесс, характеризующий становление современного типа цивилизации, основанной на капиталистическом способе производства. Конечно, в некоторые периоды отдельные теории получали свое наиболее полное развитие в отдельных странах, то же можно сказать и о научных дисциплинах, исследовательских направлениях или методологических подходах. Однако история естествознания в целом складывается как мировой процесс, и более или менее длительная изоляция всегда приводила к упадку науки в отдельно взятой стране. Современная история науки не проходит мимо проблемы трансляции научных взглядов из одной страны в другую: например, ньютоновской физики во Франции или кислородной теории Лавуазье в Россию.

Однако только ли усвоение знаний является достаточным

условием существования науки? Наука выделяется как особая форма деятельности по получению знаний об объективном мире. Получение знаний – основная цель и движущий мотив научной деятельности. Такая деятельность опирается на совокупность научных методов и методик и направляется системой исследовательских традиций, научных программ и образцов, выстроенных в сложный иерархический ряд. Полученные знания не отчуждаются от науки, а составляют ее постоянно растущее "когнитивное тело". Таким образом, научный обмен происходит в организационных формах, традициях, программах, и мы полагаем, что для изучения взаимосвязи наук России и Запада на рубеже XVIII и XIX века важно поставить вопрос о характере восприятия самого образа ученого, то есть вопрос о том, какие стороны его общественного бытия выпячивались, а какие "стусывались" под воздействием особенностей русской жизни конца XVIII и начала XIX века.

История развития физико-химических знаний в России обладает рядом специфических черт, отличающих ее от истории развития науки в Западной Европе в рассматриваемый период. Английская или французская наука имела более длительную историю и развивалась спонтанно, как один из духовных феноменов становящегося буржуазного способа производства, роста городов, разложения схоластики и т.д. В Россию же западный тип науки был завезен и пересажен на совершенно новую, во многом неподготовленную почву. Такая "пересадка" послужила исторической предпосылкой развития научного естествознания в России в XIX веке¹. Россия подключилась к мировому ходу развития науки, преодолела изоляцию и могла черпать научные ресурсы из источников, даваемых Европой.

Поэтому важной историко-научной проблемой является рассмотрение этой взаимосвязи, повлекшей перестройку социальных механизмов, определяющих роль науки в русском обществе, а также, что наиболее важно, переориентацию целей и идеалов русских людей, так или иначе соприкасающихся с научным знанием, а также системы образования, отвечающего потребностям эпохи. В историографических исследованиях науки в России справедливо отмечается изменение ее места в обществе в связи с развитием экономических отношений, разложением феодально-крепостнического хозяйства и становлением капитализма. Однако надо подчеркнуть, что наука – чисто человеческое предприятие, и между экономической жизнью и получением научных знаний лежит много посредствующих ступеней и механизмов, не-

которые из которых мы и попытаемся рассмотреть.

Современное научное знание, образцы которого впервые появились в работах Галилея, Торричелли, Паскаля и др., обладало рядом особенностей, формирующих научную идеологию естествознания Нового времени. Принято считать, что характером научности обладает такое знание, которое опирается на опыт, эмпирию, является истинным, универсальным, не зависящим от субъекта, рациональным. Можно выделить еще ряд черт, но мы ограничимся пока названными. Трансляция традиций исследования и научных знаний не может изменять их отношения к вышеназванным нормам и идеалам. По сути дела, наука интернациональна, и научные знания не имеют границ. Поэтому вариационные принципы механики Эйлера воспринимались Лапласом и Лагранжем, а опыты Гальвани и Вольты — В.В. Петровым. Однако интернациональная со стороны знания деятельность В.В. Петрова была опосредована типично российскими традициями отношения к науке и ученым как со стороны правительства, так и со стороны русского общества, что и доказывает нам судьба этого русского ученого.

Вернемся в Россию XVIII века, ибо именно в этом столетии сложились предпосылки специфического восприятия новых научных идей в XIX веке. В сознании русских царей Алексея Михайловича и Петра I образ могучего европейского государства был неотделим от светского образования и науки. Петр I, учредив в России Академию наук в 1725 году, буквально импортировал науку как некоторый готовый продукт западной цивилизации. Существование подобной организации было подготовлено рядом реформ и нововведений. Был создан новый государственный аппарат во главе с Сенатом, построены города нового типа, сформирована регулярная армия, заложены основы массового промышленного производства, особенно в металлургии и горном деле, появилось государственное книгопечатание и светское образование.

Первые 16 академиков приехали в Петербург не на голое место. Однако нужно заметить, что, как и отдельные реформы Петра, наука испытывала сопротивление традиционного русского общества. Н.И. Кузнецова приводит факты, показывающие, как учебные заведения при Академии наук не справлялись с поставленными задачами из-за отсутствия учащихся². Мы добавим, что при жизни Ломоносова университет дважды закрывался из-за отсутствия студентов. В 1765 году на юридическом факультете Московского университета был всего один студент и

один профессор, такое же положение создалось и на медицинском факультете³.

Вопрос подготовки научных и технических кадров во многом упирался в традиции образования, представления о его ценности и нужности. Русские цари решали этот вопрос путем насильственного введения образованности хотя бы в среде дворянства. Дети дворян либо насильно отдавались в учение, либо, и это был основной способ, поголовно призывались на военную службу, где и происходило обучение. То же происходило, когда дворянские дети приписывались к гражданской службе. Историк С.М. Соловьев излагает один из указов: "... оным же дворянам назначить два дни во всякой неделе обучаться арифметике, геометрии, геодезии, географии и грамматике и обучаться им грамматикой один день в неделю, а другой день - прочим наукам"⁴. В 1737 году встречаем указ о том, что обучающихся в родительском доме дворян свидетельствовать в 12 и 16 лет, "если которые из них по последнем освидетельстве окажутся невеждами в законе божием, арифметике и геометрии, таких определять в матросы без выслуги"⁵. И только в 1762 году Петр III отменил принуждение к службе и "драконовские" меры в образовании, ссылаясь на то, что нужда в них отпала. Действительно, военно-бюрократический аппарат вполне сформировался, и тип нужного царскому правительству чиновника воспроизводился без особого принуждения и обладал необходимой грамотностью.

В это время в России работало несколько крупных ученых с мировым именем, таких, как Д.Бернулли, Леонард Эйлер, исследователь электричества и магнетизма Эпинус, Ломоносов и др. Постоянно практиковалось приглашение крупных ученых и преподавателей из-за границы. Например, в начале XVIII в. был приглашен для работы в Академию наук В.Г. Крафт, а через сто лет в открытый Казанский университет - профессора Гартельс, Литтров, Гроннер, Реннер. В Московском университете работали Франкози, Керттенс, Рост и др., бывшие, правда, не всегда компетентными в физике людьми. Так, М.А. Рост, занимавший кафедру физики с 1762 по 1791 год, был лингвистом и еще представлял голландскую торговую компанию. Видимо, возможность такого совмещения надо отнести на счет отсутствия традиций адекватной оценки профессиональной принадлежности ученых⁶.

В рамках Академии наук выдающимися учеными был подготовлен ряд крупных специалистов - С.Румовский, С.Котельников,

М.Головин и др. Однако после смерти Ломоносова, Эйлера, Рихмана и фактического выхода из Академии Эпинуса (1771 г.), вплоть до появления в ней в 1826 году Паррота, а затем Ленца и Якоби, научных работ по физике, имеющих историческое значение для науки, практически не появлялось, если не считать открытия электрической дуги В.В. Петровым, да и то по ряду причин не оказавшего влияния на европейскую науку и перестройку Г.Дэви.

На протяжении почти полувека русские физики, академики и профессора университета оставались в стороне от фундаментальных исследований и открытий, что сказалось на отставании России в техническом и научном плане. Ни постоянный приток специалистов, большей частью из Германии, ни знакомство русских ученых с зарубежными работами не приводили автоматически к новым научным открытиям и теоретическим обобщениям.

Н.И. Кузнецова справедливо отмечает, что продуктивность науки как социального института, а продуктивность понимается как создание новых, собственно научных (а не технологических, педагогических и др.) знаний, требует определенных границ автономии науки⁷. Ученые же в России попадали в такую среду, где этих границ, задаваемых общественными традициями, не было. Они только возникали, и то только потому, что наука как новый институт насаждалась сверху.

Наиболее размытой была граница между научными исследованиями и преподаванием. Как мы уже говорили, вплоть до 20-х годов XIX в. проблема подготовки образованных кадров для военно-бюрократической машины царского правительства была особенно актуальной. В 1731 г. был создан Кадетский корпус, в 1773 – Горный институт, в 1795 – Военно-медицинская академия, в 1810 – Институт инженеров путей сообщения, а начиная с 1802 года – университеты в Тарту, Вильнюсе, Казани, Харькове, Петербурге, Одессе. Помимо этого после реформ по проекту М.Сперанского увеличено количество гимназий. Увеличение количества учебных заведений, которых мы привели далеко не полный список, требовало все новых и новых педагогов естественно-научного цикла. Можно добавить, что число учащихся в высших и средних светских школах за период с 1786 по 1825 г. возросло с 4 до 35 тысяч, среди которых значительно увеличилось число университетских студентов⁸.

Уже по Уставу Академии наук, утвержденному Петром I, одной из важнейших обязанностей академиков было преподавание в гимназии и университете, называвшихся академическими. Мож-

но сказать, что сложилась традиция отношения к науке, как к источнику образования. И основные события, показывающие движение физической мысли, происходили в области пропаганды физических знаний и написании учебников.

В XVIII в. появляются первые учебники по физике и химии, отвечающие уровню европейской науки. В 1779 г. вышел учебник Крафта в переводе М.Ковалева⁹. Уже ранее вышли два учебника физики Ломоносова (1746 и 1760 г.), причем первый был изложением физики Вольфа, а второе издание было дополнено описаниями опытов с магнитами, с электричеством и некоторыми другими¹⁰. Самостоятельной работой Ломоносова был "Курс истинной физической химии" (1752-1754). В дальнейшем были переведены и изданы учебники физики, написанные французом Нолле (1779-1781)¹¹ и голландцем Мушенброком (1791)¹². По химии был переведен с немецкого учебник "Начальные основания химии" Эркслебена (1788) и другие, среди которых работа знаменитого французского химика Фуркруа "Химическая философия" (1799). Наряду с переводами нужно отметить отечественные учебники Гиляровского (1793)¹³ и Сперанского (1797)¹⁴. Последний был написан для духовной семинарии.

Распространение физико-химической учебной литературы было призвано для подготовки административных, военных и технических кадров и в основном опиралось на последние достижения научной мысли. По содержанию даже учебники Сперанского и Гиляровского носили во многом описательный характер, и в них наряду с динамикой Ньютона излагались воззрения Декарта и Лейбница. Это во многом отражало положение в физике на всем европейском континенте.

П.И. Страхов, преподававший физику в Московском университете с 1791 по 1813 год, был учеником Бриссона, лекции которого он слушал в Париже в 1785-1787 гг. В 1801-1802 гг. он опубликовал перевод трехтомного учебника Бриссона, по которому и читал курс лекций, а затем написал собственное "Краткое начертание физики" (1810)¹⁵. Более самостоятельной, нежели "Физика" Страхова, является "Физика" И. Двигубского¹⁶, преподававшего в Московском университете после Страхова. Этот учебник расширился и дополнялся автором и выдержал три издания - 1808, 1814 и 1824 г. Данный учебник в общем соответствовал последним достижениям физической мысли. Однако нужно отметить, что сам Двигубский был по образованию медиком, и его книга "превратилась в типичный учебник для медицинских факультетов"¹⁷.

Хороший учебник на немецком языке для употребления в Дерптском университете написал Паррот и издал в 1809–1811 гг. Помимо названных учебников для преподавания и изучения физики широко употреблялись в начале XIX в. учебники известных французских физиков Лио и Пулье.

Мы не будем рассматривать учебники, появившиеся уже в 30–40-х годах, ибо они в основном примыкают к названным учебникам, конечно, обогащаясь новыми данными. С другой стороны, в это время в России появляются исследовательские работы фундаментального характера и центр тяжести физической мысли начинает перемещаться с написания учебников на исследовательскую работу. Не вдаваясь в детальный анализ содержания вышеупомянутых учебников¹⁸, можно сказать, что основные теоретические представления конца XVIII – начала XIX в. в них были представлены. Механика, теория гравитации, оптика, сведения об электричестве и магнетизме рассматривались довольно подробно с привлечением самых современных сведений. Часто практиковалось чтение лекций по иностранным учебникам, но с собственными дополнениями и замечаниями. Положение физики в России в начале XIX в. хорошо демонстрирует сложившееся отношение к экспериментальным исследованиям. Физика данного исторического периода в основном развивалась через реализацию эмпирических исследовательских программ, особенно в изучении электричества, магнетизма, оптики. Эти исследования были наиболее популярными и злободневными. Имена таких выдающихся физиков, как Дэви, Вольты, Юнг, Гей-Люссак, Малюс, Био, Араго, Френель и других во многом связаны с эмпирическими открытиями. Построение А. Вольты источника постоянного тока породило серию исследований свойств электрического тока и в конечном итоге привело к появлению концепции поля М. Фарадея (1852 г.). Исследование свойств интерференции, дифракции, поляризации света вылилось в появление и распространение волновой теории О. Френеля. Эмпирические исследования в Западной Европе в рассматриваемый период отличались непрерывностью исследовательской традиции, благодаря чему распространялись и усваивались не только знания о полученных результатах, но также программы и образцы исследований. Такое положение обеспечивалось существованием сложившегося научного сообщества и традиций признания ценности работы по получению новых опытных результатов.

Для экспериментальной работы требуются физические приборы и установки, и в российских научных учреждениях они бы-

ли в немалом количестве. З.А. Цейтлин приводит интересные факты, относящиеся к развитию физических кабинетов и лабораторий в России в рассматриваемый период¹⁹. В 1744 г. в физическом кабинете Академии наук насчитывалось свыше 350 приборов. В дальнейшем кабинет продолжал пополняться. "Так, в 1783 году Екатерина II по рекомендации Крафта (Л.Ю. Крафт - академик, заведовал физическим кабинетом с 1771 по 1810 г. - И.Н.) приобрела у известных конструкторов физических приборов братьев Роспини коллекцию по электричеству из 68 предметов"²⁰. В 1806 г. были приобретены приборы на сумму 6500 рублей.

После Крафта до 1827 г. кабинетом заведовал В.В.Петров, но, несмотря на все усилия, ему так и не удалось обновить кабинет и превратить его в исследовательскую лабораторию. Перелом наступил в 1827 г., когда Петрова сменил академик Г.Ф. Паррот, добившийся перевода кабинета в новое помещение и привлекий к работе Э.Ленца и Б.Якоби. С этого времени кабинет Академии наук стал превращаться в исследовательскую лабораторию. Наиболее большой и хороший кабинет был в Медико-хирургической академии. К 1833 г. этот кабинет состоял из 700 приборов, большинство которых относилось к отделу электричества. Важнейшую роль в создании кабинета сыграл В.В. Петров.

Гораздо хуже обстояло дело с оборудованием физических кабинетов в университетах. Появление в Московском университете довольно значительного физического кабинета относится к периоду деятельности профессора П.И. Страхова (1791-1812 гг.). Страхов "пользовался физическим кабинетом не только для учебных занятий, но и для публичных лекций. Последние рассматривались широкой публикой как занимательные театральные зрелища и охотно посещались светскими дамами, писателями, поэтами, между прочим, Карамзиным, Дмитриевым, В.Пушкиным, Измайловым и другими, культивировавшими в стихах и прозе "чувство природы"²¹. Кабинет Страхова погиб при пожаре в Москве в 1812 г. Преемник Страхова И.Двигубский создал новый кабинет, и в 1822 году в нем было около 265 приборов. К 1854 году их количество достигло 405, причем в это число входят и инструменты астрономического кабинета. Исследовательская лаборатория в Московском университете была организована только в 1873 г. Столетовым.

Физический кабинет Петербургского университета начал серьезно пополняться только после прихода в университет

Э.Ленца, и в 1868 году ценность кабинета достигла 23 тыс. рублей с наличием 587 приборов. В основном Ленц пользовался кабинетом для учебно-демонстративных целей. Однако в нем частично провели свои исследования сам Ленц и его ученики: Савельев, Тальзин, Пчельников, Петрушевский. Подводя итог, З.А. Цейтлин считает, что "коренной перелом в развитии физических кабинетов, учебных и исследовательских лабораторий наступил в 60-х годах, в полосу начала интенсивного развития капитализма в России и массового увлечения естествознанием"²².

Можно заключить, что русские ученые были в общем хорошо обеспечены материально-технической базой для проведения разнообразных экспериментальных исследований, подчас не хуже, чем их западные коллеги. Однако таковые, как правило, не проводились, и весь арсенал собранных в коллекции приборов в лучшем случае служил для учебной и просветительской цели. Само по себе богатство экспериментальных установок и наличие компетентных в физике людей не приводит автоматически к появлению эмпирических новаций. Использование прибора в учебных целях принципиально отличается от исследовательской работы с помощью прибора. Действие с прибором и результат этого действия уже записаны в памяти научного сообщества в качестве истинного и достоверного знания. В педагогической работе происходит отбор демонстрационных экспериментов, призванный обеспечить наглядность и убедительность передаваемого физического знания. По сути дела – это трансляция знания, необходимая для обеспечения его полноты и устойчивости, но не приводящая к новым результатам.

В приборе как материальном теле не записаны те образцы деятельности, в которых он может принимать участие. Выбор этих образцов зависит от целей, которые ставит перед собой ученый. Последние же зависят от традиционных ценностей, принятых в данном обществе. Традиции восприятия образа ученого в России как, в первую очередь, специалиста по подготовке технических и административных кадров, не предполагала экспериментальной исследовательской деятельности. Для признания ученого в качестве такового последняя была излишней. Эксперимент – это трудоемкая, кропотливая работа с неизвестным заранее результатом. Чтобы такая работа могла осуществляться широким фронтом, она должна восприниматься как самостоятельная ценность в глазах общества.

Взгляд на место науки в обществе, на ее цели и задачи

в России в начале XIX в. играл большую роль своеобразного фильтра того, что могла дать русским ученым наука Западной Европы. Результаты исследований как готовое, проверенное знание проникали через этот фильтр, а программы эмпирических исследований, живая научная деятельность не находили себе места среди ролей в обществе, предписываемых играть ученому.

Показательным примером того, как традиции русской жизни преломляли образ ученого, цели и идеалы научной работы, является жизнь и деятельность Василия Владимировича Петрова²³. Талантливый русский физик В.В. Петров родился в 1761 г. в семье приходского священника. Уже в детстве он обнаружил очень хорошие способности в обучении счету и письму. В дальнейшем он обучался в Харьковском Коллегиуме и в Петербургской учительской семинарии. После трехлетнего пребывания в семинарии Петрова направляют в 1788 г. в Барнаул в Колывано-Воскресенскую школу учителем физики и математики. Через три года он возвращается в Петербург, здесь в 1795 г. становится профессором Медико-хирургической академии, где преподавал до самой смерти. В петербургский период и начинается его напряженная научная работа.

Особенности стиля научной деятельности В.В. Петрова ярко проявились уже в его первых научных работах, посвященных доказательству кислородной теории Лавуазье²⁴.

Ю.И. Соловьев, рассматривая утверждение кислородной теории в России, приводит факты, показывающие особое место В.В. Петрова в этом процессе²⁵. Действительно, такие химики, как Крафт, Захаров, профессор Московского университета Рейсс читали лекции, следуя системе Лавуазье. Севергин, Ловиц (с 1797 г.) выступали как соратники кислородной теории. Однако названные ученые не ставили опытов для подтверждения и развития кислородной теории, лишь Ф.Г. Политковский делал опыты "над воздухообразными веществами по законам новейших химиков" и то на торжественном открытии лекций на кафедре практической медицины и химии Московского университета в 1783 году²⁶.

В.В. Петров же провел серию экспериментов, хорошо поставленных и разносторонних для проверки и подтверждения кислородной теории. Уже в начале научной деятельности Петрова проявилось то, что он рассматривал науку не только как научное знание, но и как реализацию исследовательских программ и традиций, в частности, экспериментальных программ.

Такое же отношение проявил В.В. Петров к появившимся в

России известиям об открытиях Гальвани и Вольта. Нужно отметить, что его реакция на эти открытия была довольно быстрой. "Трактат о силах электричества при мышечном движении" Л. Гальвани появился в 1791 г., а Вольта письменно сообщил президенту Лондонского королевского общества Джозефу Бенксу о созданном им источнике электричества в марте 1800 года. В.В. Петров опубликовал свою работу об экспериментах с батареей Вольта в 1803 г.²⁷ Мы не будем специально останавливаться на анализе содержания произведенных Петровым экспериментов²⁸.

Нужно отметить, что Петров оказался единственным ученым в России, самостоятельно работающим в области исследования электричества. Ни в Петербурге, ни в Москве не нашлось ни одного физика, который бы пытался работать в рамках эмпирической исследовательской программы В.В. Петрова. Таким образом, в академической среде результаты, полученные Петровым, не встретили большого интереса и активного обсуждения. За рубежом его опыты не были известны, так как Петров писал исключительно на русском языке. Открытие электрической дуги могло стать основанием исследовательских программ, а в дальнейшем — новых важных результатов в случае, если бы имелось достаточно развитое научное сообщество. Такое научное сообщество в России в начале XIX века еще не сложилось.

Упомянутая монография привлекла внимание к В.В. Петрову, но не как к ученому, способному разрабатывать интересную научную проблему, а, скорее, как к человеку, компетентному в физике. Поэтому, когда он избирается адъюнктом Академии наук и становится помощником академика Л.Ю. Крафта, ему поручается издавать метеорологические бюллетени и записи наблюдений, производившихся в академической обсерватории²⁹. Помимо этого ему много лет приходилось заниматься исследованиями режима замерзания и вскрытия рек, особенностями ледохода и другим. Хорошо видно, что основные научные работы В.В. Петрова лежат далеко от того, чем он занимался по поручению Академии. В историю науки он вошел как исследователь гальванизма и люминисценции, а не как метеоролог или астроном.

Физический кабинет Медико-хирургической академии за годы работы В.В. Петрова превратился в лучший физический кабинет России. В 1802 г. В.В. Петров организовал покупку ценной коллекции физических приборов графа Гутурлина. В дальнейшем он энергично хлопочет о расширении физического кабинета,

оборудовании особых помещений и проч. "К концу деятельности В.В. Петрова в кабинете насчитывалось более 600 приборов, из которых около 250 относилось к опытам по электричеству и магнетизму"³⁰. Петров неоднократно пытался официально превратить этот кабинет в исследовательскую лабораторию, однако руководство Медико-хирургической академии относилось к этому отрицательно. В это время в России не было ни одной исследовательской лаборатории, даже физический кабинет Академии наук, кстати, сравнительно небольшой, не функционировал как исследовательская лаборатория. Коллекция физических приборов традиционно рассматривалась как учебное пособие или инструментарий для чтения публичных лекций. "Лишь сам Петров провел в физическом кабинете свои известные физико-химические исследования да еще ученик Петрова И.Х. Гамель, впоследствии академик, — исследования по электрохимии"³¹.

После смерти В.В. Петрова его работы были на долгое время забыты.

Л.Д. Белькинд усматривает причину этого в том, что "обогатив науку классическими работами по гальванизму, он не принял участия в мощном развитии работ по новым проблемам и разделам электричества и оказался вне основных научных течений 20-х и 30-х годов"³².

Нам такая оценка представляется неверной. Во-первых, для своего времени работы Петрова были вполне актуальны и отличались новизной результатов и экспериментальных методик. Во-вторых, последующие крупные достижения в физике в России относятся к 30-м годам и связаны с именем Э.Ленца, а также Е.Якоби. Можно зафиксировать временной разрыв исследовательской работы, после которого новые физики-исследователи опирались на результаты, достигнутые учеными Западной Европы, где исследования гальванизма послужили предпосылкой исследования электрического тока (открытия Эрстеда, Ампера и др.).

На наш взгляд, В.В. Петров не оказал влияния на ход мировой науки по следующим причинам. Со второй половины XVIII века в России исчезла традиция экспериментальной физической работы. Как мы уже указывали, физические кабинеты, подчас крупнейшие в Европе, служили только учебным целям и исследования проводились только одиночками. Коллекции приборов рассматривались только как музей, а не как материальные условия научной работы. Необходимая преемственность в экспериментальной традиции отсутствовала. С другой стороны, большинство физиков, современников Петрова, работало в русле препо-

давания и больше ориентировалось на проверенные, устоявшиеся теории, а не на зыбкую почву еще непонятных экспериментальных фактов. Можно сказать, что в России научное сообщество, способное воспринять, обсудить и дать стимул дальнейшим научным исследованиям, отсутствовало. Итак, деятельность В.В. Петрова не вписывалась в сложившиеся в России традиции отношения к науке и ученому, в традиционные представления о месте, роли и задачах ученого в обществе. Со стороны администрации и Академии Петров постоянно направлялся из экспериментальной работы в область преподавания и решения прикладных задач.

Мы до сих пор уделяли основное внимание рассмотрению особенностей развития физики в России, но нужно сказать, что аналогичным образом развивались и другие отрасли естествознания. Место химии как науки в русском обществе тоже обуславливалось традициями восприятия образа ученого. Не вдаваясь в детальное рассмотрение механизмов развития отечественной химии, мы сошлемся на фундаментальное исследование Ю.И. Соловьева³³.

Соловьев, характеризуя положение в химии во второй половине XVIII в., пишет, что "в работах русских химиков доминировали исследования, направленные на решение конкретных задач, связанных с экономическими запросами России того времени... Именно поэтому на первый план вышли "металлургическая химия", химико-аналитические исследования различных руд, минералов, солей, что диктовалось запросами горнодобывающей и горнозаводской промышленности"³⁴. Действительно, И.А. Шлаттер был крупным специалистом по горному делу и монетному искусству, и его работы в основном концентрируются вокруг технологических процедур и химических знаний, обуславливающих эти процедуры. Нужно упомянуть академика И.Г. Лемана, химика и минералога. Основные его работы относились к анализу руд и минералов, помимо этого на него были возложены обучение студентов и популяризация научных знаний. Э.Лаксман и В.М. Севергин тоже в основном известны благодаря решению химико-технологических проблем.

В начале XIX в. деятельность русских химиков в основном была направлена на популяризацию химических знаний. "Перед русскими университетами в первые десятилетия их существования стояла основная задача: популяризация и пропаганда естественно-научных знаний с целью привлечь молодежь к естествознанию, и, в частности к химии"³⁵. Университетские про-

фессора, как правило, не вели самостоятельных научных исследований, а "главным образом, читали лекции, произносили речи о пользе химии, сообщали об открытиях в химии и других естественных науках"³⁶.

Положение, когда русские химики в основном должны были направлять свои усилия на решение технологических задач и пропаганду естествознания, тормозило развитие фундаментальных исследований. Новые химические теории и экспериментальные результаты Россия в основном получала из Западной Европы. Ю.И. Соловьев приводит воспоминания А.М. Бутлерова, характеризующие положение в отечественной химии к 1850-м годам: "Тридцать лет тому назад, пожалуй, сорок, когда я сам еще учился, было не более двух-трех известных химиков, и русской химии почти не существовало: она заимствовала свои силы из чужих источников"³⁷. Бутлеров как ученый-химик дает рефлексивную оценку историческому положению науки в России, и с его точки зрения русской химии в начале XIX в. не существовало. Однако наука реализовывала именно те свои стороны (усовершенствование производства, просвещение), которые задавались традициями восприятия естествознания в русском обществе, остальные же функции науки (производство нового знания) находились в латентном состоянии.

* * *

Становление образа ученого в России к началу XIX в. проходит ряд довольно четко выраженных этапов. Ведущую роль в этом процессе играет фигура Администратора. Мы попытались привести некоторые примеры тех организационных мероприятий, путем которых царское правительство пыталось превратить страну в мощную научную державу. Однако очевидно и стремление превратить науку в придаток военно-бюрократического аппарата, обслуживающий его нужды. Поэтому ученый, "находясь на государственной службе", выступал как царский чиновник. Он не продавал свои знания, умение и опыт, а служил, выполняя круг обязанностей, очерченный Администратором.

Научное знание выступает условием, с одной стороны, получения нового научного знания, с другой – решения военных, технических и других задач. Научные организации, в том числе

и русские, погружены в систему других социальных институтов, для которых научные разработки иногда являются жизненно важными. В царской России доминировал военно-бюрократический аппарат, пронизывающий все стороны общественной жизни. Можно обратить внимание, что вплоть до XX в. большинство географических исследований проводились офицерами русской армии, например, Пржевальским, Семеновым-Тянь-Шанским, Арсеньевым, на средства военного ведомства и во многом для военных целей. Выдающийся исследователь Н.Н. Миклухо-Маклай не получал никакой поддержки со стороны официального Петербурга. Восточковедческие исследования предназначались отнюдь не для науки, а для нужд перевода в дипломатических сношениях с восточными соседями, а также для разведки.

Границы автономии науки задаются не самими учеными, а обратной связью, которая существует между ними и другими социальными группами. В России шаг за шагом прокладывала себе дорогу традиция видеть в ученом носителя информации, которая может пригодиться для общественно-полезных, но вненаучных целей. Первоначально видели в ученом человека знающего, компетентного, способного лучше других разобраться в сложившейся ситуации, решить поставленную задачу. Ученый и "знающий" слились в одно понятие. В профессиональном же ученом видится, в первую очередь, педагог и просветитель, а это заставляет ученого видеть в себе то же самое.

Образ организации Науки был взят с Запада, но в глазах Администратора претерпел заметные изменения. С одной стороны, наука играет в обществе многочисленные роли, и представление о ее сущности может задаваться через перечисление этих функций, а с другой стороны, ученый-исследователь вытесняется из ролей, не свойственных ему тогда, когда в достаточной мере развито общественное разделение труда и традиции, обеспечивающие это разделение. Мы привели примеры того, что ученый в России был призван играть роли подчас весьма далекие от научного исследования. Это формировало образ ученого как, в первую очередь, Эрудита и Знатка, специалиста по решению не отвлеченных вопросов, а практически важных задач.

Можно сказать, что движение научной мысли в основном происходило не в области получения новых знаний фундаментального характера. Мы имеем в виду реализацию исследовательских программ, а также формирование научных программ и традиций. Такие программы и традиции, как правило, опираются

на открытия новых типов экспериментальных фактов и поступательное расширение исследования этих фактов, а также создание теоретических конструктов, способных охватить как можно более широкое поле фактов (например, открытие Эрстеда или создание волновой оптики Френелем). Усилия русских академиков и профессоров стихийно направлялись в русло упорядочения и систематизации имеющихся в арсенале европейской науки знаний. Традиционно складывался круг задач и образцов деятельности, которые расценивались как принадлежащие ученому. Социальный круг, из которого вербовались потенциальные научные кадры, был довольно узок. Самая образованная часть общества – дворянство – ориентировалась в первую очередь на служебную карьеру, особенно на военном поприще, разночинская интеллигенция в начале XVIII в. только начала формироваться. Научная работа как идеал, которому можно было посвятить всю жизнь, формировалась только под воздействием просветительской деятельности русских разночинцев-демократов. До этого ее успешно вытесняли другие ценностные ориентации, характерные для феодальной России. Сложившийся взгляд на ученого приводит к тому, что из существенных характеристик научности доминирующей становится знаниевая. Наука воспринимается как накопленное знание, а научная работа – как передача этого знания в преподавании или применение в решении технических вопросов.

Само по себе научное знание нейтрально по отношению к тому, в каких целях оно будет применено. Физическое или химическое знание может послужить для обоснования мировоззренческой позиции или для решения технических, политических и др. задач; для усвоения учениками опыта прошлых поколений, но может стать и основой возникновения исследовательской программы. Его судьбу решает человек, цели которого определены господствующими идеалами и традициями.

Литература и примечания

- ¹ Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и становление науки в России // Социальная детерминация познания: Тез. докл. науч. конф. 19–20 сент. 1985 г. – Тарту, 1985. – С. 90–93.
- ² Кузнецова Н.И. Указ. соч. – С. 91–92.
- ³ Очерки по истории физики в России. – М., 1949. – С. 34.

- 4 Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. - М.: МГУ, 1983.
- С. 212.
- 5 Соловьев С.М. Указ. соч. - С. 213.
- 6 Очерки развития физики в России. - М., 1949. - С. 73.
- 7 Кузнецова Н.И. Указ. соч.
- 8 Очерки развития физики в России. - М., 1949. - С. 34.
- 9 Начертание открытого прохождения опытной физики, преподаваемой при Имп. Санкт-Петербургской Академии наук, в пользу ее любителей. - Спб., 1779.
- 10 Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов Императорской Академии наук член и химии профессор. - Спб., 1746; - 2-е изд. - 1760.
- 11 Уроки экспериментальной физики, сочиненные г. Нолетом ... / Пер. с француз. И. Вельяшева-Вольнцева: В 3 т. - Спб., 1779-1781.
- 12 Сокращение опытной физики г. Мушенброка ... / Пер. с лат. В. Созоновича. - М., 1791.
- 13 Руководство к физике, сочиненное Петром Гиларовским, учителем математики и физики ... - Спб., 1793.
- 14 Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михайло Сперанским 1797 года в Санкт-Петербурге, издание "Общества истории и древностей российских при Московском университете". - М., 1872.
- 15 Начальные основания опытной физики, сочинение Г. Бриссона, Парижской академии члена ... и т.д. / Пер. профессора физики Московского университета Страхова. - М., 1801-1802.
- 16 Физика, изданная императорского Московского университета профессором физики, статским советником и кавалером Иваном Двигубским: В 2 т. - М., 1824.
- 17 Очерки по истории физики в России. - М., 1949. - С. 45.
- 18 Анализ содержания упомянутых учебников имеется в названном соч. - С. 4-54.

- 19 Очерки по истории физики в России. - М., 1949. - С. 54-65.
- 20 Там же. - С. 58.
- 21 Очерки по истории физики в России. - М., 1949. - С. 61.
- 22 Там же. - С. 63.
- 23 О жизни и деятельности В.В. Петрова см.: напр.: Елисеев А.А. Василий Владимирович Петров. М.-Л., 1949; Кудрявцев Б.Б. Василий Владимирович Петров, его жизнь и деятельность. - М., 1952; Василий Владимирович Петров // Люди русской науки. - М., 1961.
- 24 Список работ В.В. Петрова опубликован в статье "Василий Владимирович Петров" в кн.: Люди русской науки.-М., 1961.
- 25 Соловьев Ю.И. История химии в России. - М., 1985. - С.60-64.
- 26 Там же. - С. 60.
- 27 Известия о гальвани-вольтовых опытах, которые производил профессор физики Василий Петров, посредством огромной наипаче батареи, состоящей иногда из 4200 медных и цинковых кружков и находящейся при Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.- Спб., 1803.
- 28 См. указанную литературу о жизни и деятельности В.В. Петрова.
- 29 Люди русской науки. - М., 1961. - С. 68.
- 30 Люди русской науки. - М., 1961. - С. 67.
- 31 Очерки по истории физики в России. - М., 1949. - С. 60.
- 32 Люди русской науки. - М., 1961. - С. 73.
- 33 Соловьев Ю.И. История химии в России. - М., 1985.
- 34 Соловьев Ю.И. Указ. соч. - С. 40-41.
- 35 Соловьев Ю.И. Указ. соч. - с. 79.
- 36 Соловьев Ю.И. Указ. соч. - С. 79.
- 37 Цит. по кн.: Соловьев Ю.И. История химии в России. - М., 1985. - С. 10-11.

О СУДЬБЕ ТАРТУСКОЙ КАНТИАНЫ

Л.Н. Столович

Среди ценнейших собраний книг и рукописей библиотеки Тартуского университета было 461 письмо, адресованное великому немецкому философу Иммануилу Канту, а также две книги из личной библиотеки Канта: A.G. Baumgarten. *Metaphysica. Halle. 1757* и G.F. Meyer. *Auszug aus der Vernunftlehre. Halle. 1752*, буквально испещренные заметками кенигсбергского мыслителя (достаточно сказать, что публикация этих заметок заняла 3 тома академического собрания сочинений Канта). Эта кантиана была привезена в Тарту учеником Канта, которому Кант доверил издание своей "Логики", Готлобом Вениамином Йеше (Gottlob Benjamin Jaesche) (1762-1842), приглашенным в 1802 г. в Дерптский (Тартуский) университет в качестве профессора философии. Йеше подарил имевшуюся у него часть кантовского архива своему другу - основателю библиотеки Тартуского университета Карлу Моргенштерну, а последний завещал ее библиотеке.

Вот как сам Карл Моргенштерн описал в каталоге рукописей под № ССХСІ подарок своего друга: "Кантиана. Письма к Канту. Написанные рукой их авторов. Величина - четвертая доля листа. Полуантичный переплет. 722 страницы. Кроме того, именной указатель на 3 нумерованных листах. Переплет заказан мною. Собрание было передано в мое свободное распоряжение более чем тридцать пять лет тому назад моим покойным другом Йеше. - Помимо этого, еще те, которые до тех пор хранились в старом ящике, кожаный верх которого был поеден молью, были мною собраны и определенным образом упорядочены и объединены в другой полуантичный переплет, в 1843, наконец, предварительно разделены на 5 пакетов, в марте 1844 в алфавитном порядке письма к Канту объединены во второй полуантичный переплет, 1088 стр. Некоторые также им собственноручно надписаны"¹.

Кантиана хранилась в университетской библиотеке до II (23) сентября 1895 г., т.е. до того, как она была отправлена в Прусскую Академию наук в Берлин для подготовки издания

Полного собрания сочинений И.Канта. Разрешение на посылку этих материалов для временного их использования было дано правительством России.

В Научной библиотеке Тартуского университета хранятся письма из Прусской Академии наук, в том числе написанные такими видными немецкими философами, как Герман Дильс (Hermann Diels), Вильгельм Дильтей (Wilhelm Dilthey), Бенно Эрдман (Benno Erdmann), по которым можно проследить "перемещение" тартуской кантианы по Германии. В статье проф. Арсения Гулыги, сотрудника Научной библиотеки ТГУ Хайна Танклера и автора этих строк "О рукописном наследии Канта в Тартуском университете"² прослеживаются по сохранившимся документам пути движения тартуской кантианы по Германии, публикация ее в академическом собрании сочинений Канта, 18-ый том которого - последний из томов, содержащих тартуские материалы, - вышел в 1928 году. Несмотря на многочисленные напоминания, просьбы и требования возвратить кантиану в Тарту, она осталась в Германии ...

Какова дальнейшая судьба тартуской кантианы? Сохранилась ли она или стала еще одной жертвой второй мировой войны? Вместе с тем до сих пор в Научную библиотеку ТГУ приходят письма даже немецких ученых, спрашивающих, где кантиана. Проф. А.Гулыга - один из крупнейших знатоков наследия Канта - обратился с запросами о местонахождении кантианы к коллегам из ГДР, ФРГ и Западного Берлина. Единственное, что удалось установить: в Западном Берлине имеется фотокопия коллекции. Пришлось предположить самое печальное, и заметка "О рукописном наследии Канта в Тартуском университете" заканчивалась грустной фразой: "что касается подлинников, то они, по-видимому, погибли во время войны".

Но верить в это не хотелось. Продолжаю расспрашивать людей, имевших какое-либо отношение к рукописным коллекциям университета, знатоков тартуских собраний ценнейших материалов. Подбадриваю себя воспоминанием о давней удаче. В начале 1960-х годов я заинтересовался судьбой книг, принадлежавших великому немецкому просветителю Иоганну Готфриду Гердеру. Известно было, что часть книг гердеровской библиотеки была приобретена библиотекой Тартуского университета, но они оказались рассеянными среди сотен тысяч книг библиотеки. Иди каплю в море! Однако работавшая в то время в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки М.Либлик вспомнила, что гердеровской библиотекой занимался библиограф Эдуард Виттель.

М. Либлик удалось обнаружить в бумагах покойного Э. Вигеля статью "К изучению истории библиотеки И. Г. Гердера", а также список книг из личной библиотеки замечательного мыслителя. Эти материалы были опубликованы в VI томе "Трудов по философии" (Учен. зап. Тартуского государственного университета. - Тарту, 1962, вып. 124), и сохранившаяся часть библиотеки Гердера была выявлена...

И вот однажды в лектории главного здания ТГУ, во время перерыва занятий, рассказываю все, что знаю о тартуской кантиане доктору юридических наук Лео Леэсменту. "Подождите, - говорит он, - я смутно помню о разговоре с одним немцем, кажется, в 1963 году, который видел эти материалы. Я должен посмотреть в своих бумагах сделанную тогда запись".

Скажу откровенно, я не поверил, что речь шла о тартуской кантиане. Поэтому я не стал торопить Л. Леэсмента. Но месяца через полтора после нашего разговора мы случайно встретились на ратушной площади и он протянул мне листок бумаги, на котором указывался адрес Архива Академии наук ГДР, где знакомый Л. Леэсмента видел два тома писем к Канту.

Но может это были фотокопии? Казалось слишком невероятным, что разыскиваемые многими исследователями материалы лежат буквально у всех на виду - в Центральном архиве Академии наук ГДР.

И вот в конце августа 1979 года мне довелось быть в Берлине по приглашению художника Курта Магритца.

Конечно же, одно из первых дел - посетить архив. Вот я на тихой Отто-Нушке-Штрассе у дома Академии наук. Захожу в Центральный архив. Представляюсь. Спрашиваю: "Нет ли у вас писем к Канту из собрания Карла Моргенштерна? Меня интересуют также книги Баумгартена и Майера с пометками Канта". Исполняю необходимые формальности для работы в Архиве. Сотрудница Архива спрашивает меня о моих научных интересах, приведших меня сюда, и просит зайти через три дня, ничего не обещая.

С замиранием сердца переступаю порог архива в положенный срок. Меня проводят в рабочую комнату и приносят два тома в старинных переплетах. Открываю и вижу знакомый книжный знак.

В I-ом томе 724 пронумерованные страницы рукописей, во втором - 1088. Всего 461 письмо. Среди них под № 163 и 164 письма Фридриха Шиллера. 9 писем Фихте. Письмо Виланда. На отдельном листке отмечены имена тех, кто работал над этими документами. Их всего 3 человека. Последний из них - д-р

Зайферт - знакомый Лео Леэсмента - интересовался письмом Виланда 31 января 1957 года.

Принесли мне и книгу Г.Ф. Майера, всю исписанную рукой Канта. Она в новом кожаном переплете. Как видно было из приложенной справки, в 1974 году она была реставрирована в Дрездене. Книги Баумгартена не оказалось. Куда ее забросила судьба?³

Тартуская кантиана опубликована в академическом собрании сочинений Канта. Но это не уменьшает ее исторической ценности. И ученым придется еще не раз обратиться к этим документам при новых изданиях кантовских материалов.

* * *

Когда были написаны эти строки, в Тартуском университете обнаружилась еще одна реликвия, непосредственно связанная с Иммануилом Кантом. Оказалось, что в анатомическом кабинете ТГУ в шкафу рядом с различными анатомическими препаратами стоит... посмертная маска великого мыслителя. Сотрудники кафедры анатомии, конечно, знали, что в анатомическом музее имеется посмертная маска Канта, а также Бетховена, но об этом не знали, как оказалось, даже такие большие знатоки богатств университета, проработавшие в нем десятки лет, как д-р Лео Леэсмент, проф. Вольдемар Вага, доц. Александр Эланго, Виллем Эрнитс.

Как попала посмертная маска Канта в университет? Об этом пока можно строить только догадки. Инвентарная книга университетского музея классических древностей, где должна быть зарегистрирована маска, пока не найдена (не исключено, что она была вывезена во время эвакуации университета в период первой мировой войны). Вероятнее всего предположить, что маску привезли для профессора Йеше, свято чтившего все, что связано с его учителем. Но это, разумеется, только предположение.

Что касается самой маски, то можно точно назвать имя художника, ее отлившего. Это профессор Кнорре из Кенигсбергской художественной школы⁴.

В книге К.Х. Клазена⁵ отмечается, что с формы, снятой проф. Кнорре, была отлита бюстоподобная маска в трех экземплярах. Один из них попал в Берлинский анатомический музей, другой - в Прусское общество древностей (этот экземпляр получил повреждения и был затем реставрирован), третий - в го-

сударственный архив в Кенигсберге⁶. Может быть, маска Канта, хранящаяся в ТГУ, была четвертым экземпляром? Ведь о ней ничего не известно было широкой общественности. Лицо великого мыслителя обезобразила смерть. Маска несет на себе следы ее "критики" погасшего разума. Поэтому, несмотря на обычаи тех времен хранить посмертные маски выдающихся людей (например, известно много масок Бетховена), вряд ли маска Канта отливалась многократно. Пока нам не известна судьба и тех трех экземпляров маски Канта, оставшихся в Германии. Пережили ли они вторую мировую войну? Тем большую ценность представляет ее экземпляр, хранящийся в Тартуском университете.

*

*

*

В Тартуской кантиане находилась еще одна ценнейшая реликвия, в течение долгого времени пребывавшая в неизвестности. Речь идет о диссертации Крейцфельда на латинском языке ("Филологическо-поэтическая диссертация об общих принципах вымысла"), на свободных страницах которой И. Кант написал на латинском языке текст своего оппонентского выступления. Каким образом эта рукопись Канта попала в Тарту и почему оставалось неизвестным ее местонахождение?

То, что в библиотеке Тартуского (Дерптского) университета хранилась диссертация Крейцфельда с собственноручными записями Канта, было известно давно. Об этом сообщалось еще в прошлом веке в каталоге книг и рукописей основателя библиотеки Тартуского университета Карла Моргенштерна⁷. Там же отмечено, что диссертация "приобретена из наследства Йеше в 1843 г.". На самой диссертации над экслибрисом К. Моргенштерна имеется его пометка: "Olim Jäschii /Некогда было у Йеше/ Ex libr. Morgenstern. 1843".

Рукопись Канта на диссертации Крейцфельда почему-то не была отправлена в Германию с остальной частью кантианы. Может быть потому это не было сделано, что оппонентское выступление Канта было написано четким почерком (видимо, это было сделано, чтобы легче прочитать текст) и его можно было скопировать на месте. И действительно, рукопись Канта была скопирована и опубликована в журнале "Altpreuussische Monatschrift" Артуром Вардой⁸. В Научной библиотеке Тартуского

государственного университета хранится оттиск этой публикации, по-видимому, присланный автором. В 1911 г. в журнале "Kant-Studien" появился немецкий перевод Тартуской рукописи с кратким предисловием переводчика⁹, а в 1913 г. эта рукопись была тщательно воспроизведена в XV томе академического издания сочинений Канта¹⁰.

Первоначально я полагал, что публикация Тартуской рукописи в собрании сочинений тоже была сделана по копии. Однако уже после того, как местонахождение рукописи стало известно международной научной общественности через средства массовой информации, ко мне обратился научный сотрудник Архива Канта при Марбургском университете Вернер Штарк (Werner Stark). В своем письме от 1 марта 1985 г. он писал, что не может представить себе, чтобы проф. Э.Адикес, расшифровывавший рукописи Канта для академического собрания сочинений, мог сделать публикацию по копии, а не по оригиналу. Помимо этого соображения, В.Штарк сообщил, что в материалах Кантовской комиссии Берлинской Академии наук, находящихся в Центральном архиве АН ГДР, он видел документы, свидетельствующие о том, что диссертация Крейцфельда с рукописью Канта была в Германии и возвращена в Тарту до 1914 г.

Обратившись к архиву Научной библиотеки ТГУ, я обнаружил переписку относительно посылки диссертации Крейцфельда проф. Э.Адикесу для временного пользования. 21 сентября 1911 г. директор библиотеки В.Э. Грабарь обратился в Правление университета с предложением удовлетворить просьбу проф. Э.Адикеса о высылке ему диссертации Крейцфельда. 4 октября Правление в письме в библиотеку уведомило, что поддержало просьбу Прусской Академии наук о посылке этой диссертации. 13 октября 1911 г. она была выслана через Министерство иностранных дел. В письме от 22 апреля 1913 г. Правление университета уведомляет директора библиотеки в том, что диссертация Крейцфельда, находившаяся в пользовании профессора Тюбингенского университета Эриха Адикеса, возвращена 9 апреля 1913 г.¹¹ Следовательно, после подготовки XV тома академического собрания сочинений Канта, в котором по оригиналу была опубликована Тартуская рукопись Канта, она была возвращена накануне первой мировой войны, в отличие от другой части Тартуской кантианы.

Однако научной общественности все это было не известно. Полагали, что рукопись Канта осталась в Германии. Там ее тщетно искали, а она спокойно лежала в Научной библиотеке

Тартуского университета. Ее никто никогда не затребовал из фонда. Работая над статьей "Кантиана в Дерпте (Тарту)", известный западно-германский кантовед проф. Рудольф Мальтер, после безуспешных поисков рукописи Канта в Германии, в письме ко мне от 11 ноября 1983 г. просил выяснить, не сохранилась ли она чудом в Тарту. И вот чудо оказалось реально-стью.

Хотя рукопись и была опубликована, подлинник ее, разумеется, не утрачивает своей культурно-исторической и научной ценности. Но, помимо этого, обнаружение автографа Канта, перевод его на русский язык и исследование, сопряженное с новой публикацией, показало, что Тартуская рукопись представляет чрезвычайно большой интерес для понимания развития философских и эстетических воззрений выдающегося мыслителя. Она написана в 1777 г. в период работы Канта над основным своим произведением "Критика чистого разума" и находится, таким образом, на границе между "докритическим" и "критическим" периодами философии Канта. Философ выступил оппонентом на диспуте по диссертации, посвященной поэтике, и поэтому Тартуская рукопись - это произведение, в котором значительное внимание уделено проблемам эстетики. До сих пор считалось, что эстетика излагалась Кантом в основном в 3-х произведениях: "Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного" (1764 г.); "Критика способности суждения" (1790 г.); "Антропология с прагматической точки зрения" (1798 г.). И вот оказывается, что у Канта имеется четвертое произведение по эстетике! И хотя Тартуская рукопись была опубликована в академическом издании сочинений, она даже не упоминалась в трудах, написанных по эстетике Канта.

А вместе с тем изучение Тартуской рукописи показывает, что она содержит ряд эстетических идей, не потерявших своей теоретической актуальности до настоящего времени. Прежде всего это относится к проблеме "искусство и игра". Автор диссертации считал обман чувств важным источником поэзии. Оппонент же полагал, что она проистекает из другого источника. На первый взгляд может действительно показаться, что поэзия, как и другие виды искусства, обманывает читателя и зрителя, создавая вымышленные образы. Однако, отмечает Кант, разве люди не знают, что имеют дело с вымышленными образами. Значит, их никто не обманывает. Искусство - это не обман, а играющая видимость. Воспринимая произведение искусства, человек играет с этой видимостью и "не бывает ею ро-

зыгран". "Через эту видимость, — замечает Кант, — создатель ее не вводит в обман легковверных, а выражает истину, облаченную видимость". Такое постижение истины и дает человеку эстетическое удовольствие. Через игровую деятельность Кант раскрывает один из источников эстетического воздействия произведений искусства.

В Тартуской рукописи мыслитель ставит также проблему своеобразия поэтических чувств, показывая различие между жизненной и поэтической любовью на примере жизни и творчества Петрарки. Крейцфельд пытается объяснить любовь Петрарки к Лауре тем, что она вспыхнула во время религиозной церемонии. Кант иронизирует над этим доводом. По его мнению, любовь Петрарки была не реальной страстью к любимому человеку, а поэтической любовью. Поведение поэта, как бы мы сказали сейчас, было игровым поведением. Кант напоминает, что Петрарка отверг посредничество Римского папы в содействии женитьбы его на Лауре, т.к. боялся, что его стихи потеряют всю страстность и изящество, когда он женится на предмете своего поэтического поклонения.

Я коснулся только некоторых проблем Тартуской рукописи. Написанная в непринужденном стиле, образном и ироническом, эта рукопись обсуждает целый ряд философских вопросов, таких, как познавательные возможности чувств, соотношение поэзии и философии. Замечательный просветитель иронично высказывается здесь против всяческих суеверий, астрологии и магии, с презрением говорит о "торговле заблуждениями", о стремлении "в поисках выгоды обманывать доверчивую толпу"¹².

✱

✱

✱

Помимо Тартуской рукописи в Научной библиотеке Тартуского университета в настоящее время хранятся четыре письма и записка Иммануила Канта:

1. Письмо Гердеру от 9 мая 1768 г. Оно находится в коллекции писем, собранных К.Моргенштерном;

2. Письмо Теодору Готтлибу Хиппелю (1741-1796) от 15 марта 1764 г., которое находится в коллекции автографов архивариуса Петербургской Академии наук и консерватора Эрмитажа Фридриха Людвиг Шардиуса (1795-1855), подаренной Тартускому университету в 1852 г.;

3. Письмо Иоганну Шульце (1739–1805) от 16 августа 1790 г., подаренное университету в 1822 г. статским советником Авериным;

4. Письмо Карлу Моргенштерну от 14 августа 1795 г.;

5. Записка Канта от 2 сентября 1792 г., находящаяся в коллекции Шардиуса.

Все эти письма опубликованы в собрании сочинений Канта, а записка в книге: И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980, с. 635, 674–675.

Выявлена ли вся кантиана, находящаяся в Тарту? Недавно сделанная находка говорит о том, что поиски могут дать новые результаты. Весной 1986 г. при подготовке выставки экслибрисов в Научной библиотеке Тартуского госуниверситета была обнаружена книга из личной библиотеки Канта. Это книга Леонарда Крейцера, подаренная автором И. Канту с дарственной надписью: "Dem großen Stifter der kritischen Philosophie Herrn Professor Kant, in Königsberg als ein geringes Denkmal seiner aufrichtigsten Verehrung gewidmet von dem Verfasser". ("Великому основателю критической философии господину профессору Канту в Кёнигсберге в качестве маленького памятника, посвященного его искреннейшему почитанию, от автора"). Книга озаглавлена: *Skeptische Betrachtungen über die Freyheit des Willes mit Hinsicht auf die neuesten Theorien über dieselbe von Leonhard Creuzer. Giessen, 1793*. Надпись оделана не на титульном листе, а перед ним. На титульном листе внизу две подписи: G. V. Jäsche, Morgenstern. На книге имеется книжный знак К. Моргенштерна и № 3453. Под этим номером книга значится в каталоге книг и рукописей К. Моргенштерна на стр. 200, но не отмечено, что книга подарена Канту. Изучение самой книги показывает, что в ней имеются подчеркивания на страницах 42–44, 47, 49–54, 56, 60–64. На стр. 134–135 имеются отчеркивания в виде фигурных скобок. На 135 стр. несколько строчек вписано в текст книги, вероятно, рукой автора. Трудно предположить, кто именно делал подчеркивания. Может быть Кант, а может быть и Йеше. Карл Форлендер в своей книге о Канте называет Крейцера среди марбургских последователей Канта в 90-ые годы¹³.

Как бы там ни было, но найдена книга, принадлежащая великому Канту. Будем надеяться, что это не последняя находка в поисках Тартуской кантианы.

Литература и примечания

- I Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки ТГУ, каталог.
- 2 Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. - Калининград, 1979. - Вып. 4.
- 3 Впоследствии выяснилось, что "Метафизика" Баумгартена с пометками Канта находится в Геттингене (см. Malter R. Kantiana in Dorpat (Tartu) // Kant-Studien, 1983. - Н. 4. - S. 483).
- 4 См.: Vorländer K. Immanuel Kant: Der Mann und das Werk. - Hamburg: Felix Meiner Verlag. 1977. - S. 334.
- 5 Clasen K.H. Kant-Bildnisse. - Königsberg, 1924.
- 6 См.: Там же. - С. 27.
- 7 Catalogus mss. et bibliothecae Carol Morgenstern. - Dorpati, 1868. - P. IX, MCCLXXX.
- 8 Eine lateinische Rede Imm. Kants als ausserordentlichen Opponenten gegenüber Johann Gottlieb Kreutzfeld / Mitgeteilt von A. Warda // Altpreuussische Monatschrift. - 1911. - Bd. XLVIII, Heft 4. - S. 662-670.
- 9 Eine bisher unbekannte lateinische Rede Kants über Sinnestäuschung und poetische Fiktion / Übersetzt und erklärt von Herrn A. Schmidt // Kant-Studien. - Berlin, 1911. - Bd. 16. - S. 5-21.
- 10 Kant's gesammelte Schriften. - Berlin, 1913. - Bd. XV. - S. 903-935.
- 11 См.: Архив Научной библиотеки Тартуского университета, ф. 4, оп. I, ед.хр. 982.
- 12 Тартуская рукопись полностью опубликована в переводе с латинского Anne Лилль под редакцией и с предисловием автора этих строк в "Кантовском сборнике" (Калининград, 1985, вып. 10, с. 120-129). Исследование этой рукописи было предпринято в предисловии к этой публикации и ряде статей. См.: Столович Л. Рукопись, найденная в Тарту: Из эстетического наследия Иммануила

Канта // Лит. газ. - 1984. - 8 авг.; Столлович Л.Н.
Место "Тартуской рукописи" Канта в его эстетическом
учении // Философские науки. - 1986. - № I.

- ¹³ Vorländer K. Immanuel Kant: Der Mann und das Werk. - Bd.
II. - S. 239.

ГЕГЕЛЬ И ДОСТОЕВСКИЙ
(К вопросу о влиянии идей Гегеля
на творчество Достоевского)

В.П. Хютт

"Вместо диалектики наступила
жизнь, и в сознании должно выра-
ботаться что-то совершенно дру-
гое". Достоевский^I

Проблема сравнительного анализа философии Гегеля и творчества Достоевского была поставлена как перспективная около двадцати лет назад². Оценка современного состояния вопроса дана в статье Г.М. Фридлендера³ - известного советского "достоеведа". В статье, непосредственно посвященной данной теме, замечается: "Но развернутая экспозиция темы "Достоевский и Гегель" в советской научной литературе до сих пор не была представлена"⁴.

В данной статье сделана попытка осветить специфику влияния идей немецкого философа на русского писателя и сформулировать методологические принципы сравнительного анализа по данной теме.

I. Три направления в разработке темы "Гегель и
Достоевский"

Анализ показывает, что исследование тех мотивов творчества Достоевского, которые обнаруживают внутреннюю близость к идеям Гегеля, ведется в трех направлениях. Во-первых, сравнение отдельных диалектических моментов в движении самосознания или при воспроизведении диалектики тех или иных категорий. Так, Ю.Ф. Карякин отмечает аналогичность между рациональным и художественным отображением диалектики цели и средств⁵, Л.Б. Туманова - близость трактовки Достоевским категории становления к "основным принципам гегелевской философии"⁶. Существуют попытки сравнительного анализа категории рефлексии и художественной идеи двойничества, отчуждения

и двойничества. Методологической основой этого направления анализа является принцип аналогичности (в отдельных моментах) диалектики Гегеля и художественного мышления Достоевского: "То, что Гегель открыл в сфере гносеологии, то, что Маркс открыл в сфере социальной практики, Достоевский открывает "в душе", т.е. прежде всего в сфере социальной психологии личности"⁷.

Во-вторых, обнаружение непосредственного влияния гегелевских идей на творчество Достоевского. Как будет ниже показано, такое влияние может быть констатировано, но оно не может претендовать на главное направление в разработке темы. Поэтому справедливо утверждение, что "скорее речь должна идти о влияниях иного уровня, более сложных, опосредованных"⁸. Существенной основой данного направления исследования служит факт принципиальной противоположности типов диалектического воспроизведения реальности "духовного бытия" в поэтике Достоевского, с одной стороны, и в рационалистическом монизме Гегеля, с другой стороны. Поэтому методологическим принципом этого направления является конфронтация с Гегелем.

В-третьих, важнейшим направлением в сопоставлении поэтики Достоевского с идеями Гегеля является сравнительный анализ "опыта" сознания в "Феноменологии духа" с раскрытием "тайн духовного бытия"⁹ в художественных произведениях Достоевского. Это третье направление является, на наш взгляд, наиболее плодотворным, обещающим интересные результаты, несмотря на то, что оно до сих пор представлено лишь эскизно¹⁰. Методологической основой здесь служит идея взаимодополнения результатов художественного и философского исследования.

Ниже мы попытаемся оправдать наши замечания о методологических принципах подходов к теме на материалах второго и третьего направлений исследования.

2. О непосредственном влиянии идеи Гегеля на Достоевского: принцип конфронтации

С самого начала становления личности в период, предшествующий литературной деятельности, Достоевским были вырабатаны основы собственной оригинальной позиции по отношению к философскому освоению реальности по сравнению с художественным ее воспроизведением. В письме к брату от 31 октября 1838 г. он характеризует философию как "высший градус поэ-

зии", замечая в то же время, что рассудочный "дух нынешней философии" в принципе не способен познать "природу и любовь", а только плодит "бестолковые системы" (28, ч. I, с. 53-54). В дальнейшем эта точка зрения вычеканивается в четкую оппозицию рационализму гегелевского типа, в убеждение в преимуществе художественного освоения реальности перед "диалектикой". В письмах Достоевский так раскрывает суть своих воззрений: "неразрешенную мысль (ту самую мысль, которая есть во всей природе)" можно воспроизвести не "какой-нибудь разлинованной по безбрежному отвлеченному полю доктриной", но творчеством, при котором "сомнения философские, перешедшие в живьё" выражены наглядными, живыми, напряженными художественными образами (28, ч. II, с. 61, 26, 45).

Влияние идей Гегеля на поэтику Достоевского можно проследить через его друзей, русских философов Н.Н. Страхова (1828-1896) и в особенности В.С. Соловьева (1853-1900). Н.Н. Страхов - истый русский гегельянец, интерпретатор Гегеля и переводчик на русский язык книги Куно Фишера о Гегеле напечатал в первом номере журнала "Светоч" за 1860 год статью "Значение гегелевской философии в настоящее время". Эта и другие статьи сразу же заинтересовали Достоевского, и вскоре Страхов стал основным сотрудником и идеологом журнала братьев Достоевских "Время". Интеллектуальная близость с Достоевским (совместное путешествие в Италию в 1862 году, еженедельные обеды у Достоевского в последние пять лет жизни писателя) позволяют с уверенностью констатировать знакомство его с идеями Гегеля, знакомство, опосредованное влиянием Страхова. Но Н.Н. Страхов не был оригинальным мыслителем, Достоевский всегда принимал его идеи с большой долей сомнения (известны идейные разногласия между ними) - именно его Федор Михайлович предупреждал против "сооблазнительного" влияния разлинованной по безбрежному полю отвлеченной доктрины (28, ч. II, с. 26).

Имеются источники, свидетельствующие о непосредственном знакомстве Достоевского с произведениями Гегеля. Еще ранее, по выходе из каторги перед отправкой в ссылку в Семипалатинск писатель просил брата наряду с другими книгами выслать ему "неприменно Гегеля, в особенности Гегелеву "Историю философии". С этим вся моя будущность соединена!" (28, ч. I, с. 170). Сохранилось также свидетельство А.Е. Врангеля - друга Достоевского в период семипалатинской ссылки - о

том, что Федор Михайлович собирался переводить Гегеля (28, ч. 1, с. 455). Таким образом, сам факт непосредственного и заинтересованного знакомства Достоевского с произведениями немецкого философа может считаться установленным.

В противоположность Н.Н. Страхову Владимир Соловьев был оригинальным мыслителем. С Достоевским его связывала близкая доверительная дружба. Раздвоенная личность философа отражена по имеющимся свидетельствам в характерах как Алеши, так и его брата Ивана в романе "Братья Карамазовы" (15, с. 471-472). С именем В.С. Соловьева связано единственное непосредственное отражение идей Гегеля в творчестве Достоевского. Оно констатируется как результат совместной поездки Достоевского и Соловьева в Оптину Пустынь в июне 1878 года как раз в период напряженной работы над "Карамазовыми". Ф.М. Достоевскому в идеях Соловьева относительно гегелевской философии импонировали, по-видимому, следующие. Во-первых, критика "монологизма" гегелевского абсолютного духа, который в своем развитии как бы сам из себя "вытягивает" все последующее содержание. В.С. Соловьев критикует такой "вывод", указывая, что полученное таким образом содержание не является действительным, реальным, но лишь мысленной эманацией. Во-вторых, в противоположность единому абсолютному духу Гегеля русский философ в работе "Критика отвлеченных начал" вводит "второе абсолютное" — самостоятельность мира и индивидуальности в нем^{II}. Но именно этот момент и является одним из центральных в творчестве Достоевского — уже его современники отмечали, что для писателя само общество интересно не само по себе, а по влиянию его на личность (см. 28, ч. 1, с. 431).

Непосредственное влияние идей гегелевского абсолютного идеализма проявляется в романе "Братья Карамазовы" в главе IX одиннадцатой книги "Черт. Кошмар Ивана Федоровича". Иван пытается убедить черта и самого себя в том, что сам черт есть только его, Ивана, фантазия, большое воображение, галлюцинация. Однако черт вполне преуспевает в противоположном — доказывает самостоятельность своей позиции, свою независимость от Ивана и иронически замечает: "Я хочу в идеалистическое общество записаться, оппозицию у них буду делать: "дескать реалист, а не материалист, хе-хе!" (15, с. 72). В подготовительных рукописях к этому эпизоду имя Гегеля употребляется дважды (15, с. 335-336). Советский исследователь Е.И. Кийко констатирует: "Соотнося философское рассуждение черта с абсолютным идеализмом Гегеля, Достоевский, очевидно,

отзывался на недавнюю полемику вокруг Гегеля в публицистике 1870-х годов" (15, примечания, с. 443).

В "Карамазовых" Достоевскому важно было убедить читателя в самостоятельности, равноправности, реалистичности точки зрения черта в пространстве художественного произведения реальности, и не только черта, но и других "голосов" героев — принцип полифоничности. Но тем самым принципу гегелевского монизма противопоставляется дуальное начало и принцип плюрализма. (Поэтому черт хочет записаться в оппозицию к идеализму под маской реалиста!) М.Бахтин впервые доказал, что в полифоническом художественном типе мышления Достоевского заложена диалектика принципиально не гегелевского типа. Так, в противоположность гегелевской трактовке развития на основе категории "снятие", "основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие"¹². Противоположности у Достоевского не этапы, а станы; противоречие разрешается не на пути простого линейного "снятия", т.е. поглощения одной противоположности другой, а в результате нарастания напряженной конфронтации на более высоком уровне их единства — на уровне, включающем как скрытую позицию самого автора, так и актуально совершающееся понимание читателя. Достоевский тонко чувствовал, что односторонний рационализм Гегеля неадекватен его методу раскрытия тайн человеческого духа (в этом случае необходима диалектика существенно негегелевского типа¹³). Отсюда его известная оппозиция рационализму вообще, действительным, реальным содержанием которой является ограниченность рационализма классического типа и намек на возможный более высокий тип рациональности. Этот намек, разбросанный в письмах и публицистике Достоевского, получил в настоящее время реализацию в виде идеи смены классического типа рациональности на неклассический¹⁴.

3. Диалектика "несчастливого сознания" Родиона Раскольникова: принцип взаимодополнения

Взаимодополняющую аналогию между диалектикой так наз. "несчастливого сознания" по Гегелю¹⁵ и описанием самосознания и действий Раскольникова по Достоевскому в "Преступлении и наказании" можно обосновать как сопоставлением общих тем указанных произведений, так и конкретным анализом текстов.

Центральной категорией "Феноменологии духа" является понятие отчуждения; главной темой – эволюция "опытов самосознания" над самим собой в различных отчужденных формах ("разорванное сознание", "несчастное сознание", "рабское сознание"). Гегель в абстрактной форме улавливает и воспроизводит этим реальное отчуждение человека в буржуазном обществе. Тема (но не термин?) отчуждения была знакома Достоевскому-художнику с самого начала его литературной деятельности и разрабатывалась им в повести "Двойник". В этой повести самотрагедия героя и реальный процесс "вытеснения" его из жизни его преуспевающим двойником изображен как бы отраженным в зеркале самосознания самого же Голядкина.

Самосознание Раскольникова – другой тип отчужденного сознания, который в своих основах и существенных характеристиках вполне аналогичен "несчастному сознанию" Гегеля. Действительно, существует внутреннее содержательное единство между данными формами самосознания. Согласно исследованиям известного специалиста по раннему Гегелю Георга Лукача в разделе о несчастном сознании выступают на авансцену два великих кризиса в истории развития человечества. Эти кризисы даны сквозь социально-психологическую призму эволюции индивидуального сознания. Первый связан с возникновением христианства (самосознание на ступени веры, которое, однако, "составляло для Гегеля ... идеологическую основу современности"¹⁶). С другой стороны, хорошо известно, что идея Христа как высшего нравственного идеала лежит в основе всего творчества Достоевского. В "Преступлении и наказании" эта идея представлена образом Сони Мармеладовой. В этом романе Достоевский не просто описывает метания отчужденного сознания Раскольникова, но образом Сони противопоставляет этому раздробленному и утратившему целостность персонажу идеал цельного человека, который, согласно специалистам, писатель "связывал с традицией ранней восточно-христианской мысли" (см. 15, примечания, с. 469).

Второй кризис по Г.Лукачу связан с той особенностью в трактовке Гегелем развития "несчастливого сознания", согласно которой оно прямо и непосредственно сопрячено современному Гегелю капиталистическому обществу, "развертывается в эпоху становления современного буржуазного общества и в нем самом"¹⁷. Такая тематическая установка вполне в духе поэтики Достоевского – все основные герои русского писателя действуют в современном капиталистическом городе; Раскольников,

в частности, выражает тип самосознания интеллигента-разночинца в условиях Петербурга эпохи Достоевского.

Таким образом, главные тематические идеи одинаковы в данном случае как у Гегеля, так и у Достоевского, только последний не просто описывает развитие сознания героя, но также и его крах, как бы ища в то же время выход из капиталистического отчуждения.

В целях конкретизации отношений "несчастливого сознания" с самосознанием Раскольникова сопоставим различные моменты и этапы (станы!) развития обоих. В подготовительных материалах, относящихся к началу романа Достоевский четко определяет идею развития: "С самого начала преступления начинается его (Раскольникова. - В.Х.) нравственное развитие, возможность таких вопросов, которых прежде не было. В последней главе в каторге он говорит, что без этого преступления он не обрел бы в себе т а к и х вопросов, желаний, чувств, потребностей, стремлений и развития" (7, с.140).

Однако данный тип развития существенно противоположен гегелевскому: все характеристики самосознания существуют как бы разом, только в более или менее интенсивной форме. Так, у героя сразу же после преступления возникает идея покаяния: "Если спросят, я, может быть, и скажу", - подумал он, подходя к конторе" (6, с. 74). Повороты, переломы в сознании и поступках поданы как бы внезапными, необоснованными, случающимися "вдруг": "Странно, - проговорил он медленно, как бы вдруг пораженный новой мыслью" (6, с. 79). Это "вдруг" типично для стиля автора - подсчитано, что в романе объемом не многим более 400 страниц оно встречается 560 раз! В "Феноменологии духа" нечто подобное в принципе невозможно.

Таким образом подтверждается методологический принцип исследования данной темы - аналогия на фоне противопоставления, (взаимо)дополнительность (почти в духе известной концепции Нильса Бора!).

Следующие моменты и характеристики мыслей и действий Раскольникова сопоставимы с эволюцией "несчастливого сознания".

Основа и суть "несчастливого сознания" состоят в так наз. "переменчивом сознании": оно раздвоено внутри себя самого и все время вынуждено метаться из одного состояния в другое, противоположное. Суть метаний по Гегелю состоит в том, что самосознание "всегда должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же как только оно

возомнит, что оно достигло победы и покоя единства, оно из каждого сознания должно быть снова изгнано" (IY, с. II2). Эта существенная раздвоенность отягощается сознанием недостижимости, "потусторонности" цели (идеала), к которому оно влечется, никогда его не достигая. Гегель красочно описывает "приключения" самосознания на этом этапе его эволюции: оно объективно, как бы "за спиной" для себя влекомо к божественному, потустороннему покою, чувствует его, скорбит, предается отчаянию и тоске, молится на него, ведет аскетическую жизнь, но обретает в наличии "лишь м о г и л у своей жизни" (IY, с. II7).

Метания Раскольникова полностью адекватны такой характеристике. Еще до убийства он семь раз существенно меняет свои намерения. Типичным является неизбежное принятие противоположного решения, как только он укрепился было в одном: "Сам в себе он уже не находил сознательных возражений. Но в последнем случае он просто не верил себе и упрямо, рабски, искал возражений по сторонам и ощупью, как будто кто его принуждал и тянул к этому" (6, с. 58). Характерны для Раскольникова и тоска, и чувство собственного ничтожества, и аскетизм, и нищета (им самим, впрочем, даже не замечаемые), помышления о самоубийстве — все ипостаси несчастного состояния по Гегелю.

Далее, отношение к идеалу является характеристическим моментом переменчивого сознания. В этом последнем, как в цели, оно хотело бы найти успокоения и прочности неизменности, уйти в него от своих метаний. Но эта цель остается чем-то недостижимым: "Эта сущность есть недостижимое п о т у с т о р о н н е е, которое, как только улавливается, ускользает или, лучше сказать, уже ускользнуло" (IY, с. II6). Раскольников тоже хотел бы приобщиться к "наполеоновскому" идеалу: "вошь ли я, как все, или человек?" (6, с. 322). Но, как известно, "убив принцип", он так и не смог переступить роковой черты — "на этой стороне остался" (6, с. 211). Суть дела в том, что по Достоевскому этот темный, "наполеоновский" идеал порожден рассудком и ложен в принципе. Поэтому он обречен. Глубоко в душе Раскольникова скрыт противоположный, светлый идеал, к которому он в конце концов должен прийти.

Гегель старается рационально-спекулятивно обосновать и объяснить малейшие нюансы эволюции самосознания к его потусторонней цели. Важнейшим моментом этого движения является

персонификация цели — идеала.

Сначала по Гегелю противоположное, божественное и неизменное сознание — идеал — выступает для самосознания как чуждая ему сущность, от которой несчастное сознание постоянно отбрасывается назад к началу борьбы. Но далее в эволюции самосознания наступает момент, когда "для него в самом неизменном содержится единичность, так что она есть форма низменного, в которое тем самым переходит весь способ существования" (IY, с. 114). Первоначальное единичное сознание ставится в соотношение с персонифицированным идеалом и тем самым делает шаг в сторону достижения его. По Гегелю эта персонификация рождена самим самосознанием (как субъектом целокупного движения), но как бы "за спиной" его самого в данной отчужденной форме его существования в качестве "несчастливого сознания". Другими словами, персонификация есть его собственная эманация, правда, не осознаваемая сознанием в качестве таковой.

Адекватно гегелевскому описанию, но по-иному обстоят дела у Достоевского. Персонификация нравственного положительного идеала дана в образе Сони. При первой же встрече мать Родиона пронизательно отмечает ее роковую роль в судьбе сына: "Тут-то вот главное-то и сидит..." (6, с. 185). Раскольников сам чувствует, что в Соне "вся его надежда и весь исход" (6, с. 324). Дело в том, что все остальные — и Разумихин, и родные — для него чужие (см. 7, с. 185). Только Соня — своя, т.е. нравственно близка Раскольникову как в плане париев общества ("убийца и блудница" (6, с. 251-252), так и в плане возможности его приобщения к идеалу, возвращения к жизни. Во время исповеди Раскольникова Соня как бы принимает на себя часть его вины (в соответствии с христианской идеей Достоевского о виноватости каждого перед всеми), утешает и направляет его. Аналогично по Гегелю одной из функций исповеди "несчастливого сознания" посреднику, как представителю неизменной сущности, является как раз то, что посредник берет на себя часть вины и "служит своим советом в вопросах правды" (IY, с. 121).

Но на этом аналогия переходу к потустороннему (идеалу) заканчивается. Достоевский существенно по-иному "организует" покаяние Раскольникова. Во-первых, Раскольников убеждается в ложности первоначального, ложного идеала и вовсе не "снижает" его, но порывает с ним. Во-вторых, Соня как посредст-

вующее звено в переходе к идеалу отнюдь не является порождением "самосознания". Напротив, она предстает как с а м о с т о я т е л ь н а я, вовсе не родственная для Раскольникова, "случайная" для него и внешняя жизнь. По происхождению ее образ не зависит от линии жизни и развития героя. Таким образом, Достоевский не просто отказывается от спекулятивного "выведения". Словами Разумихина он осуждает его - ни "арифметика", ни даже "диалектика" (намек на Гегеля!) не выдерживают проверки жизнью: "С одной логикой нельзя через натуру перескочить!" (6, с. 197).

Далее. Соня показана как представитель более сильного, чем у Раскольникова, "ненасытного страдания" (6, с. 243). Поэтому ее с о с т р а д а н и е Раскольникову имеет такую действительную силу, которую он сам в себе найти не может (напомним, что по Достоевскому "сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества" (8, с. 192). В решающий момент объяснения с Соней, когда окончательно возникает вопрос: что делать?, Раскольников изумлен и поражен той силой, с которой Соня Мармеладова подвигает его на покаяние. Сам он все еще колеблется - "несчастное сознание" все еще не покинуло его! Колеблется он до самого конца - так и не решившись, выходит из конторы. Но в этот момент дело решает внешний, в антигегелевском духе! - толчок: "Тут на дворе недалеко от выхода стояла бледная, вся помертвевшая, Соня и дико, дико на него посмотрела" (6, с. 409).

По Гегелю приключения "несчастливого сознания" заканчиваются на этапе его проникновения в первоначально недоступную для него сущность: "Здесь для сознания обнаружилось также его е д и н с т в о с тем всеобщим, которое для нас ... более уже не оказывается вне его и которое... в нем как таковом есть его сущность" (IУ, с. 124). Для Раскольникова обретение идеала растягивается на два этапа. Первый - публичное покаяние и отказ от собственной злой воли (диалектику этого отказа см. по Гегелю: IУ, с. 122), и второй - окончательное приобщение к нравственному идеалу Сони уже на каторге: "Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями?" (6, с. 422).

Анализ подтверждает, таким образом, что в следующих моментах диалектика развития образа Раскольникова противоположна гегелевскому линейному плану эволюции (несмотря на аналогичность отдельных характеристик и этапов-станов):

во-первых, характеристики "несчастливого сознания" и аналогичного художественного образа не рассматриваются как последовательные этапы, но как с т а н ы, сосуществующие в той или иной степени напряженной конфронтации весь период. Развитие состоит в нарастании напряженности, а переход к новой форме сознания обосновывается не рационально, а социально-психологически всем контекстом;

во-вторых, противоположность, которая противостоит первоначальной и опосредует ее развитие, не есть результат эманации единой сущности, или духа, но является абсолютно внешней и даже более самостоятельной по отношению к первоначальному субъекту движения силой (принцип двойственности (плюрализма) против принципа монизма);

в-третьих, развитие по Достоевскому не носит наперед заданного, предначертанного характера. Ход и направление развития зависят от конкретных действий и решений, его необходимость формируется "случающимся" с субъектом развития. Это "случающееся" может изменить развитие и даже прервать его.

Литература и примечания

- ¹ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: В 30 т. - Л.: Наука, 1973. - Т. 6. - С. 422 (далее ссылки на произведения Достоевского даются в тексте по этому изданию с указанием тома, части и страниц).
- ² См.: История философии в СССР. - М., 1968. - Т.3. - С.367.
- ³ Фридлендер Г.М. Достоевский: об итогах и перспективах изучения (вместо предисловия) // Достоевский. Материалы и исследования. - Л.: Наука, 1985. - Вып. 6. - С. 39.
- ⁴ Бачинин В.А. Достоевский и Гегель (К проблеме "разорванного сознания") // Достоевский. Материалы и исследования. - Л.: Наука, 1978. - Вып. 3. - С. 13.
- ⁵ Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа "Преступление и наказание". - Достоевский и его время. - Л.: Наука, 1971. - С. 173.

- 6 Туманова Л.Б. Экзистенциалистские искания Достоевского // Философо-социологические теории личности / Ин-т философии АН СССР. - М., 1969. - Ч. II. - С. 88.
- 7 Карякин Ю.Ф. Указ. соч. - С. 173.
- 8 Бачинин В.А. Цит. соч. - С. 14.
- 9 "Достоевский показал нам жизнь, это верно; но цель его заключалась в том, чтобы обратить наше внимание на загадку духовного бытия и сделать это ясно и без комментариев". (Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. - М., 1967. - Т. IV. - С. 164).
- 10 Основная работа - указ. соч. В.А. Баченина. Фрагментарно тема рассматривается другими исследователями. См., например, Гус М. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. - М.: Худ. лит., 1971. - С. 262.
- 11 Анализ соловьевского "второго абсолютного" см.: Трубецкой Е. Мирозерцание Вл.С. Соловьева. - М.: Изд.автора, Б.г. - Т. I. - С. 302-309.
- 12 Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. - 4-е изд. - М.: Советская Россия, 1979. - С. 33.
- 13 В марксистской философии факт ограниченности диалектики гегелевского типа получил четкое выражение: "Телеологизм гегелевской логики, где результат уже предопределен началом и вся задача сводится к тому, чтобы обосновать этот результат развитием, а само развитие представляется как некий линейный процесс, не допускающий альтернатив, отклонений, где деятельность сводится к реализации некоторого предначертанного плана и т.д., не является атрибутом диалектики как таковой, а связан с отрицательными консервативными чертами идеалистической системы Гегеля". (Швырёв В.С. Анализ научного познания в современной философии науки // Борьба философских направлений в современном естествознании. - М., 1973. - Ч. 1. - С. 155).
- 14 См. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. - Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- 15 Гегель. Система наук, часть первая. Феноменология духа // Соч. - М., 1959. - Т. IV. - С. 112-123. В дальнейшем ссылки на это сочинение даются в тексте.

- I6 Lukacs G. Nachwort // Hegel. Phänomenologie des Geistes. - Frankfurt / M.-Berlin-Wien, 1970. - S. 485.
- I7 Tam xe.

ВЗГЛЯДЫ Г.Е. БЛАГОСВЕТЛОВА НА РЕВОЛЮЦИЮ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Т.И. Гражданова

40-60-е годы XIX века – время зарождения и складывания революционно-демократического мировоззрения. В.И. Ленин подчеркивал, что "примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века передовая мысль России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории..."¹. Данный процесс включал в себя усилия многих мыслителей и активных деятелей освободительной борьбы в России. Не остался в стороне от него и редактор "Русского слова" Г.Е. Благосветлов.

Изучение публицистического наследия Благосветлова, видного деятеля освободительного движения 60-х гг. XIX века, дает возможность, во-первых, выявить эволюцию его воззрений по данному вопросу, а во-вторых, определить характер и степень идейного влияния на него, с одной стороны, западно-европейских политических учений, а с другой – вождей революционной демократии и в первую очередь А.И. Герцена.

Значительное место в его творчестве занимает знакомство русского читателя с западно-европейскими учениями. Оуэн и Кольбер, Маколей и Токвиль, Тюрго и Монтанелли, Бокль и Милль стали объектом пристального интереса Благосветлова. И дело не только в пропаганде взглядов названных мыслителей, но и в том, что опираясь на политический радикализм западно-европейской буржуазной мысли, он формулировал свою собственную политическую программу, в том числе и по отношению к революции, применительно к условиям России. Позиция Благосветлова отчетливо видна из следующего высказывания: "Есть две специальные системы, совершенно противоположные одна другой – англосаксонская и французская. Первая стремится к единству посредством индивидуальных сил, действуя от окружности к центру. Здесь каждая личность – существо деятельное, у каждой воли есть своя собственная сфера. Гармония этой системы определяется нравственным развитием народа и потому воспитание его составляет главное условие общественного про-

пресса... Другая система также образует единство, но действует обратно — от центра к окружности. Здесь частная личность исчезает перед государственной, индивидуальная воля поглощается общественным авторитетом. Сила власти ... опирается на войско, и внутренний порядок поддерживается полицейским строем"².

Анализ статей Г.Е. Благосветлова, написанных в 1859-1860 гг., позволяет определить степень влияния на него А.И. Герцена в решении вопроса о революции.

Герцен, как известно, был сторонником социальной революции. Основоположник теории русского общинного социализма считал, что причиной неудач всех предшествующих революций является неразрешенность ими социальных проблем³. Под влиянием поражения революции 1848 г. в Европе Герцен считал, что политические и религиозные революции исчерпали себя.

В отличие от издателя "Колокола" Благосветлов был приверженцем политической революции, с которой связывал необходимость нравственно-просветительной работы. По мнению Благосветлова, именно политическая свобода являлась важнейшим условием выработки нравственности, гражданственности, общественного сознания⁴.

Выступая в решении вопроса о путях революционного преобразования общества с позиций буржуазного демократа, Благосветлов выдвигал на первый план задачу политического освобождения, без которого невозможно изменение социального порядка⁵.

Одним из наиболее сложных вопросов общественно-политического развития России был вопрос о наличии необходимых условий для осуществления революционных преобразований. Материальную силу социальной революции в России Герцен видел в сельской общине и природной склонности крестьянства к решению экономических вопросов. Герцен пришел к выводу, что русский народ "своим бытом был ближе всех европейских народов к новому социальному устройству"⁶, т.е. к успешному осуществлению социальной революции и созданию общества равноправных тружеников.

Для политической революции Герцен не видел идеологических оснований. Одна из главных причин неподготовленности к ней России, по его мнению, состояла в идейной незрелости масс, в отсутствии у них политических интересов. "Никакие чисто политические задачи не могли привести русский народ к восстанию..., — писал А.И. Герцен. — Общественные социальные

задачи найдут большой отклик у русского народа, так как, без сомнения, понятия свободы или либеральные идеи в России развиваются за пределами народного сознания"⁷.

Не разделяя взгляды Герцена на особый путь развития революции в России, Благосветлов в то же время был солидарен с ним в решении вопроса об отсутствии необходимых условий для осуществления политической революции в России в 50-е годы XIX века. В статье "Значение Парижского университета" он писал, что любые попытки осуществления прогрессивных преобразований, насильственные или мирные, обречены на провал, если у народа нет внутреннего сознания. "Недостаточно провозгласить великие истины, необходимо иметь способность принять их"⁸.

Благосветлов не идеализировал народные массы. Для него народ – антисоциальная сила, к сожалению, не способная к самостоятельной активной, сознательной деятельности. Более того, народ, по мнению Благосветлова, в силу своего монархизма являлся "слепым орудием" в руках "посторонней власти"⁹. Этим можно объяснить неразрешенность в статьях Благосветлова, напечатанных в "Русском слове" в 1859–1860 гг., крестьянского вопроса, имевшего огромное значение для развития революционного движения в России.

Слабые стороны воззрения Благосветлова по крестьянскому вопросу были отражением объективного состояния крестьянской идеологии. В.И. Ленин писал о том, что стихийные крестьянские бунты не были освещены "никаким политическим сознанием"¹⁰.

Разделяя мнение Герцена по вопросу об идеологической неподготовленности политической революции, Благосветлов, однако, не собирался в принципе изменять своей концепции. Напротив, утверждая, что для успешного осуществления политических преобразований народ должен уметь управлять собой, Благосветлов определял единственно возможный, с его точки зрения, путь достижения этой цели – "возвратить народу его здравый смысл, поднять общий уровень умственного образования и нравственного достоинства нации"¹¹.

Итак, важнейшая задача, стоящая перед демократической интеллигенцией, виделась Благосветлову в подготовке политической армии будущей революции. В статье "Надежды Италии" он утверждал, что "нетерпимость к политическим убеждениям" зависела от "гражданской невоспитанности" народных масс¹². То есть политическое просвещение, воспитание гражданских

чувств, с точки зрения Благосветлова, должно было предшествовать революции.

Но, с другой стороны, Благосветлов отмечал, что гражданская личность вырабатывается с развитием коммунальных начал, то есть когда государство опирается на "народный дух", вырастает из его недр¹³. В данном случае важнейшим условием воспитания общественного сознания Благосветлов считал наличие определенных политических предпосылок, которые могут быть обеспечены лишь в результате изменений в общественной и государственной организации, равнозначных революции.

Возникает вопрос: должно ли воспитание "политического чутья", гражданственности предшествовать революции или же быть ее следствием? У Благосветлова нет однозначного ответа на этот вопрос, что свидетельствует о недостаточной разработанности, а порой и противоречивости его концепции революции.

Наибольшее внимание исследователей привлек к себе вопрос о влиянии Герцена на Благосветлова в постановке и решении проблемы, связанной с выбором пути осуществления революционных преобразований.

Являясь сторонником социальной концепции революции, Герцен считал, что при ее проведении предпочтительнее мирный путь, в то время как успех политической революции мог быть достигнут только насильственным путем. Так как крестьянство, по мнению Герцена, не доросло до сознательной борьбы против самодержавия, то предпочтение отдавалось социальной революции, осуществленной мирными средствами, хотя не отрицался и насильственный путь, как крайняя решительная мера.

"Крещение кровью, — писал Герцен, — великое дело, но мы не разделяем свирепой веры, что всякое освобождение, всякий успех должен непременно пройти через него"¹⁴.

В период наибольших либеральных колебаний Герцен признавал возможным освобождение крестьян сверху, путем "самодержавной революции", но для него подобный мирный путь развития революции был не сделкой с царизмом, а использованием его затруднительного положения в период "кризиса верхов"¹⁵.

В решении вопроса о праве народа на революционное насилие Благосветлов был близок к Герцену. Но, в отличие от издателя "Колокола", он считал возможным осуществление мирным путем и политической революции. Не случаен его интерес, как отмечалось ранее, к реформаторской деятельности Тюрго и Кольбера.

Скорее всего симпатии Благосветлова были на стороне мирных преобразований¹⁶. Высоко оценивая деятельность Турготова, Благосветлов особо подчеркивал, что благодаря уму и твердой воле мыслителя-министра "без потрясений и крови совершилась величайшая реформа"¹⁷.

И все же Благосветлов полностью не отменял возможности осуществления революции посредством насилия¹⁸.

Солидаризируясь с Герценом в том, что для России более приемлем мирный путь революционных преобразований, Благосветлов признавал право народа на революционное насилие. Но неподготовленные политические революции он расценивал отрицательно, видя в них причины наступления безудержной внутренней реакции¹⁹. В этом, несомненно, проявилось влияние Герцена, тяжело пережившего поражение революции 1848 года в Европе.

Хотя в своих статьях Благосветлов не высказывал отношения к герценовской теории русского общинного социализма, он выступал против всех форм эксплуатации и угнетения, ратуя за эмансипацию личности от крепостнических пут и стеснений.

В отличие от Герцена Благосветлов не сумел выработать четкого теоретического обоснования революционных преобразований в России. Его общественно-политические воззрения носили более расплывчатый и ограниченный характер. Работам Благосветлова 1859–1860 гг. свойственна определенная незрелость, что во многом объяснялось отсутствием у него опыта политической борьбы. Но некоторая ограниченность взглядов Благосветлова не ставит под сомнение демократической сущности убеждений будущего редактора "Русского слова". К началу 60-х годов XIX в. Благосветлов являл собой типичную фигуру демократа-просветителя в ленинском понимании этого слова.

Со второй половины 1861 г. перед революционной демократией стояла сложнейшая задача – найти путь к сознанию народа, что должно было обеспечить успех пропаганды крестьянской революции²⁰.

В периоды наиболее активных выступлений крестьянства, вызванных грабительским характером крестьянской реформы 1861 г., Благосветлов, вслед за Герценом и Чернышевским, признает необходимость насильственного разрешения крестьянского вопроса. В февральской книжке "Русского слова" за 1862 г., используя американский материал, Благосветлов поднимает вопрос о справедливых революционных войнах. Считая войну величайшим несчастьем, сожалея о том, что человечество

не смогло найти пути к разрешению международных вопросов не кулаком, а разумом, Благосветлов с позиций революционного демократа приветствует войны, характеризующиеся не "купеческим расчетом, а человеческой справедливостью"²¹.

Защищая право человека на личную свободу, Благосветлов оправдывал революционные войны (читай – революции – Т.Г.), несущие избавление от рабства. Видя в войнах непереносимое зло "по своим материальным последствиям", Благосветлов признавал в них "орудие охранения и пропаганды справедливейших и благороднейших убеждений человечества"²².

Публицистическую деятельность Благосветлова конца 1861 – начала 1862 гг. с полным основанием можно рассматривать как революционно-демократическое просветительство, несущее в себе заряд антикрепостнических, антимонархических, антиклерикальных идей.

Эволюция воззрений Благосветлова от демократического к революционно-демократическому просветительству происходила в условиях нарастания освободительного движения в России с 1861 г., явившегося вершиной общенационального политического кризиса, до середины 1862 г., когда в стране сохранялась напряженная политическая обстановка. Со второй половины 1862 г. начался нисходящий этап политического кризиса. Волна революционно-демократического натиска была отбита и самодержавие перешло в наступление, нанеся в 1862 г. своими репрессивными акциями сильнейший удар по русскому революционному лагерю. Надежда революционной демократии на подъем крестьянского движения, способный вылиться в военно-крестьянскую революцию летом 1863 г., не оправдалась. К 1863 г. революционная ситуация исчерпала себя²³.

В этих условиях прогрессивные силы общества оказались перед необходимостью изменения тактики борьбы с самодержавием.

Как пишет Ш.М. Левин, "главное и наиболее характерное для наступившей полосы заключалось в упадке среди известной части демократической интеллигенции веры в массовое движение, в народную революцию, с чем связано было временное распространение ошибочных, утопических теорий и планов достижения лучшего будущего без революции или без решающего участия в революции народа"²⁴.

1863 год – год спада революционного движения в России – становится для Благосветлова поворотным в решении вопроса о "насилованной" революции. В статье "Историческая школа

Бокля" Благосветлов говорит о революции как о средстве уничтожения зла в самом источнике, что, с его точки зрения, было явлением благотворным. Но здесь же редактор "Русского слова" в сравнительной оценке "местных взрывов" и революции вслед за Боклем явно склоняется к мирно-просветительской концепции, отказывая местным выступлениям в прогрессивном характере²⁵. Возможно, что такой подход был следствием разочарования в стихийных и неорганизованных крестьянских бунтах, вызванных крепостнической реформой 19 февраля 1861 г.

Продолжая на страницах журнала борьбу с крепостным правом и его остатками, редактор "Русского слова" предлагает искать легальные пути установления мирных, разумных отношений между помещиками и крестьянами. Такая возможность, по мнению Благосветлова, представилась бы в случае привлечения крестьянства к деятельности "мировых учреждений".²⁶

Видя в крепостном праве явление, способное заразить весь общественный организм, пагубно отразиться на всех отправлениях государственной и социальной жизни, Благосветлов пришел к выводу, что ликвидация его последствий — не единовременный акт, а потому она требует больших усилий со стороны всего общества. С этой целью, как считал Благосветлов, "надо отбросить излишние взаимные антипатии, сойтись ближе людям, разьединенным историческими перегородками, узнать лучше друг друга и примириться друг с другом"²⁷.

Так писал Благосветлов в январе 1864 г. Продолжая свою мысль, он утверждал: "В этом отношении сближение с народом становится для нас не пустой фразой славянофилов и почвенников, а практическим делом"²⁸.

Пути сближения Благосветлов видел в общественной деятельности и образовании. В данном случае речь идет о гражданском воспитании народа как важнейшем условии социального прогресса. Эти мысли, естественно, вытекали из его просветительской программы преобразования общества.

Бесспорно, что проповедуя классовый мир на благо всего общества и как средство ликвидации последствий крепостного права, Благосветлов стоял на позициях буржуазно-демократического просветительства. Характеризуя эту черту просветительства, В.И. Ленин писал, что просветители, защищая крестьянские нужды, вместе с тем "не выделяли как предмет своего особенного внимания ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже о нации вообще"²⁹.

Не выходил Благосветлов за рамки буржуазно-демократиче-

ского просветительства и в решении вопросов политического устройства общества. Он выделял как важнейшее средство достижения прогрессивной формы правления социальное и умственное развитие народа, то есть вопросы политического переустройства редактор "Русского слова" непосредственно связывал с вопросами социально-политического воспитания масс.

Значит ли это, что Благосветлов отказывался от революционных методов борьбы за власть?

Нет. Постановка Благосветловым вопроса о гражданском воспитании масс имела подчиненное значение в решении главного вопроса — о подготовке и свершении политической революции, так как без завоевания политической свободы Благосветлов не мыслил возможности социального освобождения.

Особого значения проблема воспитания народа как важнейшего фактора преобразования общества приобретает в статьях Благосветлова, написанных в 1863 г. В это время он высказывал мысль о том, что воспитание надо понимать не в узком, филистерском духе, а в "самом широком и гуманном смысле — как изменение всех тех общественных условий, которые доселе мешали умственному и нравственному развитию массы"³⁰.

Борьба за образование народных масс неразрывно связывалась с борьбой против реакционного государственного строя, против пережитков крепостничества, отсутствия политических и экономических прав. Сама постановка вопроса о народном воспитании носила в данном случае революционно-демократический характер, так как отстаивала необходимость создания общественных условий, которые открывали бы широкий простор для развития народной жизни.

Благосветлов уже не относит себя к разряду мечтателей, которые думают, что всю общественную жизнь, всю систему ее нравов и политических начал можно перестроить с помощью только образования. Благосветлов приходит к выводу, что не так важна сама по себе образованность народа, сколько то, как он сумеет распорядиться ею для практических целей.

Благосветлов не приписывает образованию всеобъемлющего влияния и такой силы, какой оно на самом деле не имело. "Образование хорошо действует и приносит огромную пользу там, — отмечал Благосветлов, — где и другие социальные условия не худы. А какие это условия и как они добываются народом? Это вопрос вовсе не хитрый"³¹.

В 1863 г. Благосветлов пришел к очень важному выводу, свидетельствующему о его приближении к правильному пониманию

роли революционной борьбы в социально-политическом воспитании народа. Он писал: "... в истории всякого народа можно найти эпохи, в которые он развивался под влиянием тех или других политических причин, помимо процесса его образования, достигая сравнительно высших фаз социального развития"³².

Так, в подцензурном издании Благосветлов выражал некоторую надежду на крестьянскую революцию, которая ожидалась весной-летом 1863 г. Но, как известно, эта надежда не оправдалась.

В связи с этим, как уже отмечалось, перед революционной демократией возникла необходимость осмыслить исторические уроки периода первой революционной ситуации. В свете их осмысления происходит переоценка взглядов, поиски новых путей, более действенной тактики борьбы при сохранении прежнего революционно-демократического идеала³³.

Выясняя причины неудачи первого демократического натиска на самодержавие, публицисты "Русского слова", солидаризируясь с идеями Д.И. Писарева, приходят к выводу о первостепенной важности естественно-научного и социально-экономического воспитания общества. Основные надежды они возлагали на "новых людей" — демократическую интеллигенцию, которая должна была подготовить почву для коренного изменения действительности. Такие надежды объяснялись разочарованием в народе, в его способности к революционному действию.

Таким образом, есть основания говорить о том, что с 1863 г. начинается постепенный переход Благосветлова к мирно-просветительским воззрениям при выборе средств преобразования общества. Об этом свидетельствует и материал "Домашней летописи" за март 1863 г., хранящийся в ЦГИА СССР.

Благосветлов высоко оценивал политический строй Англии, дающий народу такие права как "право сопротивления, право собраний, и право прошений"³⁴. Более того, особое внимание Благосветлов обращает на то, что английская конституция допускала даже право вооруженного сопротивления граждан, в случае нарушения правительством их прав. Благосветлов квалифицирует это дозволенное законом сопротивление как революцию.

Пример Англии дал Благосветлову основание говорить о возможности предотвращения народного взрыва, революционного выступления. Залогом этому служат конституционные права, охраняющие интересы народа, разрешенные законом легальные средства борьбы за их выполнение. Среди таких средств на

первом месте у Благосветлова стоит свободная печать³⁵.

Пытаясь найти приемлемые для новой обстановки пути борьбы за демократические преобразования общества, Благосветлов приходит к "надклассовому буржуазному демократизму".

Подобная непоследовательность, колебания Благосветлова в решении вопроса о путях социально-политических преобразований в России говорят о недостаточной разработанности этих проблем редактором "Русского слова". Но это не умаляет заслуги Благосветлова перед демократическим движением в России 50-60-х гг. XIX века.

Памятуя об известном высказывании В.И. Ленина о том, что слово тоже есть дело, публицистические выступления Г.Е. Благосветлова в конце 50-х-начале 60-х годов можно расценивать как определенную форму идеологической подготовки ниспровержения существующего тогда самодержавно-крепостнического строя. В этом процессе народу вначале принадлежала пассивная роль воспитуемого. Но по мере политического созревания массы должны были приобретать все большую активность и значимость, превратившись в конечном счете в решающую силу революционных преобразований. Жизнь прокорректировала демократически-просветительскую программу Благосветлова, и в обстановке правительственной реакции, наступившей после того, как первая революционная ситуация исчерпала себя, он обращает свои взоры, вслед за Д.И. Писаревым, на "мыслящих реалистов" как на людей, способных всколыхнуть народ. В этом просматриваются зачаточные элементы народнической идеологии.

Литература и примечания

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 41. - С. 8.
- ² Благосветлов Г.Е. Соч. - Спб., 1882. - С. 480.
- ³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. - М., 1954-1964. - Т. 4. - С. 59, 235.
- ⁴ Русское слово. - 1860. - № 2. - Отд. I. - С. 48.
- ⁵ Русское слово. - 1860. - № 2. - Отд. I. - С. 85. - Ср.: Блюм Р.Н. Проблема революции в русской общественной мысли 60-х годов XIX в. // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1979. - Вып. 465. - С. 134.

- 6 Герцен А.И. Указ. соч. - Т. 12. - С. 187.
- 7 Там же. - С. 74.
- 8 Русское слово. - 1859. - № 1. - Отд. I. - С. 40-41.
- 9 Русское слово. - 1859. - № 5. - Отд. I. - С. 331.
- 10 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 20. - С. 174.
- 11 Благосветлов Г.Е. Соч. - Спб., 1882. - С. 171.
- 12 Русское слово. - 1859. - № 5. - Отд. I. - С. 331.
- 13 Русское слово. - 1860. - № 6. - Отд. II. - С. 6.
- 14 См.: Герцен А.И. Указ. соч. - Т. 12. - С. 84.
- 15 Порох И.В. А.И. Герцен - основатель теории "русского социализма" // Идеи социализма в русской классической литературе. - Л., 1969. - С. 167.
- 16 Русское слово. - 1859. - № 5. - Отд. I. - С. 347.
- 17 Русское слово. - 1860. - № 4. - Отд. I. - С. 259.
- 18 Там же. - С. 102.
- 19 Русское слово. - 1859. - № 3. - Отд. I. - С. 194.
- 20 См.: Чернышевский Н.Г. Не начало ли перемены? // Полн. собр. соч.: В 16 т. - М., 1950. - Т. 7. - С. 855-889; Герцен А.И. Мясо освобождения // Колокол. - 1862. - № 121, 1 февр. - С. 1005.
- 21 Русское слово. - 1862. - № 2. - Отд. II. - С. 5.
- 22 Русское слово. - 1861. - № 8. - Отд. II. - С. 4.
- 23 Ленин В.И. и русская общественно-политическая мысль XIX - начала XX века. - Л., 1969. - С. 71.
- 24 Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-е годы XIX в. - М., 1958. - С. 239.
- 25 Русское слово. - 1863. - № 3. - Отд. II. - С. 20.
- 26 Русское слово. - 1862. - № 1. - Отд. III. - С. 15. - Ср.: Колокол. - 1858. - № 14, 1 мая. - С. 110.
- 27 Русское слово. - 1864. - № 1. - Отд. III. - С. 52.
- 28 Русское слово. - 1864. - № 1. - Отд. III. - С. 52.
- 29 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 2. - С. 541.
- 30 Благосветлов Г.Е. Соч. - С. 66.

- 31 Русское слово. - 1863. - № 3. - Отд. II. - С. 17.
- 32 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 26, д. 84, л. 3.
- 33 В этой связи нельзя не упомянуть о "расколе в нигилистах", отражавшем своеобразие развития русской революционно-демократической мысли в пореформенный период. См.: Козьмин Б.П. Раскол в нигилистах: эпизод из истории революционной мысли в России // Избранные труды. - М., 1961. - С. 20-67; Рейфман П.С. "Современник" и "Русское слово" перед "расколом в нигилистах" // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1970. - Вып. 251. - С. 46-62; Кузнецов Ф.Ф. Нигилисты? Д.И. Писарев и журнал "Русское слово". - М., 1963. - С. 423-467.
- 34 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 26, д. 84, л. 1.
- 35 Там же.

К ВОСПРИЯТИЮ ФИЛОСОФИИ В. ДИЛЬТЕЯ В РОССИИ

А. Тооль

Развитие философской мысли в России в XIX в. находилось в тесной связи с философской жизнью в Германии. Там внимательно следили за состоянием эволюции философии. Не осталась незамеченной и первая значительная работа В. Дильтея "Жизнь Шлейермахера", опубликованная в 1870 году. Уже в первом номере "Вестника Европы" за 1871 г. помещен обзор книги под названием "Детство и молодость Шлейермахера" (Автор Н. М. Стасюлевич).

Сам Дильтей как философ был впервые, видимо, русской публике представлен в таких переводных изданиях как, например, "История новой философии в сжатом очерке" Ибервега-Гейнце (на рус. яз. в 1880 г.). Сказанное там о нем воспроизводится и в коротких статьях о философе в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона и в Большой энциклопедии под редакцией Южкова. Редактором по философии в первом из названных был Владимир Соловьев, во втором — П. Ф. Каптерев. Во всех этих изданиях В. Дильтей характеризуется как философ, отвергающий метафизическое обоснование научного познания и логическую связь мира как идеал метафизики.

Стороны учения Дильтея, которые привлекали большое внимание русских философов, следующие: критика метафизики, учение о сущности философии, учение о мировоззрении, классификация наук и разработка философских оснований "наук о духе", программа построения новой психологии и трактовка им вопроса о реальности внешнего мира.

В качестве противника метафизики Дильтей заинтересовал и православного философа Алексея Введенского. А. И. Введенский, русский богослов и философ, был в 1890 г. после защиты диссертации магистра богословия командирован за границу. Зимний семестр 1890 учебного года он провел в Берлинском университете и прослушал там ряд лекций по философии. О своих впечатлениях он пишет в книге "Современное состояние философии в Германии и Франции", вышедшей в 1894 г. в Сергиевом Посаде.

В качестве характерной черты современной философии в Германии А.И. Введенский отмечает то, что на первое место среди философских дисциплин там выдвигается теория познания. А самым интересным явлением в этой области Введенский считает течение, которое он именует релятивизмом. Раздел о теории познания в книге Введенского посвящен рассмотрению именно "релятивизма", в качестве представителей которого он называет Дильтея и Гизицкого (Gizycki). О последнем Введенский пишет, что изложенное в его лекциях во всех существенных пунктах совпадает с концепцией Дильтея, опираясь на которую автор и стремится характеризовать современный немецкий релятивизм.

Преимущественное занятие гносеологической проблематикой оценивается Введенским как кризис современной философии. Он считает современный период философской жизни в Германии тем, по его мнению, исторически повторяющимся фазисом в развитии философии, когда "вопросы собственно философские, философские по преимуществу, т.е. вопросы метафизики, отступают на второй план, именно как бы забываются"².

Приступая к характеристике релятивизма, Введенский представляет основной тезис релятивизма следующим образом: "Мы знаем только явления и ... поэтому все наше знание относительно. Эта относительность понимается в тройном смысле: субъективном, объективном и историческом"² (с. 104). Субъективная относительность означает здесь то, что "все элементы знания обусловлены нашей субъективной организацией и вообще субъективным отношением к познаваемой действительности..." (с. 104). Объективной относительностью именуется обстоятельство, что "всякое суждение о существовании или свойствах того или другого предмета определяется теперь пониманием его отношений к другим предметам, с которыми он связан по бытию и свойствам. Этим законом объективной относительности явлений уже априори исключаются все метафизические замыслы доискиваться сути вещей. В самом деле, так как составные части данного внешнего мира ... со стороны их внутренней связи совершенно непонятны и связаны лишь законом внешней соотносительности: то от познания объективной сущности уже заранее приходится отказаться, удовольствовавшись изучением системы вещей и явлений и определением их относительного места в системе опыта, каковое отношение затем наука и стремится выразить в математико-механических законах и формулах" (с. 105). Под исторической относительностью имеется в виду,

что "душевная и умственная жизнь изменяется, как историческая и культурная жизнь человечества". "Вместе с изменением настроения эпохи и отдельных мыслителей меняется и характер философских идей и философских систем" (с. 106).

В дальнейшем ходе изложения Введенский реферирует решения отдельных проблем "релятивистским" направлением. Это проблемы реальности внешнего мира, познаваемости мира, о сущности пространства и времени, о природе категорий и законов мышления. О релятивистской трактовке природы категории он пишет: "Тогда как представители рационалистического реализма (т.е. гегелянства - А.Т.), различаясь между собой в определении числа категорий, все согласны в признании за ними значения как субъективно необходимых и универсальных понятий, так и объективно-реальных мировых связей, - представители релятивизма обнаруживают не меньшее единомыслие в отрицании за ними и того и другого значения. В их учении о категориях довольно ясно и недвусмысленно выступает скептико-позитивистическая тенденция, под влиянием которой они хотят приравнять категориальные понятия к обыкновенным, образуемым нами по общелогическим началам и нормам, понятиям" (с. 126). Но в то же время Введенский оговаривает: "Проследившая предлагаемое релятивизмом решение отдельных теоретико-познавательных проблем, не трудно заметить ту черту, которая сближает его с рационализмом, несмотря на глубокое отличие от него, и в то же время отличает его самым существенным образом от позитивизма, к которому, как мы не раз замечали, в общем он обнаруживает тяготение. Это - признание синтетической или организаторской функции сознания для объяснения выработки как руководящих идей, так и всего вообще знания из опытного материала. Природа этой функции выражается в так называемых законах мышления" (с. 134).

Наиболее существенным в релятивизме для Введенского является критика метафизики, данная на основе вышеизложенного принципа относительности. "Метафизика хочет объяснить объективную действительность, но вместо такого объяснения просто переносит на нее черты из субъективной жизни человеческого духа, т.е. в самой постановке дела отрицает ту задачу, за которую берется, - задачу объяснить действительность как именно объективную, отличную от нашего духа, внешнюю ему: вот ее исторический грех, по истолкованию представителей современного философского релятивизма, и вот что именно заставляет их чуждаться метафизики, как совершенно бесплодного

qui pro quo" (с. 140). Оценивая эти рассуждения, Введенский отмечает, что "диагноз поставлен с верностью и глубиной, достойными прославленного своей проницательностью немецкого ума" (с. 140). Затем продолжает: "Но вот важный вопрос: не имеет ли Метафизика какого-нибудь права делать такую постановку субъективной действительности в объективную, т.е. истолковывать эту последнюю аналогически и не вынуждена ли она проходить именно этим путем? Ведь если она предъявит свои права на это и с другой стороны докажет, что у ней нет никаких других путей к истолкованию действительности, а отказаться от такого истолкования она не может, — тогда то, что теперь становится ей в вину, будет признано с ее стороны заслугой" (с. 140). "Конечно, он (релятивизм) может сказать, что Метафизика доселе не доказала этого своего права. Но может быть она докажет? Или здесь принципиальная невозможность?" (с. 141).

А.И. Введенский считает, что в решении этого вопроса именно русская мысль имеет существенные преимущества. По его мнению, "новое" гносеологическое начало ей следует искать "в том же самом принципе жизни, который заложен в основе нашего религиозно-бытового строя, которым движется и создается вся наша история, — словом, в традиции..." (с. XXX-XXXI). "... принцип традиции, или соборности сознания должен быть признан основным гносеологическим принципом русской философии. Возводя этот принцип в верховное начало знания, русское мышление высказывает этим двоякое убеждение, — как бы исповедует два члена своего философского символа: во-первых, признает, что истина открывается не единоличным усилиям, не индивидуальному уму, но совокупным усилиям, — общению в истине всех или, по крайней мере, многих, во-вторых, что разумение истины и самая степень разумения зависят от нашей жизни, которой обусловлена наша взаимность, в свою очередь обуславливающая возможность единодушной и согласной коллективной работы над разрешением единой философской задачи" (с. XXXI) "... в ответ на возражение релятивистов теперь можно сказать, что, истолковывая вселенную в терминах своей психической жизни, своего сознания, мы поступаем не произвольно и не безцельно "удваем свою субъективность", но лишь констатируем присутствие в ней подлинной жизни, которая теперь нам открылась, благодаря расширенным и углубленным способам разумения — по принципу — "подобное познается подобным" в коллективном разуме множество точек зрения, мно-

жество ступеней понимания; скала, или регистр нашей познающей способности, так сказать, расширяется, вследствие чего каждая форма универсальной жизни находит себе теперь, по сродству и созвучию, сродный орган восприятия, и орган познания оказывается вполне соизмеримым или адекватным с познаваемой действительностью" (с. XXXII).

Возвращаясь к Дильтею, следует отметить, что наряду с выявленным скептико-позитивистским отношением к метафизике Введенский усматривает у него и определенные уступки последнему. "... релятивизм, несмотря на свое предубеждение против всякой метафизики, все же как бы невольно становится под влияние модной современной философии волюнтаризма. Волюнтаристская тенденция релятивизма вообще сказывается довольно заметно и осязательно, но всего яснее она выступает в решении важнейшей гносеологической проблемы, — проблемы о реальности внешнего мира ..." (с. II0).

Излагая предложенное Дильтеем решение этой проблемы, Введенский приводит его слова из опубликованной в анналах Прусской Академии наук в 1890 году статьи Дильтея "Приложение к решению вопроса о происхождении нашей веры в реальность внешнего мира и в ее законность": "Я объясняю веру во внешний мир не из мыслимой, а из жизненно-практической связи нашей с миром, данной во влечении, воле, чувстве, каковая связь затем посредствуется процессами, имеющими свои эквиваленты в процессах мысли" (с. II2). Дильтею исходит из тезиса феноменальности (*der Satz der Phänomenalität*): "все существует только для сознания и весь безконечный мир построен из наших ощущений..." (с. III). В силу этого и познающий субъект и познаваемые предметы лежат в пределах одного и того же сознания. Разделение "я" и "не-я" проистекает из переживания противодействия нашим импульсам воли. Именно через это воздействие на нашу волю в нас присутствует внешняя сила как самостоятельный объект.

Оценивая данную концепцию, Введенский пишет: "Дильтею повсюду подчеркивает, — и в этом главная своеобразность и, по нашему мнению, важное преимущество его теории, — волюнтаристический элемент в выводных процессах". (с. II5). По словам Введенского несколько уменьшает заслугу Дильтея то, что эту теорию нельзя считать вполне оригинальной. Идея, лежащая в ее основе, пишет Введенский, была сперва высказана в французской (де Траси, Мен де Биран), а затем и в английской философии (Спенсер), "но для немцев она нова и заслуга

Дильтея состоит в том, что он ввел ее в их философское сознание". (с. II9).

Именно из развития отмеченных не только у Дильтея волюнтаристских тенденций Введенский ожидает будущего преобразования немецкой философии и ее выхода из современного кризиса. Истоки этого нового понимания философии восходят, по Введенскому, еще к философии Канта. "Наш дух есть "законодатель и разгадка природы, а разгадка и существо духа — нравственная воля, следовательно, изучение законов нравственной воли есть ключ к постижению истинной действительности": вот подлинное, и, как не трудно видеть, весьма плодотворное зерно положительной Кантовской философии. Это тоже волюнтаризм, но волюнтаризм не Шопенгауеровский, а другой, лучший, преобразованный: здесь также воля признается главным фактором нашего истолкования действительности, но воля, насыщенная чувством (в его различных формах и оттенках) и просветленная органически связанным с ним пониманием" (с. I69).

Введенский высказывает пожелание, "что "философия будущего" в Германии, оставив пустое и бесплодное логизирование, которым она так часто и так много грешила доселе, пойдет, наконец, в том плодотворном направлении, в котором она явится, говоря словами Канта, "учителем идеала", источником жизненной мудрости, "законодателем человеческого разума", так как станет заботиться лишь о том, что "необходимо интересует каждого" (с. I85). Введенский называет этот преобразованный волюнтаризм аксиологией или тимологией и считает, что особенно плодотворно эта дисциплина может быть развита в русской философии.

Как уже указывалось, изложение концепции "релятивизма" Введенский дает в основном опираясь на курс лекций Дильтея. Внимание Введенского привлекал не столько сам Дильтей, сколько то направление, характерным представителем которого он, по мнению Введенского, являлся. И это характерно для восприятия Дильтея в России вообще. Его не считали философom, заслуживающим самостоятельного рассмотрения, и его имя вообще очень редко и в совершенно случайной связи появляется на страницах русских философских изданий.

Несколько чаще оно будет встречаться уже после смерти мыслителя (Дильтей умер в 1911 г.). Более содержательной по сравнению с прежними является и статья о нем Н.Н. Ланге (известного психолога, профессора философии в Одесском университете) в Энциклопедическом словаре братьев Гранатов. А в журнале "Логос" в первых двух книгах за 1912-1913 гг. поме-

цена переводная статья ученика Дильтея М. Фришвайзена-Келера "Вильгельм Дильтей как философ", где дается наиболее полное представление о его философском пути в России за рассматриваемый период. В этих публикациях о Дильтее его характеристика не сводится лишь к сообщению о том, что он отвергает и против чего борется, как это было до сих пор, а дается и то, что он утверждает.

В "Логосе" был опубликован и некролог мыслителя, в котором выявляется характерное для русской редакции этого журнала отношение к Дильтею. "Выраженный противник метафизики, с одной стороны, интеллектуалистического абстракционизма, с другой стороны, он видел действительный критерий познания в конкретном фактическом переживании, а в основание философии считал нужным положить дескриптивную психологию, предназначенную возможно непредвзятое и безпристрастное описывать непосредственные переживания... Среди современных философов больше всего Дильтей имеет общего с Бергсоном и Гуссерлем, как и они подстилая все свои философствования данными самонаблюдения и психо-феноменологического метода"³.

Об этой стороне философии Дильтея, о его психологизме наиболее определенно высказывался один из редакторов русского издания "Логоса", Б.В. Яковенко. Вот характерное для последнего высказывание на этот счет из его рецензии на "Философский сборник", посвященный Л.М. Лопатину. Рассматривая статью Г.Шпетта "Один путь психологии и куда он ведет", рецензент пишет: "Опираясь высказанно на Дильтея, а не высказанно на Бергсона, Г. Шпетт требует освобождения психологии от логизма в прямую параллель совершающемуся ныне освобождению логики и теории познания от психологизма. Такой уклон в формулировке психологического метода должен быть всячески приветствуем и признан более удачным и правильным, чем слишком нефилософски дескриптивистические рассуждения на эту тему Дильтея... Дело совсем не в том, чтобы философия имела под собою в виде основания дескриптивную психологию, как этого хочет Дильтей..."⁴. Борьбу с психологизмом Яковенко считает одним из основных задач философии. "Нет ничего мудреного, если лучшие силы поглощены логической работой, и в сфере других отделов философии за последнее десятилетие не появилось почти что ничего достопримечательного. Так было и так будет до тех пор, пока проблема психологизма не будет разрешена тем или другим способом. Ибо проблема эта является и исторически (безсознательно) и систематически (сознатель-

но) основной проблемой всей философии"⁵. При этом надо учитывать, что термином "психологизм" Яковенко пользуется в весьма широком значении. "Под психологизмом обычно понимают учение, объявляющее философией или самой психологией, или частью психологии, или, наконец, обосновывающее философские дисциплины на данных психологии... Такое понимание психологизма слишком узко... психологизмом должно быть названо всякое философское учение, придающее сознательно или безсознательно хоть какое-нибудь философское значение психологическим моментам, допускающее их играть хоть какую-либо непосредственную или косвенную роль в своей сфере... Иначе говоря, философия требует для своего независимого осуществления отрицательного феноменологического исследования: освобождения от человеческих иллюзий, человеческих привычек, человеческих предрассудков, освобождения от "человеческого" вообще. Несвобода же от "человеческого" в каком бы то ни было отношении знаменует собой психологизм.

Можно смело сказать, что вся философия — от Сократа и до самого последнего времени — в той или иной мере, в том или ином смысле психологистична и что вместе с тем, с установлением своей самостоятельности она все больше освобождается от психологизма"⁶. "Для современности при этом характернее всего гносеологическое отождествление философии с психологией. Даже у поборников независимой философской мысли⁷ приходится наталкиваться на подведение под нее психологических фундаментов. Данность психических явлений признается в таком случае единственным подлинным исходным пунктом философствования, а непосредственная фактичность психических переживаний выдается за высший критерий объективности и истинности. В глазах философии, сознающей свою внутреннюю самостоятельность, такой психологизм может означать, самое меньше неудачно избранную философскую терминологию (как это зачастую и имеет место у Канта и неокантианцев). В большинстве же случаев в его лице обнаруживается простая неспособность оторваться во всех отношениях от субъективной наличности явлений, преодолеть во всех отношениях привычную пленность чувственностью, чтобы глянуть на них затем орлиным взором свободного разума и прозреть интеллектуальной интуицией сокровенные глубины Бытия"⁸.

Другой раз Дильтей упоминается в этой же статье Яковенко "Что такое философия" вместе с Фризом, Гуссерлем и Риккертом (его "Два пути теории познания") как опять-таки представите-

ля того утонченного психологизма, при котором психологическое исследование полагается отличным от философского как по предмету, так и по методу, но тем не менее считается, что оно "должно служить введением в философское исследование, готовить философскую работу, доставлять философии и ее материал и ее основные элементы"⁹.

В обоих случаях Яковенко ссылается на опубликованную в анналах Берлинской Академии наук в 1894 г. объемистую статью Дильтея "Идеи об описательной и расчленяющей психологии". Это вообще, по-видимому, одна из самых известных в России работ Дильтея. Ссылка на эту статью, кажется, больше всего. В 1922 г. она была опубликована в Москве на русском языке отдельным изданием под заглавием "Описательная психология".

Трактовка Дильтеем психического рассматривалась В.В. Зеньковским в его книге "Проблема психической причинности", изданной в Киеве в 1914 г. В 127-ой книге журнала "Вопросы философии и психологии" помещена рецензия Г.Шпетта на эту книгу. Отношение рецензента к книге Зеньковского весьма критическое, но особенно неудовлетворительной Шпетт считает данную в ней автором характеристику позиции Дильтея.

Интересно отметить, что А.И. Введенский, который на 16 лет раньше статьи Яковенко "О современном состоянии немецкой философии" написал книгу на эту тему, тоже выявил "психологизм" у Дильтея. Он писал о неналичии у релятивистов четких критериев для отличения теории познания от психологии. Но это обстоятельство Введенский попытался использовать как раз в противоположных для Яковенко целях — в целях защиты старой метафизики от нападков со стороны критической гносеологии.

Ф.Степун, другой наряду с Яковенко постоянный автор "Логоса", видит в Дильтее характерного представителя трансцендентализма. В своей статье "Жизнь и творчество", появившейся в 1913 г. в книгах III-IV "Логоса", он пишет: "Есть среди крупных представителей современного трансцендентализма мыслители, как, например, Зиммель и Дильтей, у которых определено наблюдается, если и не теоретически утвержденная, то всю историю их творчества выявленная склонность превратить систематическое положение трансцендентального идеализма, заключающееся... в том, что абсолютное налично для философии лишь в виде формально-объективного момента при конкретной данности культурных благ, в безусловно антифилософ-

скую тенденцию заменить научно-философское раскрытие этих формально-объективных моментов и их организацию в целостный образ философской системы антисистематическим и, так сказать, мирозерцательным погружением философствующего духа в величайшие художественные и религиозные создания человечества. Ясно, что философия трансцендентального идеализма, стремящаяся к объективности и научности, никогда не сможет признать за этою ею же порожденною тенденцией правомерности и философичности. Такое признание было бы самоубийством"¹⁰.

Таким образом, Ф.Штеппун считает дильтейский способ философствования вырастающим из трансцендентального идеализма и в то же время вырождением последнего. Как вообще всякий выход за пределы выявит пределы явления и тем самым очерчивает само явление, так и философия Дильтея как "смерть трансцендентализма" представлена здесь как характерное течение названного направления. Считая этот способ философствования исключаящим объективность и философичность, Ф.Штеппун солидаризуется в своей оценке философии Дильтея с Яковенко.

Отличное от них отношение к Дильтею высказывается С.Франком. В рецензии на книгу К.Эйгеса "Статьи по философии музыки" он пишет: "Но и в теории знания начинается уже оупущаться сознание гносеологической важности явлений живого, "эмоционального" знания. Эта новая точка зрения, некогда намеченная Якоби и Шлейермахером, в современной философии различным образом развивается у Бергсона, у Дильтея (в его теории живого "понимания", *Verstehen* в отличие от отвлеченного постижения, *Begreifen*), в "патэмпиризме" (эмоциональном эмпиризме) Генриха Гомперца и, несмотря на все односторонности и неясности, во всем влиятельном движении прагматизма. Все это, однако, скорее изолированные и несовершенные симптомы поворота в гносеологии, чем действительные осуществление новой задачи"¹¹.

Сочувственно упоминает Дильтея и Л.Шестов в своей статье "Memento mori", посвященной критике Гуссерля. Л.Шестов трагивает в названной статье спор Гуссерля с Дильтеем. Он следующим образом комментирует позицию в нем Гуссерля: "Ноте возражения, которыми он хочет принудить Дильтея отказаться от психологизма, скорей обратно — поощряют психологизм. Ибо если человечество не выразило еще "значимости в себе" и никогда и не выразит, то как же разуму не восстать против самого себя? Или, если разум слишком самолюбив и труслив и не решится сам обличить себя, то неужто в человеческом

существо не найдется такой силы, которая бы поднялась против векового рабства? И не есть ли, не умирающий, несмотря на все гонения и преследования, "психологизм" выражение такого рода возмущения?"¹² Л. Шестов характеризует философию Гуссерля как "пышный рационализм", а рационализм, по его словам, есть продукт непоследовательности мысли. "Иногда человек чувствует, что пока он не проснется от очевидностей, путь к истине ему не откроется ... это предчувствие, по Гуссерлю, есть величайшее грехопадение. За это предчувствие, скромно выраженное Зигвартом, Эрдманом и Дильтеем, Гуссерль так ополчился на современную философию"¹³. "И разве грустные признания Зигварта и Дильтея не суть, в конце-концов, выражение того смутного чувства, которое бывает у сновидца, когда вдруг сонная действительность начинает ему казаться иллюзией и неоправданный анамнезис об иной действительности, которой он был причастен в иной жизни, начинает разрушать "единство сознания" и, вопреки всем очевидностям, властно требовать не укрепления сна, а пробуждения?"¹⁴.

Предостережение от абсолютизации роли разума привлекает к Дильтею и П.С. Ошквичу — русского социал-демократа, впоследствии меньшевика. Рассматривая в своей книге "Мировоззрение и мировоззрения" учение Дильтея о мировоззрении, он приводит его слова: "Мировоззрение — не продукт мышления. Оно возникает не из голой воли к познанию. Концепция действительности представляет важный момент в образовании их, но только один момент. Они проистекают из образа жизни, из жизненного опыта, из структуры нашей психической целокупности"¹⁵. В своем труде Ошквич рассматривает учение многих западных философов. Подытоживая изложения, он пишет: "Между взглядами Ницше, Зиммеля, Джемса, Дильтея нет ... полного согласия. Но их объединяет... то, что все эти мыслители ищут сущность философии не в чистой "воле к познанию", а в области чувства и воли, в сфере эмоционального. И я думаю, что это единственно правильный путь понять проблему философии. Философия (как мирозерцание) совсем не наука, а только науко-образна, и в своем развитии подчиняется поэтому совсем иной закономерности, чем развитие науки. В ней под влиянием факторов, лежащих часто вне поля действия самой философии, а в сфере социальных отношений всплывают периодически те или иные из основных ... мотивов человеческого философствования"¹⁶. Высказанная Ошквичем точка зрения весьма созвучна идеям Дильтея, развитым в его учении о мировоззрении.

Статья Дильтея "Типы мировоззрений и их выражение в метафизических системах" была единственным переводом произведений философа в дооктябрьский период в России. Она издалась в 1912 году в первом номере сборника "Новые идеи в философии". Правда, еще в 1909 г. был издан сборник "Философия в систематическом изложении", содержащий написанную Дильтеем главу "Сущность философии". Но поскольку авторами сборника является целый ряд известных философов, его перевод не свидетельствует об интересе именно к Дильтею.

Названный номер "Новых идей в философии" рецензировался в "Логосе" Г.Гордоном. Он называет статьи Бергсона и Дильтея "большими достоинствами" сборника. "Если статья Бергсона является как бы "логикой" философского творчества, то рассуждения Дильтея можно назвать его "психологией"¹⁷.

Комментируя данную Дильтеем классификацию метафизических систем, Г.Гордон отмечает: "Классификации этой нельзя отказать в ясности, определенности и остроумии, но все же она разделяет общие всем классификациям недостатки: известную растяжимость и в то же время узость.

Кроме того, именно в силу самим же Дильтеем указанных свойств мировоззрения отдельные философские системы (Лейбниц, например, или Декарт) захватывают две области, и это обстоятельство в известной степени обесценивает самую классификацию. Но все-таки статья Дильтея остается интересной попыткой психолого-исторического освещения проблемы философии и философского творчества, и мы рекомендуем познакомиться с нею всякому, кто хочет ввести себя в начала философии"¹⁸.

Однако на первое место в оценках деятельности Дильтея, в обзорных публикациях о нем этого периода выдвигается разработка им основоположений наук о духе¹⁹. Вот характерная выдержка из некролога: "В лице умершего минувшей осенью Вильгельма Дильтея сошел в могилу один из характерных представителей современности, один из ярких бойцов за независимость так называемых наук о духе, в своем главном произведении "Einleitung in die Geisteswissenschaften" задавший целью осуществить "Критику исторического разума"²⁰. Гносеологическая проблематика разрабатывалась Дильтеем именно с целью обоснования наук о духе. Об этом пишет Н.Н. Ланге: "Науки о духе, однако, не могут быть обоснованы на метафизике, всегда впадающей во внутренние противоречия и антиномии. Не могут быть они обоснованы и на кантовской теории

априорных форм познания, ибо эти формы подлежат эволюции в процессе исторического развития. В основу своей теории познания Дильтей кладет волю, переживаемую в действиях и противодействиях, т.е. строит волюнтарную гносеологию, в частности, науку о духе²¹.

Как воспринимались идеи Дильтея о науках о духе русскими методологами истории? Приведем для примера точку зрения А.С. Лаппо-Данилевского из его книги "Методология истории" (Спб., 1910): "... Дильтей, известный биограф Шлейермахера, высказывался против смешения познавательных принципов естествознания с познавательными принципами "наук о духе": "условия познания" природы далеко не тождественны с условиями познания тех явлений, которые изучаются в "науках о духе", да и объект последних "понимается еще прежде, чем он познан", и переживается нашим сознанием во всей целостности нашего духа; в науках подобного рода "факт, закон, чувство оценки и правило" стоят в особой связи. С такой гносеологической точки зрения Дильтей проводил резкое различие между науками о природе и "науками о духе", имеющими целью "познание исторически-социальной действительности" в ее целом (*die geschichtlich-gesellschaftliche Wirklichkeit*)²²; следовательно, та социология, которая стремится изучать ее с естественно-научной точки зрения, ошибочна и, преследуя такую цель, впадает в логическое противоречие с ее же употребляемыми средствами; и социологические, и историко-философские теории, усматривающие в единичном один только сырой материал для своих обобщений, заблуждаются, история, хотя и пользуется общими понятиями для объяснения действительности, должна, однако, "устремлять свои взоры не на то, что оказывается общим разным эпохам, а на то, что отличает изучаемую эпоху от остальных, на единичное", ибо в сознании историка, отображающем в себе весь исторический мир, однажды случившееся и единичное имеет совсем иное значение, чем во внешней природе. С такой точки зрения историк изучает человека, воздействующего на природу,сообразно им же самим свободно полагаемым себе целям, и стремится изобразить "исторический мир, в котором над объективной необходимостью природы во многих его пунктах сверкает свобода"²³. Этот обзор сделан по "Введению в науки о духе". Но там же Лаппо-Данилевский отмечает в примечании, что в опубликованной в 1905 г. серии статей под заглавием "Исследования к обоснованию наук о духе" Дильтей, "оттеняя значение описания "психической структуры"....,

уже находится под влиянием Гуссерля"²⁴.

Общее резюме Лаппо-Данилевского следующее: "... Дильтей уже наметил, правда, лишь в самых общих и беглых чертах ту "критику исторического разума", разработка которой стояла на очереди, но сам он все еще слишком мало различал логическую противоположность познавательных точек зрения от противопоставления объектов научного исследования и последнее ставил в основу своей группировки наук, в которой "науки о духе" сливаются с историей"²⁵. Таким образом, по Лаппо-Данилевскому Дильтей лишь поставил, и в не совсем четкой форме, вопросы, более последовательное развитие которых осуществили затем А.Навилль, Виндельбанд, Риккерт, Ксенополь.

Сходной, по существу, является и оценка, данная Н.Н. Ланге: "Труды Дильтея, хотя сравнительно мало известны широкой публике, оказали, однако, как можно думать, очень сильное влияние на развитие современной философии в Германии, в частности то резкое противопоставление наук о духе наукам естественным, которое проводят Виндельбанд и Риккерт ... ведет свое начало именно от Дильтея"²⁶. То есть, значительность Дильтея подтверждается тем, что он является предшественником неокантианцев Баденской школы, чьи книги были широко известны и переводимы в России.

Литература и примечания

¹ Слово "метафизика" обозначает здесь философию, которая исходит из сверхчувственных начал бытия.

² Введенский А.И. Современное состояние философии в Германии и Франции. - Сергиев Посад, 1894. - С. I-II. Далее ссылки на данную работу даются в тексте с указанием страниц.

³ Логос. - 1911-1912. - Кн. II-III. - С. 311.

⁴ Там же. - с. 285.

⁵ Яковенко Е.В. О современном состоянии немецкой философии // Логос. - 1910. - Кн. I. - С. 265.

⁶ Яковенко Е.В. О теоретической философии Германа Когена // Логос. - 1910. - Кн. I. - С. 224.

- Яковенко ссылается на Гуссерля (его "Логические исследования", т. II), на Дильтея (его "Идеи о..."), на Липпса (его "Психологические исследования", т. I) и на Фолкельта (его "Опыт и мышление").
- 8 Яковенко Б.В. Что такое философия // Логос. - 1911-1912. - Кн. II-III. - С. 66-67.
 - 9 Там же. - С. 93.
 - 10 Степун Ф. Жизнь и творчество // Логос. - 1913. - Кн. III-IV. - С. 73-74.
 - 11 Франк С. [Рецензия] // Русская мысль. - 1913. - Февр. - С. 33. - Рец. на кн.: Эйтес К. Статьи по философии музыки. - М., 1912.
 - 12 Шестов Л. Memento mori // Вопр. филос. и психол. - 1917. - Сент.-окт. - С. 61.
 - 13 Шестов Л. Memento mori. - С. 60-61.
 - 14 Там же, с. 62.
 - 15 Шкевич П.С. Мировоззрение и мировоззрения. - Спб., 1912. - С. 186.
 - 16 Шкевич П.С. Мировоззрение и мировоззрения. - С. 190.
 - 17 Логос. - 1912-1913. - Кн. I-II. - С. 377.
 - 18 Там же. - С. 377.
 - 19 Нелишне отметить, что Дильтей был не только философом истории, но и историком, а его труды по истории пользовались в России почти всеобщим признанием. К примеру, Ф.Степун в следующих словах описывает значение этой части духовного наследия Дильтея: "Как историк современной немецкой культуры, Дильтей не имеет себе равного. Громадная историческая эрудиция соединена в нем с глубоко упроченной философской позицией, причем теоретическая сущность этой позиции такова, что отнюдь не оспаривает истории, а наоборот, сама требует конкретного исторического материала для своего раскрытия и оправдания. В этой встречаемости исторических и систематических тенденций и заключается значение и вся особенность Дильтея" // Логос. - 1912-1913. - Кн. I-II. - С. 395. См. также полемику Е.В. Сперанского и В.Грабара в: Вопр. филос. и психол. - 1911. - Кн. I. - С. 599.

- 20 Логос. - 1911-1912. - Кн. II-III. - С. 311.
- 21 Энциклопедический словарь т-ва "Бр. А. и И. Грамат и К". - 7-ое изд. - Т. 18. - С. 365.
- 22 Н.Н. Ланге передает дильтеевские основания противопоставления двух родов наук в следующих словах: "Естественные науки изучают лишь феномены и притом абстрактно, науки же о духе имеют дело с самой непосредственной психической деятельностью в ее вполне конкретном содержании, и для них характерны категории ценности, нормы и цели, не имеющие приложения в естествознании".
// Энциклопедический словарь. - С. 365.
- 23 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. - Спб., 1910. - С. 210.
- 24 Там же. - С. 211.
- 25 Там же.
- 26 Энциклопедический словарь. - С. 364.

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э.ГУССЕРЛЯ В РОССИИ

Ю. Матьюс

В 1908 году Борис Яковенко¹, русский философ, близкий к неокантианству, писал: "У нас в России Гуссерля, по-видимому, очень мало знают, несмотря на то, что он вышел уже шесть лет тому назад. В работе Лапшина (имеется в виду книга И.Лапшина "Законы мышления и формы познания", Спб, 1906 - Ю.М.), несмотря на то, что ему приходится касаться очень близко (напр. стр. 224 и др.) рассматриваемых Гуссерлем вопросов, нет о нем ни слова, и он даже не упомянут среди исследователей "проблематических объектов мысли"². Под Гуссерлем, вышедшим уже шесть лет тому назад, имеются в виду его "Логические исследования", впервые изданные в 1900-1901 гг.³ Б.Яковенко был вполне прав в том, что Э.Гуссерля в России мало знают. К этому времени, в 1908 году, насколько нам известно, феноменологией Э.Гуссерля в той или другой мере занимались только два русских философа, а именно Давид Викторов в 1904 и Николай Лосский в 1904-1905 и 1906 году. Об их содержательном отношении к феноменологии речь будет идти еще в дальнейшем. Сейчас отметим только тот факт, что в действительности более-менее систематически русская философская мысль будет обращаться к феноменологии Э.Гуссерля только после выхода на русском языке двух его произведений: "Логических исследований" (часть I: "Прологомены к чистой феноменологии") в 1909 году и программной статьи "Философия, как строгая наука" в 1911 году⁴. Тем не менее Г.Гордон еще в 1913 году, касаясь статьи Б.Яковенко "Философия Эд. Гуссерля", помещенной в третьем сборнике "Новые идеи в философии", с сожалением отмечает, что об Э. Гуссерле в России "заговорили только в последнее время"⁵. Можно было бы добавить, что зато заговорили весьма громко.

Обращаясь к самой полной библиографии Э.Гуссерля и литературы о нем, изданной в 1980 году Баулинг-Гринским (Огайо) университетом в США, узнаем, что первым переводом "Логических исследований", а тем самым вообще отдельной кни-

ги Э.Гуссерля в мире и является упомянутое русское издание 1909 года⁶. Отмечая этот факт, Э.Холенштайн подтверждает: "Это было первым переводом основополагающего произведения на иностранный язык"⁷. К сожалению, после издания в 1911 году статьи "Философия, как строгая наука" дальнейшее знакомство русского читателя с Э.Гуссерлем на родном языке прервалось. Обновилось оно только спустя 75 лет: в 1986 году "Вопросы философии" опубликовали доклад Э.Гуссерля "Кризис европейского человечества и философия" (1935)⁸.

Возвратившись к истории восприятия феноменологии и феноменологической философии Э.Гуссерля в дореволюционной России, мы столкнулись с проблемой изложения истории. Проблема в том, что действительность даже восприятия не чиста, не подчиняется или с трудом подчиняется каким-то правилам изложения. Историю восприятия можно излагать прежде всего хронологически, но такой способ волей-неволей окажется формальным, несодержательным. Дело в том, что почти на всех этапах восприятия феноменологии Э.Гуссерля наблюдаются философски различные, порой противоположные отношения к этому новому мышлению. Поэтому, на наш взгляд, все же предпочтительнее "разбить" изложение истории восприятия на некоторые разделы по признаку философского отношения излагателей к Э.Гуссерлю. Одновременно мы в этих рамках по содержанию должны стремиться и к хронологическому изложению.

Думается, что предварительно можно выделить следующие типы восприятия феноменологии и феноменологической философии Э.Гуссерля в России до 1917 года:

А I) случайное, фрагментарное изложение, утверждение и использование или же отрицание в своих философских целях. К этому разделу относится подавляющее большинство упоминаний Э.Гуссерля и феноменологии в русской философской печати этого времени;

Б I) более-менее полное, систематическое изложение с явным оттенком сочувствия к феноменологическим идеям Э.Гуссерля (Б.Яковенко, Г.Ланц, А.Кунцман и др.);

2) более-менее полное, систематическое утверждение феноменологических идей Э.Гуссерля в связи с защитой или развитием своих мыслей (Г.Шпет, частично Н.Лосский, С.Франк и др.);

3) более-менее полное, систематиче-

ское отрицание феноменологических идей Э.Гуссерля в связи с защитой своих взглядов (Л.Шестов, Н.Бердяев, С. Булгаков и др.).

Схема эта, разумеется, слишком абстрактна, в действительности к тому же существуют различные слияния и переходные формы между этими "чистыми" формами философского восприятия. Возникают новые трудности. Тем не менее мы намерены придерживаться предлагаемой схемы, включая в разделы Б I, Б 2 и Б 3 и соответствующий случайно-фрагментарный материал из раздела А I. Это значит, что материал А I отдельно не будет рассматриваться. В настоящей статье мы, к сожалению, сможем познакомиться только с началом и одним, правда, значительным "фрагментом" (Б.Яковенко) из истории изложения-ознакомления феноменологии Э.Гуссерля в России. Остальное, в особенности философская защита и развитие феноменологической мысли в России (например, Г.Шпет) в рамки данной статьи не вменяется.

* * *

Насколько нам известно, имя Э.Гуссерля не упоминается или лишь мимоходом упоминается в общих и философских энциклопедиях и словарях дореволюционной России. Нет его ни в "Энциклопедическом словаре" Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в "Большой энциклопедии" С.Н. Ожакова, "Энциклопедическом словаре" т-ва "Бр. А. и И. Гранат и К", "Энциклопедическом словаре" Ф.Павленкова, ни в I издании "Философского словаря" Э.Л. Радлова. Упоминается Э.Гуссерль только во II издании этого словаря в статьях Вольцано ("Последнее время на него (на Вольцано - Ю.М.) обратил внимание Гуссерль"⁹) и Психологизм ("Критически к нему (к Липпсу, как главному защитнику психологизма - Ю.М.) относится Гуссерль"¹⁰), но отдельной статьи о нем и в этом словаре нет. Отсутствие специальных статей в общих энциклопедиях и словарях объясняется прежде всего тем, что все они в основном вышли еще до того, как философские взгляды Э.Гуссерля нашли в России широкий философский отклик, а, на наш взгляд, это начинается только с выходом на русском языке "Логических исследований" в 1909 году.

В 1904 году Давид В и к т о р о в, приват-доцент Московского университета, в связи с проблемой "экономики мыс-

ли" останавливается в статье "Философские взгляды Эрнста Маха" и на отношении Э.Гуссерля к этой проблеме. Как известно, Э.Гуссерль касался упомянутой проблемы в "Логических исследованиях", в главе "Принцип мыслительной экономии и логика"¹¹. Основное ее содержание состоит в том, что с точки зрения Э.Гуссерля этот "принцип" в действительности не является принципом в строгом смысле слова, а только телеологической точкой зрения, отражающей биологическую склонность человека как индивида и вида к самосохранению. Поскольку учение Э.Маха об экономии мышления и Р.Авенариуса о наименьшей растрате сил имеет в виду биологическое самосохранение человека, постольку оно представляет собой учение о развитии. И только. Но тем не менее Э.Гуссерлю кажется, что Э.Мах и Р.Авенариус хотят этим же учением обосновать чистую логику и чистую теорию познания. Именно против такого обоснования и обращается Э.Гуссерль, доказывая, что на самом деле это — попытка психологистски (т.е. релятивистски и антропологистски) обосновать логику, что недопустимо. Так называемый принцип Маха-Авенариуса хорошо срабатывает, мол, в сфере эмпирических наук, но никак не может обосновать чистую логику и теорию познания, имеющих дело с чистыми объективно-идеальными, вневременными логическими образованиями абсолютной значимости. Таким образом, Э.Гуссерля не смущает субъективно-идеалистический и агностический характер "принципа" экономии мышления, а только попытка Э.Маха и Р.Авенариуса с его помощью обосновать логику, т.е. выйти из естественных границ телеологической точки зрения. В самих же теориях Э.Гуссерль видит "хорошо оправданные и в надлежащем ограничении очень плодотворные мысли"¹².

Д.Викторов, предварительно описав понимание "экономии мысли" как Э.Махом, так и Р.Авенариусом, приводит специальный фрагмент из "Логических исследований" Э.Гуссерля, в котором последний сперва удивляется тому, как с точки зрения ограниченности умственных сил человека вообще возможны более широкие рациональные науки (например, математика), а затем объясняет это — подобно Э.Маху и Р.Авенариусу — искусственными приемами, имеющими "... характер экономизирующих мысль приспособлений. Они вырастают исторически и индивидуально из некоторых естественных, мыслесберегающих процессов ..." ¹³. Но далее, в итоговой части своей статьи Д.Викторов, вполне в духе гуссерлианства, упрекает Э.Маха: "... сам Мах и тем более его последователи не прочь придавать его наукословии

значение общей теории познания"¹⁴. "Методологические соображения венского физика полезны и применимы, быть может, в физике, но распространять их на всю область гносеологии, приравнивать их к критической теории познания значило бы совершать логическую ошибку, называемую *μεταβαλεις εις αλλο γένος*. Нельзя смешивать анализ ощущений с гносеологией ..."¹⁵.

"Аналогичную роль (удерживания в наукословии априорных элементов — Ю.М.) должен исполнять у Маха принцип экономии мысли, вносить устойчивость в неустанный поток ощущений, создавать сходные случаи природе, не знающей повторений. Однако такая роль не по плечу принципу экономии мысли. Он не может служить основой чистой теории познания, не может объяснять идеальных законов чистой логики или возрастающую рациональность познания. Всякая рациональность предполагает наличие известных норм, которые решают вопрос об истине и ошибке, о правильном и неправильном мышлении. Об экономии мысли можно говорить только с точки зрения подобных норм, которые предвзряют этот принцип, как априорное условие его, объясняют его, но не объяснимы им"¹⁶. Д.Викторов отмечает, что эти и подобные им возражения учению Э.Маха среди других критиков приводились и Э.Гуссерлем¹⁷. Имея в виду сказанное, можно утверждать, что Д.Викторов в проблеме "экономии мысли" совершенно четко представляет феноменологическую позицию Э.Гуссерля. Тем самым Д.Викторова в самом деле можно считать представителем — в буквальном смысле слова — феноменологического движения в России, как это отмечается и Г.Шпигельбергом¹⁸. Д.Викторов впервые — еще в 1904 году — знакомит русского читателя с феноменологическими идеями Э.Гуссерля, которого в это время даже в самой Германии только начинают замечать.

Вслед за Д.Викторовым феноменология Э.Гуссерля привлекает внимание другого русского философа, основателя русской интуитивистской философии Николая Лосского. Так как, на наш взгляд, Н.Лосский утверждает некоторые специфически феноменологические идеи Э.Гуссерля в связи с защитой и развитием своих, интуитивистских, то мы намерены заняться ими только в дальнейшем, а сейчас рассмотрим его роль в ознакомлении русского читателя с некоторыми гуссерлевскими идеями до выхода "Логических исследований" в России.

В 1904–1905 гг. Н.Лосский в семи номерах журнала "Вопросы философии и психологии" печатает большое исследование под заглавием "Обоснование мистического эмпиризма"¹⁹.

Изучая и утверждая "необходимость, общеобязательность и всеобщность" знания, Н.Лосский заключает: "... знание есть сложный процесс, содержащий в себе не только деятельность познающего субъекта, но и самое познаваемую действительность, хотя бы она была транссубъективной. В таком случае психические акты суждения об одном и том же объекте могут быть в высшей степени различными и чрезвычайно изменчивыми по своему психологическому содержанию, между тем как объект, служащий материалом для этих актов и составляющий содержание суждения, может оставаться тождественным"²⁰. Для подтверждения своей мысли Н.Лосский приводит фрагмент из второго тома "Логических исследований, в котором Э.Гуссерль говорит "об этом различии между индивидуальным психологическим составом акта суждения и "идеальным" вечно тождественным значением суждения"²¹. Тем самым Н.Лосский точно уловил суть возражений Э.Гуссерля против психологической логики, превратившихся впоследствии в одну из положительных основ феноменологии и феноменологической философии вообще.

Далее, изучая в главе "Общее и индивидуальное" сущность общего (общих имен, универсалий), Н.Лосский основательно критикует и концептуалистическое учение, т.е. учение Дж. Локка (не называя его) о том, как путем отвлечения (абстрагирования) возникают общие понятия. Это объяснение, как утверждает Н.Лосский, заключает в себе *petitio principii* ²². Критикуя затем скрытую форму концептуализма, состоящую в утверждении, что вещи содержат в себе неразличимо сходные (одинаковые) по содержанию элементы, вследствие чего общее оказывается заместителем или представителем многих единичных элементов, Н.Лосский показывает, что понятие сходства (одинаковости) неизбежно связано с понятием тождества. А последнее является основой "открытой" формы концептуалистического учения. Притом Н.Лосский опирается на Э.Гуссерля, приводя пространный фрагмент из "Логических исследований" о необходимой связи одинаковости и тождества²³. Пользуясь аргументацией, к которой Э.Гуссерль прибегал при опровержении учения Д.Юма об общем как круге сходства, Н.Лосский утверждает, что и сходство (при численном различии и отсутствии тождества) не может быть последним основанием для появления общих понятий²⁴.

Защищая реалистическое учение об общем, Н.Лосский специально подчеркивает: "... мышление об общем вовсе не всегда есть мышление о классе: оно может также осуществляться в

форме мышления об общем, как о самостоятельной единице (*spezifische Einzelheit* в отличие от *individuelle Einzelheit* по терминологии Husserl я) или также в форме мышления об особи, но как о любой особи класса и т.п., и эти различные формы могут быть объяснены только реалистической теорией, которая признает, с одной стороны, самостоятельное содержание общего и частного, с другой стороны, реальную связь между тем и другим²⁵. Отметим, что Э.Гуссерль сам не считал себя реалистом и бытие общего (специфического) реальным, потому что для него реальное характеризовалось временностью. Только условно можно утверждать, что Э.Гуссерль считал бытие общего — в пределах интенционального бытия — "реальным" в традиционном историко-философском смысле, т.е. принял т.н. реалистическую точку зрения. Но в каком смысле все-таки Н.Лосский, построив сходное с гуссерлевским учение об общем, относит его к реалистическому? Кажется, это объясняется тем, что для представляемого им реалистического учения реальное означает только самостоятельность, самостоятельное существование (но ни в коем случае "грубую чувственность"), чем прежде всего и характеризуется, по мнению Н.Лосского, общее. Впрочем, у Э.Гуссерля оно в это время "существует" идеально, но не *in mente*, как утверждает В.Штегмюллер, тем самым относя Э.Гуссерля — вслед за ним самим! — к концептуалистам²⁶.

В 1906 году Н.Лосский издает свое сочинение отдельной книгой, изменив его заглавие, из "Обоснования мистического эмпиризма" оно превращается в "Обоснование интуитивизма. Пропедевтическую теорию знания"²⁷, т.е. в название, характеризующее всю философскую школу Н.Лосского, развитую под некоторым влиянием "Логических исследований" Э.Гуссерля. Еще в 1902 году Н.Лосский опубликовал в журнале "Вопросы философии и психологии" статью "Волонтаристическое учение о воле", в которой он ссылается на "прекрасное произведение"²⁸ А.Пфендера "Феноменология воли". Н.Лосский, разумеется, не мог не заметить сущностной черты феноменологического подхода, состоящей в том, что восприятие, например, описывается А.Пфендером без всякой теории.

Теперь мы обратимся к той роли, которую играл в ознакомлении (изложении), защите (пропаганде) и критике феноменологии Э.Гуссерля в России Борис Яковенко. Его философские взгляды в основном охарактеризованы в упомянутой статье "Философской энциклопедии". Начнем со статьи "К критике теории познания Риккерта", в которой Г.Яковенко опи-

рается и на Э.Гуссерля, в особенности в борьбе против психологизма в логике и теории познания: "... едва ли возможна более проникновенная и победоносная критика психологизма, чем та, которую мы находим в только что упомянутых исследованиях Гуссерля"²⁹. Перефразируя одно высказывание голландского психолога и философа Г.Гейманса, Б.Яковенко пишет: "В духе Гейманса мы могли бы сказать, что психологизм — это "психология без ясного сознания теоретико-познавательных проблем". И примером такого неясного сознания является сам Гейманс, упорно продолжающий думать, что теория познания есть психология познания, что она экспериментально-эмпирическая дисциплина и т.д., несмотря на критику этих взглядов в поразительно глубоких, еще как следует не оцененных не только у нас, но даже и на Западе исследованиях по логике Гуссерля"³⁰. Критикуя взгляды Г.Риккерта и отмечая, что последний "... находится под сильным влиянием вышеупомянутого Гуссерля ..." ³¹, Б.Яковенко пишет: "... не смотря на свое требование независимости гносеологического от психического, он (Г.Риккерт — Ю.М.) тем не менее незаметно подчиняет его психическому"³². И дальше: "Свои понятия, в том числе в первую голову свое понятие "сознания вообще" или "трансцендентальной апперцепции" или "принципа оформления вообще", гносеология должна не "вызвести" и не "получать", а найти, как своеобразную данность, как совершенно особый объект рассмотрения, неподдающийся никаким дальнейшим разложениям и сведениям"³³. Б.Яковенко продолжает: "В этом смысле она вполне тождественна с математикой. Конечно, при всей произвольности этого "нахождения", гносеология неизбежно употребляет какой-нибудь определенный метод. Мы согласны назвать его методом "выянализирования", "очищения" или нахождения, понимая его именно так, как описывает его Гуссерль. На его терминологии этот метод носит название феноменологического и прилагается как раз в сфере предварительной расчистки путей для возведения здания теории познания и логики"³⁴. Особенно нас поражает то, что уже в 1908 году, опираясь только на "Логические исследования", Б.Яковенко мысленно ходит в одну ногу с Э.Гуссерлем, глубоко понимая, предвидя и предугадывая собственные возможности феноменологии и феноменологической философии: "Правда, мы не разделяем вообще еще совсем ясного взгляда Гуссерля на теорию познания. Нам думается, что она не может быть сведена на простую "расчистку" путей для чистой логики, что она в полном праве пре-

тендовать на самостоятельное место рядом с этой логикой"³⁵. Отметив, что "... те же мысли высказываются Мейнгоном ..." ³⁶, Б.Яковенко подчеркивает: "Но с особенной яркостью и поразительной глубиной анализа эти мысли развиты Гуссерлем. Мы не можем, к сожалению, в настоящей работе заняться сколько-нибудь подробно этим более чем выдающимся логиком современности"³⁷.

Но, находясь под сильным впечатлением, полученным от феноменологии Э.Гуссерля, Б.Яковенко все-таки в ближайшем будущем подробно займется изложением, защитой, а также критикой философских взглядов Э.Гуссерля. Почти во всех своих будущих статьях он пытается анонсировать феноменологию как новейшую теорию познания. Занимается он этим так увлеченно, что нам понятна сильная склонность считать и его самого феноменологом. Как увидим, это вовсе не так. У Б.Яковенко идеалы другие.

Центром и дореволюционным итогом занятий Б.Яковенко феноменологией Э.Гуссерля является, как нам кажется, статья "Философия Эд. Гуссерля", опубликованная в третьем (1913) сборнике неперидической серии "Новые идеи в философии". Поэтому мы и сосредоточимся на этой статье, имея в то же время в виду, что отдельные стороны феноменологии Э.Гуссерля более подробно, более обоснованно, более критически рассматриваются Борисом Яковенко и в других статьях и рецензиях, опубликованных прежде всего в международном ежегоднике по философии культуры "Логос", русское издание которого он редактировал в 1912-1914 гг.

"Философия Эд. Гуссерля" представляет собой пространную обзорную статью в виде "очерка философских взглядов Гуссерля"³⁸. Так как ее целью прежде всего является ознакомление русского читателя с этими взглядами, то она состоит из шести содержательных глав ("Антипсихологизм", "Чистая логика", "Феноменология", "Новая теория абстракции", "Новая теория сознания", "Интенционалистическое учение о познании"), из вступления и послесловия. Только в последнем Б.Яковенко высоко оценивает, но в то же время и критикует изложенные взгляды Э.Гуссерля. Ценность статьи в том, что она с глубоким, не тем не менее недостаточным знанием излагает основные философские положения Э.Гуссерля, четко узнавая их философскую новизну. Сожалея о том, что "... до сих пор Гуссерль еще не дал какого-либо законченного систематического построения своей теоретической философии..."³⁹, Б.Яковенко отме-

чает, что изложение будет опираться только на "Логические исследования" и статью "Философия, как строгая наука"⁴⁰. "Систематическое построение теоретической философии" Э.Гуссерля — "Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии" (т. I) — в этом же 1913 году только выходит в Германии.

В главе "Антипсихологизм" Б.Яковенко показывает, что аргументация Э.Гуссерля в пользу логики, как "теоретической, от психологии независимой и в то же время формальной и демонстративной"⁴¹ дисциплины сосредоточивается в четырех основных пунктах. Во-первых, признание логики частью психологии или ее обоснование на психологии сопрягается со смешением двух совершенно чуждых друг другу сфер познания. Предметом психологии является само мышление, совершающееся во времени, нечто реальное; предметом же логики является то, что мыслится, "мнимое" в мышлении, безвременное, нечто идеальное. Впрочем, Б.Яковенко, как и Д.Викторов, обращает внимание на попытку эмпириокритицизма (махизма) подчинить логику и логическое содержание познания психологически-биологическому предписанию экономии мышления или возможно наименьшей затраты умственных сил. Во-вторых, упомянутое признание низводит чисто логическую аподиктическую очевидность как переживание истины "к какому-то добавочному чувству, которое случайно или с естественной необходимостью сопровождает определенные суждения"⁴². Между тем истина относится к очевидности (т.е. переживанию истины как истины), как бытие индивидуального относится к адекватному его восприятию⁴³. В-третьих, признание это непременно сопровождается рядом логических невозможностей и бессмыслиц. Например, если логические законы суть в основе своей психологические, то им свойственна также изменчивость, характеризующая человеческую психику, и т.п. В-четвертых, признание логики частью психологии или ее обоснование на психологии приводит к различным формам релятивизма, в том числе и "родового", т.е. антропологизма, и скептицизма — логика становится относительной и сомнительной. Возникают новые невозможности и бессмыслицы.

Исходя из Э.Гуссерля, Б.Яковенко, на наш взгляд, в этом разделе весьма удачно улавливает некоторые отличия психического от логического. Например, по отношению к тому, что относится к области психологии, т.е. к психическому, употребляются понятия силы и слабости, т.е. интенсивности, понятия

существования и несуществования, и т.д. По отношению к логике и логическому это невозможно. Там, как, впрочем, и в математике, всего этого нет. В логике логическое только значимо, оно вневременно, идеально. В психологии психическое — временное, реальное, т.е. оно по своей сущности изменчиво, может или существовать, или не существовать. Логическое — вне всякого отношения к чему- или кому-то, потому оно никак не "относится" и к существованию (бытию), совершенно чуждой ему сфере. Логическое — абсолютно во всех отношениях или, лучше, абсолютно вне всякого отношения ко времени и пространству. Это его качество, его чужемерность, принадлежность его к абсолютно вневременному и внепространственному и характеризуется словом значит (*gilt*). О логическом нельзя сказать, что оно есть или не есть, оно лишь значит. Правда, Б.Яковенко вслед за Э.Гуссерлем в это время — до выхода "Идей..." — говорит только о вне-, не- или безвременном процессе "значения", чем дает и русскому читателю возможность понимать логическое (истину, например) существующим в каком-то пространстве, "царстве идей". Если настаивать только на вневременности логического, то это оставляет открытой возможность рассматривать логическое все-таки с точки зрения "реального" существования (бытия), утверждать о нем, что оно есть, хотя и вечно, но есть где-то. Остается открытой возможность понимания логического (истины) в духе платоновской "идеи". Как известно, в самой Германии П.Наторп сразу и "пользовался" этой возможностью, упрекая Э.Гуссерля в возрождении платонизма⁴⁴. Повод к этому дан самим Э.Гуссерлем: он не исключил полностью возможности понимать логическое (истину) в качестве существующего. Его значение мог содержать и существование.

В статье Б.Яковенко "возможность" эта не замечена. Заслуживает его является то, что он на примере трактовки отношения логического к существованию (бытию) точно уловил разницу психического и логического: "... акт познания и содержание познания не одно и то же, и ... логика (как и математика) имеет дело только с последним"⁴⁵. Логическое как идеально-общее значит через психическое, значит в психическом как реально-единичном (индивидуальном) переживании. Но это психическое ни в коем случае не обосновывает логического. Логическое по своей специфике значит без него. Понять это с такой четкостью, как Б.Яковенко, сегодня еще не каждому по плечу. Истина значит и без человека и именно т а к

специфически значит, но человек постигает ее уже по "своей" специфике, в психических актах, интенциональных переживаниях. Впрочем, на наш взгляд, именно с этого значения Э.Гуссерль придет к тезису феноменологии о том, что предмет как предмет сознания фундаментально может и должен быть понят вне проблемы его отнесения к материальному или идеальному в традиционно-философском смысле, т.е. вне проблемы его существования (бытия).

Далее в разделе "Чистая логика" Б.Яковенко излагает программу будущей чистой логики, основной проблемой которой, по Э.Гуссерлю, является проблема условий возможности науки как таковой.

Следует раздел "Феноменология". Для того, чтобы построить чистую логику, нужна предварительная работа. Дело в том, объясняет Б.Яковенко, что логические объекты (законы и категории мышления) не даны нам непосредственно, а — цитируя Э.Гуссерля — "... даны, как вложенности в конкретные психические переживания ..." ⁴⁶, даны феноменами. Этими же феноменами и занимается новая наука, называемая феноменологией. Так как непосредственной, первейшей задачей феноменологии является задача, полученная от чистой логики, задача уловить логическое в феномене, феноменология должна описывать феномены психики, психические феномены. Поэтому феноменология и называется Э.Гуссерлем описательной (дескриптивной) — но не генетически-причинной! — психологией. Определение, вызвавшее ошибочные обвинения самого Э.Гуссерля в психологизме. Феноменология начинается с дескрипции, но не кончается. Речь идет о феноменологии логических переживаний. Б.Яковенко, опираясь на Э.Гуссерля, правильно подчеркивает, что к сфере феноменологии "... принадлежит только то, что мы мним, когда высказываемся; что составляет это мнение, как таковое, со стороны его смысла; как образуется оно из частичных мнений; что за существенные формы и различия оно обнаруживает, и т.д." ⁴⁷. "Все это носит название "сознания о" и "имеет" "смысл" и "мнит" "предметное" ..." ⁴⁸. Впрочем, феноменология представляет собой предварительное исследование не только для логики и теории познания, но и для психологии, которая не понимает подлинную природу психических переживаний ⁴⁹. Феноменология, как "описательная психология", занимается логикой феномена в двух смыслах: изучая логическое (логику) в феномене, она непременно изучает и логическое построение фено-

мена, логику феномена, т.е. узнает в нем и нелогическое, психическое.

Следующий раздел - "Новая теория абстракции". Поскольку чистая логика по претензии занимается "родовыми смыслами", постольку "... должно быть феноменологически показано, что такой предмет дан в познании и затем установлено, как он дан"⁵⁰. Б.Яковенко вслед за Э.Гуссерлем показывает, что хотя смысл (значение) являет свое "мнение" (предмет), он сам может стать предметом как "общим предметом" только в особом акте отвлечения логически идеального от всего реально существующего. А такую специфику такого акта философия до сих пор не поняла. В связи с этим Б.Яковенко - опять за Э.Гуссерлем - глубоко и точно критикует традиционные теории абстракции (Дж. Ст. Милля, Г.Спенсера, Дж. Локка, Дж. Беркли, Д.Юма, Г.Корнелиуса и др.) из-за психологического генетизма. В конце раздела он утверждает, что под абстракцией нужно понимать "своеобразное сознание", которое непосредственно улавливает родовое единство на интуитивном основании"⁵¹. "Настоящим актом абстракции является только акт, который "мнит" непосредственно само общее, как таковое"⁵². Феноменологически, но не существенно, т.е. не логически, этот акт "мнения" общего, или мышления, опирается на чувственно-созерцательный акт. Отсюда можно сделать вывод о том, что Б.Яковенко понимает: интенциональность всего феноменологического акта, т.е. и акта в психологическом смысле как чувственно-созерцательного исходит из интенциональности "мнения" общего, или мышления. Далее Б.Яковенко проводит различие между сигнификативной абстракцией и такой, в которой общее дано, присутствует с очевидностью. Последняя называется идеирующей или генерализирующей абстракцией, т.е. идеацией. Она представляет собой не чисто мысленную (сигнификативную, обозначительную), а созерцательно-мысленную, т.е. познавательную (в полном смысле этого слова)⁵³ интенцию общего. Идеация является созерцанием общего (категориального, идеального), подлинным мышлением. В то же время оно и познание: подлинное познание - мыслительное созерцание общего, сущностного, происходящее на основе индивидуально-конкретного, чувственного созерцания, т.е. это - мышление на основе немышления. А само мышление (и, следовательно, познание) не есть ничто иное, чем "видение" (восприятие, созерцание в широком, нечувственном смысле) общего (категориального, идеального), сущностного. С точки зрения сигнификативной (обо-

значительной) абстракции, если она присутствует (это вовсе не обязательно!), это "видение" представляет собой наполнение только-обозначенного.

Затем Б.Яковенко знакомит читателя с "новой теорией сознания". Отвергая вместе с Э.Гуссерлем три традиционные определения сознания⁵⁴, он останавливается на четвертом, приведенном Ф.Бrentано и служащем для Э.Гуссерля основой собственного понимания сознания. Б.Яковенко излагает определение сознания как интенционального переживания. Его нельзя понимать как "реальное отношение между двумя одинаковым образом в сознании находящимися вещами: объектом и актом"⁵⁵ или как "настоящее отношение, в которое вступают между собой, с одной стороны, сознание, а с другой — сознаваемая вещь"⁵⁶. По феноменологическому пониманию сознания также подчеркивается: "Мысль о деятельности должна быть совершенно оставлена"⁵⁷. Может быть, не очень четко, но все-таки как будто понимается, что сознание само — по Э.Гуссерлю — нечто иное, чем отношение к предмету, направление на предмет, имение предмета, "мнение" предмета. Предмет только "мнится", т.е. интендируется: "В этом — его феноменологическая особенность, которая с существованием его или несуществованием непосредственно не имеет ничего общего"⁵⁸. Отметим еще, что этим "имением" общего как интенционального предмета Э.Гуссерль, по словам М.Хайдеггера⁵⁹, предварительно решил и проблему "существования" ("бытия") общих имен (универсалий).

В разделе "Интенционалистическое учение о познании" Б.Яковенко подчеркивает "новаторство" Э.Гуссерля, "совершенно своеобразное освещение" им проблемы познания⁶⁰. Прежде всего он обращает внимание на самые общие различия, проводимые интенционалистическим учением о познании: 1) между феноменологическим (описательным) и интенциональным содержанием психических актов, 2) между обосновывающими и обоснованными актами, 3) между актами основными и побочными, 4) между качеством и материей интенционального акта, составляющими вместе интенциональную сущность акта. Сфера познания, по Б.Яковенко, устанавливается следующим образом: все объективирующие (т.е. предметные, интенциональные) акты, в том числе познавательные, характеризуются тем, что в них или отождествляется, или расторгается между собой то, что "мнится", и то, что "дается". "Прямой смысл всякого познавательного

акта лежит в акте "адекватации", познавательного равенства, между тем, как предмет мысленно представляется, и тем, как он непосредственно (чувственно) дан⁶¹. Истина относится к сфере познания: она - "... полное согласование между замысленным и данным, как таковым. Это согласование переживается в очевидности ..." ⁶². Тем самым Б.Яковенко, на наш взгляд, хорошо уловил сущность познания в его различии от сознания: если "жизнь" сознания состоит в различнейшем "имении" предмета - от простого чувственного созерцания до самого категориального созерцания -, то познание включает то же самое, но всегда только по отношению к чему-то существовавшему или бывшему в сознании. Подлинное мышление (идеация, созерцание сущности) есть познание, если оно, например, происходит и рассматривается происходящим на основе и фоне немыслительных процессов чувственности или сигнификативной интенции значения. Следовательно, познание понимается всегда в сопоставлении и сравнении с чем-нибудь. Так, оно может оказаться и углублением знания как логического "имения", по отношению к незнанию или меньшему знанию. Специфическим примером познания является наполнение в категориальном созерцании "мнимого" как ожидаемого. Но к познанию относится и факт ненаполнения - когда ожидаемое в категориальном созерцании не наполняется. Истина и очевидность - категории познавательные.

В "Послесловии" Б.Яковенко отмечает еще раз, что "антипсихологическая пропаганда" заставляет видеть в лице Э.Гуссерля "... если не основополагателя, то, во всяком случае, несомненного вожака надвигающейся, по-видимому, новой эпохи философского мышления..." ⁶³. Чрезвычайно важны, с его точки зрения, еще два результата: 1) утверждение, что логическое имеет такую же бытийную сущность, как и обыкновенные предметы, являя собой только не реальную предметность, а идеальную, не реальное бытие, а идеальное; 2) бесповоротное установление того, что познание не сводится на рассудочное мышление и чувственное созерцание, и что самая существенная роль в нем, как познании, принадлежит сверхчувственному созерцанию⁶⁴. Этим 1) "... чисто гносеологически (критически) обоснована действительная наличность особой сферы бытия, той самой сферы, обоснование которой до сих пор обычно велось в терминах спиритуализма, апеллирующего к непосредственным показаниям внутреннего чувства и облакающего содержимое этой сферы в догматические одежды понятий метафизической психоло-

гии"⁶⁵; 2) "... дано, наконец, исчерпывающее психологическое доказательство действительной наличности того акта, который был полагаем в основание философского познания всеми великими представителями положительного философского творчества и с особой энергией был выдвинут немецким идеализмом, а именно, акта "интеллектуальной интуиции"⁶⁶.

"Однако же, несмотря на всю принципиальную важность этих достижений, философская работа Гуссерля далеко не свободна от недостатков, обладающих не менее принципиальным значением"⁶⁷, пишет Б.Яковенко.

Основной упрек, сделанный им Э.Гуссерлю, состоит в том, что "... обоснование чистой логики совершенно не удовлетворяет требованию полного антипсихологизма, ибо феноменологическое исследование, как его характеризует Гуссерль, есть в конечном счете все же особенное психологическое исследование: его подлинным предметом является непосредственное переживание, т.е. психическое в ее первичной данности"⁶⁸.

Похожие обвинения Э.Гуссерля в психологизме Б.Яковенко выдвигает и в других статьях этого же периода. Так, в статье "Что такое философия? Введение в трансцендентализм" можно прочитать следующее: "Даже у поборников независимой философской мысли приходится наталкиваться на подведение под нее психологических фундаментов"⁶⁹. И еще: "... самые крайние защитники трансцендентализма и самые крайние представители антипсихологизма: Бредли, Коген, Шuppe, Риккерт, Гуссерль, Ласк, то открыто, то бессознательно, то замаскированно, прибегают и к психологическому методу и к психологическим схемам, и к психологическому переживанию в своих стараниях постигнуть подлинную сущность Трансцендентального. ... феноменологический метод Гуссерля ... - все это психологизированные конструкции Трансцендентального"⁷⁰.

Как мы видим, Б.Яковенко идет в своих упреках весьма далеко: Э.Гуссерль, критикующий, по словам самого Б.Яковенко, современную логику и философию несравнимо глубже всех других мыслителей из-за психологических тенденций, вдруг сам обвиняется в них ... Для того, чтобы это понять, нам нужно остановиться на том, что считается Б.Яковенко психологизмом.

В статье "О теоретической философии Германа Когена" он пишет: "Под психологизмом обычно понимают учение, объявляющее философию или самой психологией, или частью психологии, или, наконец, обосновывающее философские дисциплины на данных психологии. Такое понимание психологизма слишком уз-

ко ... /.../ ... понятие психологизма должно быть расширено: психологизмом должно быть названо всякое философское учение, придающее сознательно или бессознательно хоть какое-нибудь философское значение психическим моментам, допускающее их играть хоть какую-либо непосредственную или косвенную роль в своей сфере, пользующееся хоть в каких-либо целях хоть каким-либо психологическим исследованием, интересующееся положительно хоть в каком-либо отношении психическими переживаниями более чем всем другим. Интерес философии к психологии, к психологическим исследованиям и психическим переживаниям должен быть или только чисто логический, так как психология есть одна из наук, а психические явления составляют часть бытия, или только чисто отрицательный, так как до сих пор философия находилась еще в тесном сплетении с психологией, и так как *ad hominem* философские предметы всегда даны в атмосфере психических переживаний, и их нужно оттуда достать, освободить, выявить. В этом последнем случае отношение философии к "психическому" исчерпывается стремлением удалить всякий антропоморфизм, отрешить философские предметы от человека, взять их не *ad hominem*, а *ad scientiam*, как то имеет место во всякой науке. Иначе говоря, философия требует для своего независимого осуществления отрицательного феноменологического исследования: освобождения от человеческих иллюзий, человеческих привычек, человеческих предрассудков, освобождения от "человеческого" вообще. Несвобода же от "человеческого" в каком бы то ни было отношении знаменует собою психологизм.

Можно смело сказать, что вся философия — от Сократа и до самого последнего времени — в той или иной мере, в том или ином смысле психологистична ...⁷¹.

Описанный в таком виде психологизм относится, по мнению Б.Яковенко, полностью и к самому Э.Гуссерлю. В обзоре "О современном состоянии немецкой философии" он сначала отмечает философские заслуги Э.Гуссерля: "... на переходе из XIX столетия в XX-ое все предыдущее развитие немецкой философской мысли, наконец-то, с полнейшим сознанием было формулировано Гуссерлем в виде проблемы чистой логики, освобожденной от всякого психологизма. /.../ ... Гуссерль первый поставил эту проблему во всем ее объеме, с сознанием всей ее важности и без боязни констатировать психологизм даже там, где от него старательно отрекаются. Этим шагом своим Гуссерль несомненно ответил на запросы своего време-

ни"⁷². "Проблема психологизма формулирована Гуссерлем ясно и определенно: логика, как часть философии, никоим способом не может быть основываема на психологии"⁷³. Но затем, после такой похвалы, Б.Яковенко продолжает уточнять критику Э.Гуссерля из-за психологизма: "Однако, если *"Logische Untersuchungen"* Гуссерля и формулируют с поразительной ясностью проблему психологизма и тем самым знаменуют собой перелом в философском мышлении и уяснение задачи нашего времени, совсем обратное приходится сказать об их положительной попытке разрешить эту проблему и дать логику, независимую от всякой психологии. В этой попытке с полным сознанием реализуется тот самый психологизм, который бессознательно лег в основание всех великих послекантианских систем..."⁷⁴. "Во втором томе своих *"Исследований"* Гуссерль возвращается назад, снова затемняет проблему, с такой силой им выявленную в первом томе, и вовлекает ее во все последствия и взаимопротиворечия психологистического способа мышления"⁷⁵. Подчеркивая, что обоснование Э.Гуссерлем чистой логики на феноменологии совершенно не удовлетворяет, например, требованию ее непредвзятости и беспредпосылочности, на чем Э.Гуссерль все время сам настаивает, Б.Яковенко приводит два примера. Так, во-первых, феноменология никак не может быть чистым описанием, как хочется Э.Гуссерлю, потому что это вообще *non sense* - оно непременно предваряется целым рядом категориальных форм психического бытия"⁷⁶. Во-вторых, феноменология Э.Гуссерля заранее направлена на "выявление чисто-логических значимостей"⁷⁷, т.е. на то, что следовало бы узнать только после феноменологического исследования. А это - логическая ошибка: *ὕστερον πρότερον!*

Более конкретно Б.Яковенко занимается психологическими, с его точки зрения, взглядами современных ему мыслителей, в том числе Э.Гуссерля, в упомянутой статье "Что такое философия?". В разделе "Философия и психологизм" углубляется и расширяется понимание психологизма: антропоморфистическое миропонимание "... возможно только потому, что познающий безотчетно полагает в его основание данные самопознания и самочувствования, заполняет все его содержание материалом внутренних психических переживаний и, сам того не осознавая, рассматривает Сущее во всех его моментах и проявлениях, как психическое бытие, как многообразное существование душевных явлений"⁷⁸. "Существует, в подлинном и непосредственном смысле слова есть, только психическое, только душевная

жизнь"⁷⁹. Б.Яковенко хорошо понимает и демонстрирует субъективно-идеалистическую опасность — хотя это еще ни в коем случае не значит, чтобы он сам был материалистом! — такого психологизма: "Все физическое, химическое, биологическое и т.д. должно быть изучаемо в конечном счете психологически. Вот к какому абсурду ведет крайний психологизм, будучи додумываем до конца!"⁸⁰ "Избирая своим основным критерием и своей последней данностью психический феномен (переживание), она (психологистическая точка зрения — Д.М.) опирается на самое ненадежное, неустойчивое, мгновенное, неопределенное, капризное, бесформенное и неуловимое из всего, что есть в мире"⁸¹. Пользуясь точной критикой Э.Гуссерля по отношению к психологистам ("... психологизм не различает между психическим состоянием и значимым смыслом..."⁸²), Б.Яковенко тем не менее обвиняет феноменологический метод Э.Гуссерля в психологизированных, по-видимому, подсознательно, конструкциях Трансцендентального⁸³.

Натурализм, антропоморфизм и психологизм, как предрассудки современной философии (и логики), коренятся, с точки зрения Б.Яковенко, в конечном счете в интенционализме: "Он вскрывает и открыто постулирует последние основания всех трех предыдущих предрассудков, устанавливает, так сказать, их предрассудочное *a priori*..."⁸⁴. Интенционализм, приписываемый Аристотелю, А. Майнонгу, Т. Липпсу, Ф.Брентано, В.Шuppe, Дж. Ройсу и, разумеется, Э.Гуссерлю, характеризуется следующим образом: "Сущее (предмет познания) дано всегда "в" сознании, "интенционально" ему, как "смысл", "содержание", как нечто "мнимое" в познающем акте сознания. Наоборот, сознание (познающий акт его) всегда "интенционировано", "направлено", "мняще", есть некоторое "предварение" предмета"⁸⁵. На этом интенционализме и обосновывается психологизм: "Если Сущее интенционально, оно потому самому есть уже момент сознания и не может быть принципиально отъединено от психического. Ибо интенциональность его означает собою его связанность с сознательными переживаниями, а всякая постоянная и потому конститутивная для двух каких-либо начал связь своим достаточным основанием имеет их большую или меньшую гомогенность"⁸⁶. Если Сущее и сознание интенционалистичны, то "... Сущее неизбежно будет психологизироваться, а сознание, наоборот, субстанциалистически овеществляется"⁸⁷. И т.д. Основной упрек интенционализму, таким образом, в том, что предмет познания, "Сущее", психологизируется.

Против принятия такой интенционалистической связи, только в несколько другом ключе, Б.Яковенко возражает и в статье "Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм": "... если познавательное содержание есть вневременная логическая значимость, а познавательным предметом может быть не только идеальное образование, но и самый обыкновенный реальный, временно-пространственно и причинно определенный и изменениям подвергающийся предмет, то между ними не может быть никакого отношения; в противном случае между временно-пространственной эмпиричностью одного и абсолютно-вневременной логической априорностью другого должно быть хотя какое-нибудь сродство. Как может в идеальном "мниться" (быть "интендированно") нечто самому идеальному абсолютно чуждое?"⁸⁸ Как мы видим, по мнению Б.Яковенко, не только между психическим и логическим, но и между "материальным" и логическим не может быть никакого сродства, никакой связи, хотя это как будто утверждается "интенционалистами", в том числе Э.Гуссерлем. Б.Яковенко идет еще дальше, к более общему тезису, утверждая, что между содержанием (познавательного акта), т.е. значимостью, и предметностью вообще также не может быть никакого сродства. Поэтому интенционалистические тезисы и в этом случае или невозможны, или приводят к "материализации", вообще к опредмечиванию логической значимости, что, по Б.Яковенко, опять невозможно⁸⁹.

В "Послесловии" к статье "Философия Эд. Гуссерля" этот же упрек интенционализму представляется еще раз по-новому: "... как может исследование психического путем беспристрастного анализа его состава прийти к выявлению чего-либо чисто-логического?"⁹⁰ Для того, чтобы феноменологический метод не устремлялся только к психическому, но и к логическому, "... нужна наличность какой-либо связи между психическим и логическим", "наличность хотя бы некоторой (в каком-либо смысле действительной) однородности"⁹¹. Но это значит, что тем самым логическое необходимым образом психологизируется, против чего ведь борется сам Э.Гуссерль. В другом месте сказанное повторяется так: "... если акт познания есть реальное, временно и причинно определенное и изменению подлежащее явление, а познавательное содержание представляет собой некоторую вневременную, неизменную, идеальную значимость, то между ними невозможно никакое отношение"⁹².

Таким образом можно сказать, что любая утверждаемая

связь между структурными элементами феномена — психическим актом и Сущим, логической значимостью и познавательным предметом в качестве "реального", психическим актом и логической значимостью — должна всегда, по Б.Яковенко, в конечном счете приводить к психологизации ("материализации") любого логического элемента. Мы уже начинаем понимать, что такие упреки возможны главным образом потому, что логический акт познания, логическое значение и логический предмет "живут" в психическом облечении, а потому всегда могут быть соответственно понимаемы и "заменяемы" соответствующими психическими элементами. Подробнее об этом еще ниже.

Внимательно изучая элементарную структуру акта познания с точки зрения Э.Гуссерля, Б.Яковенко в то же время упрекает основателя феноменологии в том, что в принципе никак нельзя "... установить действительную внутреннюю сосуществомость в феномене интенции интендирующего акта, его интенционального смысла и интендированного им через этот смысл предмета, т.е. ту внутреннюю связность этих элементов, которая является основой всего учения Гуссерля о познании"⁹³.

Мысль о том, что отдельные элементы интенционального акта (прежде всего сам акт, его значение и предмет) "существуют" и могут быть установлены только в отдельных интенциональных актах, не доказывающих никакой внутренней связности и сосуществомости этих элементов в качестве элементов одного и того же акта, повторяется у Б.Яковенко в различных формулировках. Например, "... Сущее и сознание нигде никогда и ни в каком виде не даны вместе, не являются моментами, сторонами или частями какого-либо целого"⁹⁴. Возражая Э. Гуссерлю в понимании "совершенного познания" как полной "адекватации" между "только мнимым" и "наглядной наличностью" предмета, Б.Яковенко пишет: "... в действительности феноменологическому познанию может быть дан только какой-нибудь один из трех моментов, в устах Гуссерля слагающих феноменологически (т.е. непосредственно) факт познания: либо само познавательное переживание (акт познания), либо познавательное содержание (смысл), либо предмет; и никогда они не бывают даны разом все вместе. Об этом свидетельствует неопровержимейшим образом сам Гуссерль..."⁹⁵. Приводится высказывание Э.Гуссерля о том, что "содержание" акта не дано самому этому акту, а "... становится для нас предметом лишь в рефлексивном акте мысли..."⁹⁶.

У Б.Яковенко можно найти еще несколько указаний на неко-

торые противоречия феноменологической логики. Защищая, во-первых, формализм и математизм в логике, Э.Гуссерль тем самым "... переносит все содержание теории познания, только и способной в действительности быть наукой о науке и дать подлинную теорию теории, в сферу своей феноменологии, т.е. в сферу осуществления /.../ психологизма "чистой психологии"⁹⁷. Во-вторых, защищая формальную "чистую логику", "как науку об идеальном бытии", он тем не менее заполняет ее неформальной содержательной логикой, а потому и онтологией всего бытия"⁹⁸.

Изложив основную критику Б.Яковенко по отношению к феноменологии Э.Гуссерля, нами теперь спрашивается, правильна ли она.

Следовало бы сразу сказать, что с точки зрения адекватного изложения и понимания философской сущности феноменологии она, на наш взгляд, **неправильна**. **Неправильна** потому, что Б.Яковенко, по существу, несмотря на очень одобрительное отношение к общей философской тенденции феноменологии, о чем было сказано, **конструирует** 1) свою, не соответствующую гуссерлевской, схему феноменологии Э.Гуссерля и 2) свою, также не соответствующую гуссерлевской, схему психологизма (интенционализма). Таким образом вполне возможно и легко пользоваться второй схемой в нападениях на первую. Разумеется, все это делается с общего фона и точки зрения своего понимания философии⁹⁹.

Остановимся сейчас на основных, на наш взгляд, заблуждениях Б.Яковенко.

Во-первых, упреки и обвинения Э.Гуссерля в психологизме, как отступлении от своего же антипсихологизма, неправомерны потому, что психологизм в понимании Б.Яковенко, как мы видели, сильно отличается от гуссерлевского понимания. Если Б.Яковенко видит всю философию, в том числе логику и теорию познания, психологизированной в течение всей ее истории, в конечном счете считая психологистом и своего любимчика Германа Когена¹⁰⁰, то Э.Гуссерль совсем спокойно исходит из факта, данного нам "феноменологически", что логическое нам всегда дано в "составе" индивидуально-конкретного психического феномена, с чем нельзя не считаться. Только после этого признания Э.Гуссерль начинает различать в феномене логическое и психическое, а также бороться против психологизации логического в "составе" этого же феномена.

Во-вторых. Хотя Б.Яковенко на словах более-менее правильно описывает элементарную структуру интенционального акта, в дальнейшем он в целях несознательного оправдания своего антипсихологизма сильно, сущностно искажает его внутреннюю логику. Дело в том, что Б.Яковенко, исходя из своего представления о том, чем должна быть философия, считает предметом познания — это, мол, так и по Э.Гуссерлю — Сущее. Кое-какими коррекциями это вполне возможно с точки зрения любого материализма — если под Сущим понимать объективную реальность, и также возможно с точки зрения Э.Гуссерля, если это Сущее действительно понимать точно в качестве предмета познания и к тому же непременно в качестве интенционального предмета. Но у Б.Яковенко, видимо, сильна тенденция молчаливо заменить предмет познания объектом познания, что отнюдь не одно и то же. Под предметом познания он в действительности подсовывает Э.Гуссерлю объект познания Сущее в его абсолютном бытии, которое к тому же должно входить в элементарную структуру интенционального акта. Таким образом — если еще сознание приравнивается к психике! — действительно легко обвинить Э.Гуссерля в психологизации всего Сущего, в субъективистских и субъективно-идеалистических тенденциях — что, впрочем, по отношению к феноменологии оправдано с точки зрения диалектико-материалистической, марксистской философии, хотя по совсем другим, исходящим из сущности феноменологии причинам. По феноменологической логике любая данность, как объект познания, уже вперед рассматривается в качестве интенционального предмета. Интенциональностью фундаментально характеризуется любая данность, но эта характеристика никак не препятствует дальнейшему рассмотрению данности как, например, материальной или субъективно- или объективно-идеальной, а также по другим философским характеристикам¹⁰¹. О том, что Б.Яковенко этого явно не понимает, свидетельствует и следующий пассаж: "...оставаясь по-прежнему на почве интенционалистического учения, но акцентируя в нем другую сторону и признавая, что все Сущее по своей природе предметно и что все вообще осознается лишь постольку, поскольку является интенционально-данным, приходится оспаривать возможность всякой вне-интенциональной, вне-предметной, вне-перспективистической "данности" ..."102. Но именно в этом как раз и скрывается, как указано, суть феноменологического, т.е. "интенционалистического" подхода к миру. Б.Яковенко, желая сохранить Сущее, как Святое Святых

в качестве не-интенционального абсолютного, обвиняет Э.Гуссерля в том, в чем нет никакой надобности — в том, что феноменология является ... феноменологией. Феноменологию можно или принимать, или не принимать, но нельзя поправлять. Трактовка Сущего, разумеется, не соединима с феноменологией, потому что Б.Яковенко понимает его только следующим образом: "... Сущее во всех особенных и разнообразных моментах своего состава всецело исчерпывается самим собою и не указывает за своими пределами на сознание, не связывается как-либо с посторонними ему, как таковому, психическими переживаниями"¹⁰³. Этого Сущего действительно нельзя подвести под "интенциональную трансцендентность", как он трактует точку зрения Э.Гуссерля. Вообще Борису Яковенко кажется, что "познавательным предметом", по Э.Гуссерлю, может быть и "самый обыкновенный реальный, временно-пространственно и причинно определенный и изменениям подвергающийся предмет"¹⁰⁴. Феноменологически в прямом смысле это просто неправильно, потому что Э.Гуссерль сам такой предмет, как только такой предмет, точнее, такое понимание предмета прямо противопоставляет идеально-интенциональному предмету. Эмпирический предмет, как только эмпирический, немислим. Он может быть познавательным предметом, но, как сказано, только при условии, что является и интенциональным.

В-третьих. Б.Яковенко все-таки не понимает смысла трактовки Э.Гуссерлем элементарной структуры интенционального акта, как с о з н а н и я. Если бы Э.Гуссерль понимал сознание как нечто отличное от предмета сознания, то все упреки Б.Яковенко ему в психологизации Сущего, как предмета познания (и сознания) были бы правильными, оправданными. Б.Яковенко в своих толкованиях предполагает, несмотря на формально правильное изложение элементарной структуры интенционального акта, что еще до отношения сознания к предмету с точки зрения Э.Гуссерля существует нечто такое как сознание вообще, мыслимое и вне отношения к своему предмету. Мыслится сознание, или интенциональный акт, который, существуя сам по себе, может или не может направляться на предмет, относиться к предмету, иметь предмет. От этого направления, отношения или имени как будто не зависит бытие сознания. Вообще Б.Яковенко считает возможным говорить о сознании как-то отдельно от его предмета. Лучше всего такое понимание видно тогда, когда он рассуждает об "интенционалистической" схеме: "Если Сущее-интенциональное и сознание-интенционо-

ванное суть, по существу своему, две стороны, два элемента, два проявления или два названия одного и того же, то прежде всего совершенно непонятно, как одно и то же может быть одновременно и не одним и тем же; а еще **менее** понятно, как, не будучи одним и тем же, оно является вдобавок не просто, а двойко-другим"¹⁰⁵. Отметим, что здесь явно не хватает гегелевского ума для понимания диалектики гуссерлевской схемы акта-предмета, о чем нам уже приходилось писать¹⁰⁶. Здесь, кажется, достаточно, если упомянем, что сознание, а, точнее, интенциональный акт или психическое переживание, Э. Гуссерль всегда понимал как только направление-на-предмет, отношение-к-предмету, имение предмета. Нет никакого отдельного сознания или акта или переживания, могущего направляться или относиться или иметь, а есть только само предметное направление, отношение, имение, что и является "сознанием". Сознание - не нечто, имеющее что-то, а само имение (этого) чего-то. Впрочем, таким же пониманием сознания снимается, на наш взгляд, и упрек в том, каким образом можно доказывать "связанность" трех элементов акта в одно, их "сосуществование" в одном. По Э. Гуссерлю феноменологически просто нет этих трех элементов, онтически как-то отдельно друг от друга существующих, а есть один интенциональный акт, есть одно сознание, **a priori** предполагаемое в абсолютном единстве относительно различных элементов.

В-четвертых, Б. Яковенко ошибается, пытаясь выводить из понимания Э. Гуссерлем сознания психологизм. Это, видимо, возможно, если согласиться с тем, что он отождествляет сознание с психикой. Но этого у Э. Гуссерля нигде и никогда не было. Он как раз настаивает на своем определении сознания, принципиально отличающемся от "психологических" определений.

Последние характеризуются следующим образом: "1. Сознание как весь реальный феноменологический состав эмпирического "я", как переплетение психических переживаний в единстве потока переживаний. 2. Сознание как внутреннее "замечание" собственных психических переживаний"¹⁰⁷. Хотя Э. Гуссерль четко отрицает понимание сознания, как "реального феноменологического состава эмпирического "я"", Б. Яковенко постоянно трактует феноменологическое понимание сознания именно в качестве психического феномена, психики. Об этом можно приводить множество свидетельств. Приведем лишь одно: "Если Сущее интенционально, оно потому самому есть уже момент с о-

знания и не может быть принципиально отъединено от психического¹⁰⁸. Но, отождествляя сознание с психикой и присваивая такое понимание Э.Гуссерлю, разумеется, весьма нетрудно обвинить основателя феноменологии в психологизме не только в собственном, но и в понимании Э.Гуссерля. Между тем последний определяет сознание "... как охватывающее обозначение любого "психического акта" или "интенционального переживания"¹⁰⁹. Хотя Э.Гуссерль тогда отождествлял интенциональное переживание с психическим актом, в последнем психического как реально-временного нет. Как интенциональное переживание, этот "акт" отождествляется с "нереальным" (идеальным, вневременным) направлением, отношением или именем. В его состав не входят реальные временные психические элементы феномена (например, ощущения или комплексы ощущений), но в то же время к интенциональности акта, как "психического" акта, принадлежат различные качества акта (акт как представление, суждение и т.п.) как интенционально-значимые, т.е. вневременные. В этом смысле интенциональное переживание, или акт, относится к сфере логики, но не психологии. На наш взгляд, интенциональность сознания (и тем самым само сознание) является у Э.Гуссерля чисто логическим (означающим, т.е. выходящим за пределы возможности "реального" бытия или небытия) отношением. Даже об интенциональном предмете как интенциональном в строгом смысле нельзя говорить как существующем или несуществующем. Такого вопроса, тем более ответа, быть не может.

Таковы, кажется, основные причины возможности упрекания и обвинения Э.Гуссерля в психологизме и, в частности, интенционализме со стороны Б.Яковенко. Выработав свою психологистско-интенционалистскую схему для трактовки философии, Б.Яковенко "обнаруживает" ее среди других современных философов также у Э.Гуссерля и начинает его из-за этого критиковать. Этот способ давно известен, потому что весьма удобен для борьбы с любым идейным противником. Речь здесь не идет о том, что, например, с точки зрения марксистской философии эта критика по существу приемлема и правильна — Б.Яковенко, впрочем, не материалист! —, а о том, что он не понимает или не хочет понимать сущностную логику феноменологии, и в этом смысле, нам думается, просто несправедлив. Критика эта "нелогична".

Бытует мнение, будто Борис Яковенко по своим философским убеждениям является феноменологом¹¹⁰. Но, как мы уже видели,

несмотря ни на что, он относится к Э.Гуссерлю и другим "интенционалистам" весьма критически. Уже одно это вызывает по отношению к этой квалификации сомнения. Наши сомнения легко подтверждаются, если обратиться хотя бы к такой статье, как "О теоретической философии Германа Когена". Определение "Философской энциклопедии" справедливо: Б.Яковенко - "русский философ, близкий к неокантианству". Он сам пишет так: "Мы должны с самого же начала заявить, что наши надежды лежат в направлении философии марбургцев, философии Когена"^{III}. Философия эта в лучшем смысле реалистична, позитивистична, формалистична и идеалистична, утверждает Б.Яковенко^{II2}. Она не эмпиристична, не психологична и не интуитивистична. "Помещая философию Когена в среду нынешних борющихся между собой течений, можно сказать, что те поиски истинной "ч и с т о й ф и л о с о ф и и", которые под явным и скрытым влиянием Канта и Гегеля господствуют в течение последних 50 лет в сфере философской работы, и которые свое лучшее выражение до сих пор нашли в "Kantschriften" Когена, в "Erkenntnistheoretische Logik" Шuppe и в "Logische Untersuchungen" Гуссерля, - что эти поиски увенчались, наконец, громадным успехом в лице "System der Philosophie" Когена. /.../ В системе философии Когена мы - люди двадцатого века - получаем обновленную согласно духу времени и доведенную до высокой степени развития традицию независимой философской науки. Эта система есть, так сказать, самосознание философии последних пятидесяти лет, как философия Канта была самосознанием философии вообще, а философия Гегеля - ее самосознанием в первую половину девятнадцатого столетия. Философия Когена есть то, с чего мы должны начинать философствовать, если не хотим идти назад ..."^{II3}. Будущее, по мнению Б.Яковенко, "за системой Когена"^{II4}. Свое философское стремление формулируется им в школьном духе кратко и четко: "Вперед вместе с Когеном!"^{II5}.

ж

ж

ж

Ввиду ограниченного объема статьи нам удалось здесь осветить лишь начало и один, правда, значительный отклик Бориса Яковенко из истории восприятия в России феноменологии и феноменологической философии Эдмунда Гуссерля. Но этим русское восприятие ее, разумеется, не ограничивается. Феномено-

логия находит в России и в дальнейшем как поклонников, так и противоборцев. Но об этом в другой раз.

Литература и примечания

- I См. о нем: Философская энциклопедия. - М., 1970. - Т. 5. - С. 613.
- 2 Яковенко Б. К критике теории познания Риккерта // Вопр. филос. и психол. - 1908. - Кн. III (93). - С. 412.
- 3 Husserl E. Logische Untersuchungen. - Halle, 1900. - Bd.1. - Halle, 1901. - Bd. 2.
- 4 См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. - Спб., 1909; Он же. Философия, как строгая наука // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. - М., 1911. - Кн. I. - С. I-56.
- 5 Гордон Г. Новые идеи в философии. Сб. 3: Теория познания I. // Логос. - 1912-1913. - Кн. I и 2. - С. 378.
- 6 Cf.: Lapointe F. Edmund Husserl and his Critics: An International Bibliography (1894-1979). Preceded by a Bibliography of Husserl's Writings. - Bowling Green (Ohio, U.S.A.), 1980.- P. 8.
- 7 Holenstein E. Jakobson und Husserl: Ein Beitrag zur Genealogie des Strukturalismus // History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics: - Berlin-New York, 1976. - P. 773.
- 8 См.: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Вопр. философии. - 1986. - № 3. - С. 101-116.
- 9 Радлов Э.Д. Философский словарь. Логика, психология, этика, эстетика и история философии. - 2-ое изд. испр. и доп. - М., 1913. - Стлб. 62.
- 10 Там же. - Стлб. 518.
- 11 Cf.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 1: Prolegomena zur reinen Logik. - Halle an der Saale, 1913. - S. 192-210.
- 12 Ibidem. -S. 192 (разрядка наша - Ю.М.).

- 13 Викторов Д. Философские взгляды Эрнста Маха // *Вопр. филос. и психол.* - 1904. - Кн. III(93). - С. 280.
- 14 Там же. - С. 299.
- 15 Там же. - С. 307-308.
- 16 Там же. - С. 309.
- 17 Там же.
- 18 Cf: Spiegelberg H. *The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. Third revised and enlarged Edition. With the Collaboration of Karl Schuhmann.* - The Hague-Boston-London, 1982.
- 19 См.: Лосский Н. Обоснование мистического эмпиризма // *Вопр. филос. и психол.* - 1904. - Кн. II (72). - С. 129-171; Кн. III (73). - С. 197-228; Кн. IV (74). - С. 315-396; Кн. V (75). - С. 451-507; 1905. - Кн. II (77). - С. 71-103; Кн. III (78). - С. 163-211; Кн. IV (79). - С. 247-334.
- 20 Там же. - 1905. - Кн. III (78). - С. 175-176.
- 21 Там же. - С. 176.
- 22 Там же. - С. 204-205.
- 23 Там же. - С. 205-206.
- 24 Там же. - С. 207.
- 25 Там же. - С. 210.
- 26 Cf: Stegmüller W. *Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie: Eine kritische Einführung.* - Stuttgart, 1976. - Bd. 1. - S. 56-57.
- 27 См.: Лосский Н. Обоснование интуитивизма. Пропедевтическая теория знания. - СПб., 1906. К критике русской интуитивистской философии см.: Чуева И.П. Критика идей интуитивизма в России. - М., Л., 1963.
- 28 Лосский Н. Волонтаристическое учение о воле // *Вопр. филос. и психол.* - 1902. - Кн. II (62). - С. 671.
- 29 Яковенко Б. К критике теории познания Риккерта. - С. 381 (разрядка наша - Ю.М.).
- 30 Там же (разрядка наша - Ю.М.).
- 31 Там же. - С. 383.

- 32 Там же. - С. 411.
- 33 Там же. - С. 412.
- 34 Там же.
- 35 Там же (разрядка наша - Е.М.).
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля // Новые идеи в философии. Сб. 3: Теория познания I. - Спб., 1913. - С. 78-79.
- 39 Там же. - С. 78.
- 40 Там же. - С. 79.
- 41 Там же.
- 42 Там же. - С. 88.
- 43 См. об этом: Матьюрс Ю. К проблеме истины в "Логических исследованиях" Эдмунда Гуссерля // Социальная детерминация познания: Философско-методологические проблемы. - Тарту, 1979. - С. 36-44. - (Уч. зап. / Тарт. ун-т; Вып. 465: Труды по философии XX).
- 44 "Скорее всего она - "идея" (вполне в платоновском смысле, с. 129)", писал П.Наторп об идее в понимании Э.Гуссерля (Natorp P. Zur Frage der logischen Methode: Mit Beziehung auf Edmund Husserls "Prolegomena zur reinen Logik" // Husserl. - Darmstadt, 1973. - S. 6).
- 45 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 83.
- 46 Там же. - С. 102.
- 47 Там же. - С. 104.
- 48 Там же. - С. 105.
- 49 Там же. - С. 106. Впрочем, М.Хайдеггер хорошо демонстрирует, что критика психологизма (в логике) со стороны Э.Гуссерля в действительности является критикой самой психологии, которая не знает, что такое психическое (Cf: Heidegger M. Logik: Die Frage nach der Wahrheit // Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923-1944. Bd. 21. - Frankfurt am Main, 1976. - S. 89-99).

- 50 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 109-110.
- 51 Там же. - С. 115 (разрядка наша - Ю.М.).
- 52 Там же. - С. 119.
- 53 Там же. - С. 120.
- 54 Там же. - С. 121-123.
- 55 Там же. - С. 124.
- 56 Там же. - С. 125.
- 57 Там же. - С. 126.
- 58 Там же. - С. 125.
- 59 Cf.: Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs // Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923-1944. Bd. 20. - Frankfurt am Main, 1979. - S. 98.
- 60 См.: Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 128.
- 61 Там же. - С. 132.
- 62 Там же. - С. 135.
- 63 Там же. - С. 139.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 Там же. - С. 139-140.
- 67 Там же. - С. 140.
- 68 Там же.
- 69 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм // Логос. - 1911-1912. - Кн. 2 и 3. - С. 66.
- 70 Там же. - С. 86 (разрядка наша - Ю.М.).
- 71 Яковенко Б. О теоретической философии Германа Когена // Логос. - 1910. - Кн. I. - С. 224-225.
- 72 Яковенко Б. О современном состоянии немецкой философии // Логос. - 1910. - Кн. I. - С. 253.
- 73 Там же. - С. 254.
- 74 Там же. - С. 254-255.
- 75 Там же. - С. 255.

- 76 См.: Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 141-142.
- 77 Там же. - С. 142.
- 78 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм. - С. 81-82.
- 79 Там же. - С. 82.
- 80 Там же. - С. 83.
- 81 Там же.
- 82 Там же. - С. 84-85.
- 83 Там же. - С. 86.
- 84 Там же. - С. 87.
- 85 Там же.
- 86 Там же. - С. 88.
- 87 Там же.
- 88 Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм // Логос. - 1912-1913. - Кн. I и 2. - С. III-III.
- 89 Там же. - С. III.
- 90 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 143.
- 91 Там же.
- 92 Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм. - С. III.
- 93 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 144.
- 94 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм. - С. 92.
- 95 Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм. - С. 109.
- 96 Там же.
- 97 Яковенко Б.В. Философия Эд. Гуссерля. - С. 146.
- 98 Там же.

- 99) Свое понимание философии Б.Яковенко излагает в статье "Что такое философия? Введение в трансцендентализм" (Логос. - 1911-1912. - Кн. 2 и 3. - С. 27-103).
- I00 См. об этом в особенности его статью "О теоретической философии Германа Когена". Б.Яковенко пишет там: "Философская система Германа Когена не удовлетворяет нас потому, что в своем основании она глубоко психологистична" (с. 223; первая разрядка наша - Ю.М.).
- I01 См. об этом нашу статью "Проблема бытия "материальных вещей" в феноменологии Э.Гуссерля" // Философская думка. - 1986. - № 5. - С. 93-101.
- I02 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм. - С. 90-91.
- I03 Там же. - С. 92.
- I04 Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще: Второе, более специальное введение в трансцендентализм. - С. III - II2.
- I05 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм. - С. 88.
- I06 См.: Матьюс Ю. Учение Э.Гуссерля об интенциональности в свете понимания К.Марксом специфики сознания // Марксизм, история философии, современность: (Мат. симп., посвященного философскому наследию К. Маркса), Кяэрику, 23-26 мая 1983 г. - Тарту, 1985. - С. 193.
- I07 Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. T. 1. -, Halle an der Saale, 1913. - S. 346.
- I08 Яковенко Б. Что такое философия? Введение в трансцендентализм. - С. 88 (разрядка наша - Ю.М.).
- I09 Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. T. 1. - S. 346.
- I10 См., напр.: Мотрошилова Н.В. Принципы и противоречия феноменологической философии. - М., 1968. - С. 5.
- I11 Яковенко Б. О современном состоянии немецкой философии. - С. 265.

- II2 Яковенко Б. О теоретической философии Германа Когена. -
С. 222-223.
- II3 Там же. - С. 223.
- II4 Яковенко Б. О современном состоянии немецкой философии.
- С. 266.
- II5 Яковенко Б. О теоретической философии Германа Когена. -
- С. 239.

С о д е р ж а н и е

М.Кийв. И.И. Ягодинский о философии молодого Лейбница. Предпосылки воссоздания систе- мы; психология - логика - гносеология	3
М.Кийв. И.И. Ягодинский о философии молодого Лейбница. Метафизика - физика - этика, суммирующий принцип	17
В.В. Зибен. К "внешней" истории вольфианства в России XVIII века	34
И.В. Никифоров. Восприятие научных идей и образ ученого (Россия и Западная Европа на рубеже XVIII-XIX веков)	62
Л.Н. Столович. О судьбе тартуской кантианы	80
В.П. Хютт. Гегель и Достоевский (К вопросу о влиянии идей Гегеля на творчество Достоевского)	91
Т.И. Гражданова. Взгляды Г.Е. Благовестлова на революцию и западно-европейская политиче- ская мысль	104
А.Тооль. К восприятию философии В.Дильтея в России	116
Ю.Матьюс. К истории восприятия феноменологии Э.Гуссерля в России	132

А в т о р ы:

- М.Н. Кыйв – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института физики Академии наук Эстонской ССР
- В.В. Зибен – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Тартуского государственного университета
- И.В. Никифоров – аспирант кафедры философии естественных факультетов Московского государственного университета
- Л.Н. Столович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тартуского государственного университета
- В.П. Хютт – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Эстонской ССР
- Т.И. Гражданова – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории КПСС Волгоградского института инженеров гражданского строительства
- А.Ю. Тооль – преподаватель кафедры философии Тартуского государственного университета
- Ю.Й. Матьюс – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тартуского государственного университета

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 787.
К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ.
Труды по философии XXXIII.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Линнкоэли, 18.
Ответственный редактор В. Матюс.
Корректор И. Пауска.
Подписано к печати 8.09.1987.
МБ 05837.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 10,29. Печатных листов 10,5.
Тираж 450.
Заказ № 658.
Цена 2 руб. 10 коп.
Типография ТТУ, ЭССР, 202400, Тарту, ул.Тийги, 78.

2 руб. 10 коп.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00279238 2